

Д. И. Багалея

Колонизация
Новороссийского
края

Table of Contents

[Annotation](#)

[Дмитрий Иванович Багaley Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры](#)

[Дмитрий Иванович Багaley](#)

[Предисловие автора](#)

[Глава I Природа страны](#)

[Глава II Первые поселенцы](#)

[Глава III Русская государственная и народная колонизация в XVIII и первой четверти XIX века](#)

[Глава IV Иностранная колонизация в XVIII и первой четверти XIX века](#)

[Глава V Зачатки местной культуры](#)

[Список литературы, использованной Д. И. Багалеem](#)

[Приложения](#)

[Дримпельман Э. В Записки немецкого врача о России в конце прошлого века\[290\]](#)

[Скальковский А Население Новороссийского края и Бессарабии в 1851 году](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)
[69](#)

[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)
[75](#)
[76](#)
[77](#)
[78](#)
[79](#)
[80](#)
[81](#)
[82](#)
[83](#)
[84](#)
[85](#)
[86](#)
[87](#)
[88](#)
[89](#)
[90](#)
[91](#)
[92](#)
[93](#)
[94](#)
[95](#)
[96](#)
[97](#)
[98](#)
[99](#)
[100](#)
[101](#)
[102](#)
[103](#)
[104](#)
[105](#)
[106](#)
[107](#)
[108](#)
[109](#)
[110](#)
[111](#)
[112](#)
[113](#)
[114](#)

[115](#)
[116](#)
[117](#)
[118](#)
[119](#)
[120](#)
[121](#)
[122](#)
[123](#)
[124](#)
[125](#)
[126](#)
[127](#)
[128](#)
[129](#)
[130](#)
[131](#)
[132](#)
[133](#)
[134](#)
[135](#)
[136](#)
[137](#)
[138](#)
[139](#)
[140](#)
[141](#)
[142](#)
[143](#)
[144](#)
[145](#)
[146](#)
[147](#)
[148](#)
[149](#)
[150](#)
[151](#)
[152](#)
[153](#)
[154](#)
[155](#)
[156](#)
[157](#)
[158](#)
[159](#)

[160](#)
[161](#)
[162](#)
[163](#)
[164](#)
[165](#)
[166](#)
[167](#)
[168](#)
[169](#)
[170](#)
[171](#)
[172](#)
[173](#)
[174](#)
[175](#)
[176](#)
[177](#)
[178](#)
[179](#)
[180](#)
[181](#)
[182](#)
[183](#)
[184](#)
[185](#)
[186](#)
[187](#)
[188](#)
[189](#)
[190](#)
[191](#)
[192](#)
[193](#)
[194](#)
[195](#)
[196](#)
[197](#)
[198](#)
[199](#)
[200](#)
[201](#)
[202](#)
[203](#)
[204](#)

[205](#)
[206](#)
[207](#)
[208](#)
[209](#)
[210](#)
[211](#)
[212](#)
[213](#)
[214](#)
[215](#)
[216](#)
[217](#)
[218](#)
[219](#)
[220](#)
[221](#)
[222](#)
[223](#)
[224](#)
[225](#)
[226](#)
[227](#)
[228](#)
[229](#)
[230](#)
[231](#)
[232](#)
[233](#)
[234](#)
[235](#)
[236](#)
[237](#)
[238](#)
[239](#)
[240](#)
[241](#)
[242](#)
[243](#)
[244](#)
[245](#)
[246](#)
[247](#)
[248](#)
[249](#)

[250](#)
[251](#)
[252](#)
[253](#)
[254](#)
[255](#)
[256](#)
[257](#)
[258](#)
[259](#)
[260](#)
[261](#)
[262](#)
[263](#)
[264](#)
[265](#)
[266](#)
[267](#)
[268](#)
[269](#)
[270](#)
[271](#)
[272](#)
[273](#)
[274](#)
[275](#)
[276](#)
[277](#)
[278](#)
[279](#)
[280](#)
[281](#)
[282](#)
[283](#)
[284](#)
[285](#)
[286](#)
[287](#)
[288](#)
[289](#)
[290](#)
[291](#)
[292](#)

Annotation

На основе малоизвестных исторических источников российский историк Дмитрий Иванович Багале́й воссоздает широкомасштабную картину продвижения России на Юг, освоение Новороссии, становление ее самобытной культуры. Впервые этот труд, предметом которого, по словам автора, «будет местность, обнимающая нынешние Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии (исключая в последней Крым), и известная под именем Новороссия или новороссийских степей», увидел свет в 1889 г. и с тех пор не переиздавался, хотя сохранил научную значимость благодаря огромному фактическому материалу.

Дмитрий Иванович Багале́й

**Колонизация Новороссийского края и
первые шаги его по пути культуры**

© Кучково поле, 2015

© Михальченко С. И., вступ. ст., 2015

Дмитрий Иванович Багале́й

Дмитрий Иванович Багале́й родился 26 октября 1857 года в Киеве в семье ремесленника. В 1876 году после окончания 2-й Киевской гимназии Багале́й поступил в Киевский университет св. Владимира, где его учителем стал Владимир Бонифатьевич Антонович. Антонович был незаурядным педагогом. В 80–90-е годы XIX века его учениками были А. М. Андрияшев, М. В. Довнар-Запольский, М. С. Грушевский, В. Г. Ляскоронский и другие известные историки. Общие принципы в выборе тем и методологии исследований позволили назвать сформированную Антоновичем школу областнической: многочисленные публикации его учеников касались прежде всего истории и географии различных областей Древнерусского государства.

В 1879 году предложенная Антоновичем тема по истории Северской земли была взята сразу двумя студентами – третьекурсником П. В.

Голубовским и четверокурсником Багалеем; на следующий год они представили сочинения под одинаковыми названиями и оба получили медали. При этом работа Багалеев удостоилась значительно более восторженного отзыва Антоновича, чем труд Голубовского.

Столь успешное начало научной деятельности привело к оставлению Багалеев для подготовки к профессорскому званию при кафедре русской истории университета св. Владимира в 1880 году. Далее в его биографию вмешалось следующее обстоятельство: в Харьковском университете уже много лет пустовала кафедра русской истории, и киевские украинофилы решили попытаться направить туда своего кандидата (Багалеев с юности принимал участие в украинском общественном движении), а поскольку к занятию кафедры готовился оставленный при Харьковском университете П. Буцинский, и, кроме того, на объявленный конкурс подали документы также магистрант Киевского университета И. А. Линниченко и магистр В. И. Семевский из Петербурга, то нужно было спешить с «остепенением» собственного кандидата. Эти причины помогли ускорить защиту диссертации, тем более что тема ее совпала с темой медальной работы и была посвящена, таким образом, истории Северской земли. Руководитель Багалеев Антонович, правда, отмечал в отзыве, что текст был значительно переработан и дополнен. Другие историки придерживались более критической точки зрения. Так, один из учеников Антоновича и конкурент Багалеев по конкурсу в Харькове, И. А. Линниченко, увидел в книге немало незакавыченных заимствований из трудов других авторов. Справедливости ради стоит отметить, что и сам Багалеев на склоне лет признавал невысокий уровень своего магистерского сочинения. Но, так или иначе, в дальнейшем вся жизнь Багалеев была связана с Харьковом – получив магистерскую степень, он избирается экстраординарным, а с 1887 года и ординарным профессором Харьковского университета. Выслужив положенный 25-летний срок, в 1908 году он стал заслуженным профессором. В 1906–1911 годах исполнял обязанности ректора ставшего для него родным учебного заведения.

Вскоре после начала преподавания в Харькове, в 1888 году, Багалеев пригласили прочитать лекции по истории Северного Причерноморья для офицеров морского флота в городе Николаеве. Именно эти лекции и стали основой изданной годом позже монографии Д. И. Багалеев «Колонизация Новороссийского края и первые шаги по пути культуры. Исторический этюд», впервые опубликованной в журнале «Киевская старина» в 1889 году и вышедшей в том же году отдельным изданием. Книга написана в традициях школы Антоновича, так же как и защищенная в 1887 году докторская диссертация ученого – «Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства», – и представляет собой историко-географическое исследование. Приведа в начале книги подробную историко-

географическую характеристику местности, Д. И. Багалея затем показал, «как в процессе освоения природы и борьбы с набегами кочевников происходило заселение края и развитие материальной и духовной культуры, рассматривая его как естественный рост уровня цивилизации». Исследователь творчества Багалея В. В. Кравченко полагал, что, в целом, Д. И. Багалея дал «объективную оценку государственной колонизации Новороссийского края»^[1]. В 1920 году Багалея переиздал монографию на украинском языке.

Научное творчество Багалея было достаточно разноплановым. Кроме изучения истории Южной и Слободской Украины в XVII-XIX веков (Історія Слобідської України. Харків, 1918), он занимался также историей Харькова и Харьковского университета [Опыт истории Харьковского ун-та (по неизданным материалам). Харьков, 1893-1904. Т. 1-2; История г. Харькова за 250 лет его существования (с 1655-го по 1905-й год) (совм. с Д. П. Миллером). Харьков, 1905-12. Т. 1-2], руководил описанием исторического архива Харькова, собирал биографические материалы Г. С. Сковороды и В. Н. Каразина, издал их труды. Автор курсов русской историографии (Ч. 1-3, 1907) и русской истории (Ч. 1-2, 1909-1911). Проводил раскопки и составил археологическую карту Харьковской губернии (опубликована в 1906).

Багалея не ограничивался только научной и образовательной деятельностью. С начала XX века он активно занялся политикой, по своим взглядам относясь к либерально-демократическому лагерю. В 1905 году он вступил в партию кадетов. А годом позже был избран членом Государственного совета от российских университетов и Академии наук (состоял в нем в 1906 и в 1911-1914). Наконец, в годы Первой мировой войны (в 1914-1917), Багалея был городским головой Харькова.

Восторженно приняв Февральскую революцию, Багалея поначалу без энтузиазма отнесся к Октябрьскому перевороту. Лишь к 1919 году он перешел на позиции марксизма и, отказавшись от, несомненно, имевшейся у него возможности эмигрировать, стал сторонником советской власти. Годом ранее он был избран во вновь образованную Академию наук Украины, где возглавил Историко-филологическое отделение (в 1918-1920 и в 1929-1930). Любимым детищем ученого стала основанная им в 1922 году научно-исследовательская кафедра истории Украины, с 1927 года носившая его имя. В 1930 году кафедра была преобразована в также носивший его имя многоотраслевой НИИ. В 1927 году был широко, на государственном уровне, отмечен юбилей ученого.

Не оставляя Багалея и преподавательской деятельности, он продолжал быть профессором университета, а после его преобразования возникших на его базе Академии теоретических знаний, а позже Института народного образования. Одновременно

активно занимался общественной деятельностью, состоя в различных научных и просветительских организациях.

В последние годы жизни творчество Багалея, как ученого старой школы, подвергалось ожесточенной критике. Тем не менее, он оставался на всех постах вплоть до смерти, последовавшей 9 февраля 1932 года.

Доктор исторических наук Сергей Иванович Михальченко

Предисловие автора

Любопытную и крайне своеобразную страницу в общей истории русской колонизации представляет история колонизации Новороссийского края и по необычайной быстроте колонизационного процесса, и по разнообразию этнографических элементов, привлеченных к этому процессу, и по блистательным результатам, увенчавшим тяжелые труды первых пионеров. Эта страница отчасти уже даже написана в многочисленных трудах ветерана-историка Новороссийского края А. А. Скальковского^[2], и всякий, знакомый с его историческими и статистическими работами, согласится с тем, что они для своего времени представляли в высшей степени замечательное явление, можно сказать, что в областной исторической литературе того времени они занимали первое место, так на них смотрела и Императорская академия наук, присуждавшая автору высшие награды (Демидовскую и Уваровскую премии). Да и теперь всякий исследователь новороссийской старины должен будет обращаться к трудам Скальковского, как к богатейшей сокровищнице ценных материалов, доселе не утративших своего значения. Иное заключение мы должны высказать относительно критической обработки и группировки этого материала. Требования к историческому исследованию за последнее время значительно увеличились, и им-то не удовлетворяет «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края», изложенное не в прагматической, а в летописной форме. К трудам А. А. Скальковского, по своему характеру и направлению, примыкают исследования преосвященного Гавриила^[3]. Затем в более позднее время стали появляться историко-статистические описания отдельных губерний, составленные офицерами Генерального штаба, в том числе Херсонской и Екатеринославской; в описании первой мы встречаем, между прочим, «Краткий исторический взгляд на Херсонскую губернию»^[4], заключающий в себе общий очерк заселения губернии с несколькими новыми фактическими данными, почерпнутыми из архивных источников. Вот и все старые труды по истории

Новороссийского края вообще и колонизации его в частности на русском языке^[5].

Но раньше всех их (в 1820) вышло в Париже на французском языке сочинение, специально посвященное историческому очерку Новороссии, принадлежащее перу маркиза де Кастельно^[6]. Оно могло дать иностранцам наглядное и довольно верное представление о крае, сильно интересовавшем и привлекавшем их своею торговлею и промышленностью, тем более, что тогда во главе его стоял известный французский эмигрант дюк де Ришелье, желавший привлечь сюда в большом количестве французских колонистов. Автор этой книги имел все данные, чтобы написать хорошее сочинение на избранную им тему: он долго жил в Новороссии, путешествовал по ней, делал наблюдения над местным климатом, находился в непосредственных отношениях к местным деятелям и, что самое важное, получил от представителей местной администрации и устные и письменные известия о недавнем прошлом и современном состоянии края; если к этому еще мы прибавим в высшей степени доброжелательное отношение автора к личности и деятельности императора Александра I, выразившееся, между прочим, в посвящении ему книги, и желание оценивать мероприятия разных деятелей, то для нас станет ясно, что мы имеем дело с серьезным трудом, интересным не только для иностранного, но и для русского читателя. Так, во второй части мы найдем немало интересных данных и соображений по истории заселения Новороссии (таково описание местной природы и сведения о колониях); а третья часть, посвященная специально городу Одессе и ее торговле, в этом отношении еще интереснее. Конечно, современный читатель не удовлетворится книгой де Кастельно и найдет в ней немало промахов и пробелов; его не заинтересует описание древнейших судеб Новороссии и он пожалеет, что истории колонизации края во второй половине XVIII века и начале XIX века отведено так мало места; в характеристике деятельности дюка де Ришелье он увидит не объективное воспроизведение заслуг и недостатков этого деятеля, а исключительно один панегирик; не раз он пожалеет также, что автор не обозначал более точно своих источников и т. п. А. А. Скальковский и другие исследователи не были поставлены в необходимость ссылаться на книгу де Кастельно, потому что сами имели в своем распоряжении множество новых и разнообразных материалов и писали только на основании их; но будущий историк новороссийской колонизации, нам кажется, не обойдет ее и примет во внимание некоторые взгляды маркиза де Кастельно.

Кроме этих общих сочинений можно указать на несколько монографий по отдельным вопросам; таковы – А. А. Скальковского о болгарских колониях, его же, Смольянинова и Орлова об Одессе, Владимирова об Екатеринославе, Никитина о евреях-земледельцах, Клауса об иностранных колониях, Щебальского и Брикнера о Потемкине, Пейсоннеля о черноморской торговле. Но вопрос о

колонизации Новороссийского края поставлен на настоящую почву только в самое последнее время, в издаваемых Херсонской земской управой «Материалах для оценки земель». Нельзя не поблагодарить херсонское земство и статистиков, что они в каждом из трех доселе изданных томов «Материалов» поместили по краткому очерку заселения описываемого ими уезда, так что из этих частичных очерков составит впоследствии полная картина заселения Херсонской губернии. Нет никакого сомнения в том, что колониционный процесс находится в теснейшей связи с существующими ныне формами землевладения и хозяйства, так как с самого момента заселения края складывались и вырабатывались те или иные формы землевладения, сословных отношений, местного управления и т. п. К сожалению, статистики, стесненные рамками своей специальной задачи (современного хозяйственного и экономического изучения губерний), едва ли будут иметь возможность достаточно подробно, как того требует важность предмета, изложить историю фактического заселения Новороссийского края и условий, сопровождавших это заселение. Очевидно, что это прямая задача специалиста-историка, и жаль, что до сих пор никому из исследователей не пришла на мысль такая благодарная тема; по всей вероятности, этому мешает обширность задачи, обилие и разнообразие печатных и архивных данных, но мы, само собой разумеется, далеки от мысли принять на себя такую задачу – для этого понадобилось бы напечатать, может быть, два больших тома; наша настоящая статья представляет некоторую переработку публичных лекций, прочитанных весной 1888 года в городе Николаеве, и издается вследствие выраженного некоторыми лицами желания видеть их в печати. Со времени выхода в свет трудов А. А. Скальковского накопилось немало новых материалов; они-то и послужили главным источником для моих статей; таковы разнообразны и ценные документы, помещенные в тринадцати томах «Записок Одесского общества истории и древностей», в нескольких томах «Сборника Императорского Русского исторического общества», в журнале «Киевская старина», в «Материалах для историко-статистического описания Екатеринославской епархии» Феодосия, в «Материалах для истории Южнорусского края» А. А. Андриевского, в мемуарах немецкого врача Дримпельмана и Пищевича. Кроме того, нами найдено для себя кое-что ценное и в таких источниках первой руки, которые были изданы еще до выхода в свет трудов А. А. Скальковского, но которыми ни он, ни другие почти не пользовались; таковы путешествия и описания академика Гюльденштедта, профессора Дюгурова, Измайлова, Неизвестного, Мейера. Наконец, нами немало почерпнуто и из той сокровищницы материалов, из которой и черпали, и будут черпать все исследователи, – из Полного собрания законов Российской империи. Не перечисляем мы здесь также и источники, положенные в основу нашего топографического очерка

новороссийских степей, по их общеизвестности (Эрих Лясота, Боплан, князь Мышецкий, Корж).

На основании всех этих материалов и перечисленных выше пособий мы постараемся проследить в общих чертах распространение русского государства в движении народонаселения к югу, к заветному побережью Черного и Азовского морей; попытаемся определить виды и формы, размеры в быстроту колонизации, роль в ней государства и народа, русского племени и иноземцев. Вместе с тем сделаем краткий очерк зачатков местной культуры, развивавшихся параллельно с колонизацией края и находившихся в прямой, непосредственной связи с этой последней, можно сказать, всецело определявшей ее. Но предварительно нам необходимо будет сделать характеристику местной природы для того, чтобы определить те условия, при которых совершалось заселение края.

Глава I

Природа страны

Географическое положение степей, Днепра с его порогами, плавнями и островами; Буга и Днестра. Флора. Фауна. Невзгоды степной жизни: зимняя стужа, летняя жара и засуха; саранча; соседство с татарами

Предметом нашего изучения будет местность, обнимающая нынешние Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии (исключая в последней Крым), и известная под именем Новороссия или новороссийских степей. Географическое положение и природа новороссийских степей определили их историческую судьбу: с самых отдаленных времен они служили жилищем для номадов (кочевников. – *Примеч. ред.*), постоянно приходивших в Европу из Азии через Каспийские ворота, вытеснявших друг друга и уступавших свое место новым пришельцам. Не перечисляя древнейших обитателей их, мы только напомним о современниках древних русичей – печенегах, черных клобуках, половцах и татарах; одни кочевники надолго задерживались в новороссийских степях; другие только проходили через этот великий путь из Азии в Западную Европу и там уже проявляли свою разрушительную деятельность. Новороссийские степи на востоке сливаются мало-помалу со степями Азии; вот почему они же сделались торною дорогою для всех азиатских кочевников. Природа их представляла гораздо больше удобства для бродячей, кочевой, чем для оседлой, жизни. Здесь исконно господствовала не лесная, а степная растительность – высокие густые травы, столь заманчивые для

номадов; леса здесь, если и попадались, то в виде оазисов. Здесь был простор, столь необходимый для кочевников, с их многочисленными стадами рогатого скота и табунами лошадей; здесь почти нет лесов, препятствующих постоянным передвижениям с одного места на другое; здесь мало и гор: почти вся местность отличается равнинным характером; везде, куда ни бросишь взор, увидишь одну бесконечную равнину, то зеленую, то выжженную солнцем, отличительной чертой которой нужно признать почти полное отсутствие разнообразия. Единственными предметами, на которых останавливается взор, являются курганы – это немые свидетели отдаленного прошлого; но и к ним скоро привыкает глаз, может быть потому, что и они похожи друг на друга. «Только Днепр, Днестр и Буг, – говорит о херсонских степях А. А. Шмидт, – составляют как бы исключение в Херсонской губернии разнообразием и живописностью многих своих мест. Окаймляя или разрезывая всю степную поверхность с севера на юг, они поражают своим исполинским величием и извиваются широкими синими полосами среди обширных зеленеющих долин, лесов, садов, лугов, камышей, резко отделяющихся от белеющих пространств наносных песков»^[7]. Первое место между этими реками по праву принадлежит Днепру^[8], известному под именем Борисфена уже отцу истории Геродоту. Начинаясь в пределах Смоленской губернии, из болот, расположенных у подошвы валдайской плоской возвышенности, Днепр впадает лиманом в море и, таким образом, соединяет отдаленный северо-западный край с Черным морем; в пределах новороссийского края он течет на расстоянии более 500 верст и на всем этом пространстве орошает степи. Характеристическую черту Днепра в пределах северной части Екатеринославской губернии составляют пороги и заборы. Днепровские пороги издавна привлекали к себе внимание путешественников и писателей; о них сообщали сведения византийский император Константин Багрянородный, Эрих Лясота, Боплан, неизвестный автор «Книги Большому Чертежу», составитель атласа реки Днепра XVIII века и, наконец, автор статьи, помещенной в третьем томе «Записок Одесского общества истории и древностей» (с. 581–586); но число порогов в этих источниках указывается неодинаковое (от 7 до 13); сами названия их с X века изменились; впрочем, имена их у Константина Багрянородного переданы неточно. «Пороги, – говорит немецкий путешественник XVI века Э. Лясота, – это пучины (Strudl) или скалистые местности, где Днепр во всю ширину свою загружен камнями и свалами, которые отчасти находятся под водою или на уровне ее, отчасти же поднимаются высоко над водой, почему и делают плавание по этой реке весьма опасным, особенно во время мелководия»^[9]. По словам Боплана, пороги составляют род плотины, которая запружает реку: «Днепр подымается и падает с высоты 5 или 6 футов, на некоторых местах от 6 до 7 футов, смотря по обилию вод его; весною, при таянии снегов, он покрывает все пороги, исключая

седьмого – Ненасытецкого, который только и препятствует судоходству в это время; летом же и осенью, когда вода стоит на самой низкой точке, водопады имеют нередко от 10 до 15 футов в высоту»^[10]. Самый грозный из порогов Ненасытецкий, теперь называемый Дидом. «Страшный шум, – говорит Афанасьев-Чужбинский, – зачастую слышный еще от Звонецкого порога, здесь уже очень явственно дает знать о близости Деда, как называют лоцманы Ненасытец, и вскоре вправо показываются огромные всплески волн, бьющихся белой пеной между камнями. Оба берега скалисты... Собственно порог состоит из двух рядов камней, идущих дугообразно от правого берега к левому, преграждая, таким образом, течение Днепру, который, бросаясь с первого уступа и низвергаясь далее, шумит ужасающим образом. Правый берег одет огромными камнями, разбросанными в живописном беспорядке... С Монастырька, а лучше всего сверху горы, вид на пороги – превосходный; Ненасытец представляется с птичьего полета весь покрытый белой жемчужной пеной. Шумит он как-то особенно; порою случается слышать в его гуле необыкновенные два перелива; но бывает, что он стихает совершенно и только вблизи слышно, как переливается вода через камень...»^[11]. Днепровские пороги, конечно, должны были служить значительными препятствиями для судоходства; порожистое течение Днепра представляло собой как бы естественную твердыню, которая преграждала путь и в лежавшее за нею далее к югу русло Днепра (уже за порогами). Эта часть Днепра отличается другим свойством, характеризуется так называемыми плавнями.

Днепр течет здесь в широкой долине, перерезанными рукавами, гирлами и заливами реки, образующими множество озер, затонов и островов; эти-то низменные долины, образуемые днепровским руслом, и называются плавнями. Они состоят из песчаных и иловатых наносов реки, затопляемых весенними разливами и, за исключением некоторых возвышенных мест древнего образования, в период большого обилия вод в реке, остаются в течение всего года на горизонте ее вод. Низменности одеваются болотной растительностью и густо растущим камышом, покрывающим сплошным ковром целые десятки квадратных верст. Прочие низменности долины представляют собой луговые пространства, одетые иногда густой лесной растительностью, преимущественно вербою, или же представляют совершенно оголенные наносы песка, как бы мели, только что выдвинувшиеся на поверхность воды. За исключением этих песчаных пространств, плавни составляют особое богатство страны, из-за скудности в ней строительного материала, топлива, а иногда и сена. Не говоря о значении леса в степном крае, но и камыш, достигающий роста от 5 до 6 аршин и более, употребляется на топливо и на постройку крыш, изгородей и самих домов (что имеет немаловажное значение), а луга доставляют постоянный и обильный сенокос, несмотря на случающиеся неурожай сена в степях. Иловатая почва долины, при низменном ее

положении, весьма способна к разведению садов и огородов... Кроме того, она представляет особенное удобство в разведении птицы и животных^[12]. «Какая бы ни была засуха, – говорит Афанасьев-Чужбинский, – под влиянием которой выгорают молодые травы в степи, но она в плавне не ощутительна: здесь почва, напоенная обильным разлитием Днепра, сохраняя надолго влагу, дает роскошное прозябание растительности и на этих поемных местах трава всегда превосходна, потому что поляны окружены лесами. И, кроме того, над Днепром, как над большою рекою, все-таки перепадают дожди даже и в то время, когда в степи не бывает их совершенно»^[13]. Описанные здесь плавни начинаются сейчас же за днепровскими порогами еще в пределах Екатеринославской губернии (они-то были известны у запорожцев под именем «Великого Луга»), но затем тянутся и далее в пределах Херсонской губернии до самого лимана.

Мы уже выше заметили, что Днепр образует в плавнях множество островов; острова эти начинаются еще в порожистой части Днепра, но больше всего мы находим их за порогами в плавнях. Уже Э. Лясота^[14] и Боплан^[15] обратили внимание на днепровские острова, особенно много распространяется о них последний. Впрочем, он сам при этом заявляет, что спускался только до острова Хортицы, а об островах за днепровскими порогами сообщает по рассказам других; он называет, между прочим, Великий остров, Томаковку, Катер, Носоковку, Тавань; самым значительным из островов был Хортицкий. По словам Э. Лясоты, этот «прекрасный, высокий и приятный» остров имел в длину две мили и разделял Днепр на две равные части; Боплан к этому присоединяет еще такие сведения: он очень высокий, почти со всех сторон окружен утесами, следовательно, без удобных пристаней. В ширину имеет с восточной стороны около полумили, но к западу уже и ниже. Он не подвержен наводнениям и покрыт был густым лесом. Кроме более или менее значительных островов, была еще целая масса небольших островков, образуемых руслами реки, озерами, затонами и т. п. «Несколько ниже реки Чертомлыка, – говорит Боплан, – почти на середине Днепра, находится довольно большой остров, с древними развалинами, окруженный со всех сторон более нежели 10 тысячами островами (это, конечно, гипербола), которые разбросаны неправильно, беспорядочно; почву имеют иные сухую, другие болотистую, все заросли камышом, возвышающимся подобно пикам и закрывающим протоки между островами».

Таков был Днепр с его порогами, плавнями и островами. Отчасти такими же свойствами отличался и Буг. Прорезываясь, подобно Днепру, через каменную гряду – отроги Карпат, он также образует пороги (между Ольвиополем и селом Александровкою). Здесь каменными глыбами усеяно все дно реки, всех порогов и, кроме того, еще не мало и забор; пороги делают эту часть Буга очень живописною, но, вместе с тем, совершенно неудобною для судоходства; ниже порогов (от

Александрова до впадения реки Куцего Еланца) Буг течет в долине шириною от одной до пяти верст и, подобно Днепру, образует плавни^[16]. Плавни эти состоят то из лугов, заливаемых водою только во время половодья, то из топей, покрытых камышом или мягкими лесными породами деревьев, то из совершенно обнаженных песчаных пространств. В нижнем течении Буга плавней почти вовсе не было; здесь он сильно расширяется и достигает максимальной глубины^[17]. Боплан указывает несколько островов на Буге (Андреев и Кременцов^[18]).

На Днестре мы видим пороги и отчасти те же плавни и острова; только Днестр образует еще более плодородную долину, нежели Днепр и Буг; долина днестровская составляет богатство края, представляя самую плодороднейшую почву для садов, виноградников и огородов, доставляя лес, камыш и всегда обеспеченный сенокос^[19].

О притоках Буга и Днепра «Топографическое описание» области, доставшейся нам от турок в 1774 году, говорит следующее: «речек по сей земли, хотя по обширности ее и не весьма (много), однако довольно. Но все почти маловодны и к вершинам совсем в летнее время воды не имеют. По всем же, кроме Ингула и Ингульца, речкам переезды вброд вблизи самих устьев есть; а которые при том болотисты и у тех на деле от устья как до семи верст и в самое разливающееся время реки Днепра переезжать можно...^[20]. По Ингулу вверх суда с рыбою ходят, от устья до 40 верст, где уже более 4 футов глубины не имеет»^[21].

Почва Новороссийского края должна быть названа, в общем, очень плодородной: чернозем преобладает и в Херсонской, и в Екатеринославской губернии, и толщина его колеблется между четырьмя вершками и полутора аршинами. Чернозем этот покрывает описанные нами речные долины и настоящие степи, и притом слой его тем толще, чем выше эти степи приподняты над уровнем моря; но так как степи понижаются к югу по мере приближения к Черному и Азовскому морям, то наиболее тонкий слой чернозема оказывается у самого побережья, возле лиманов. Очаковская область, т. е. часть Новороссийского края^[22], лежавшая между Бугом и Днестром, по качеству почвы может быть разделена на две части – северную и южную; первая отличается необыкновенным плодородием, а вторая, приморская, производит только тощую растительность; западная часть степи – днестровская – более изобилует водою, чем восточная (бугская); протекающие здесь реки могут быть разделены на три группы: одни никогда не пересыхали, другие пересыхали только отчасти, а третьи совсем; кроме речной воды жители пользовались еще колодцами и родниками^[23]. Что касается речных долин, то там почва наносная – преимущественно илисто-песчаная, а иногда илисто-песчано-черноземная (по течению Днестра) – и в одном, и в другом случае довольно плодородная. Конечно, кроме черноземных пространств, есть также и песчаные, и солончаковые, и болотистые, совершенно неудобные для культуры; такова, например, Кинбурнская

коса, или, как ее называли запорожцы, «прогнои», представляющая из себя настоящую Ливийскую пустыню и отличавшаяся таким же характером и в прежние времена, но существование бесплодного пространства не нарушает общего вывода о плодородии степей. Об этом плодородии свидетельствуют многие очевидцы старого времени, сообщающие данные о богатстве степной флоры. Послушаем, например, что говорит об этом Боплан: «По полям Замокания (Самоткани), – говорит он, – особенно же по лощинам, встречаются целые леса вишневых деревьев, небольшие, но весьма частые, длиною иногда более полумили, а шириною от 200 до 300 шагов; летом вид их прелестен. Там же растет множество диких малорослых миндальных деревьев с горькими плодами; но они не составляют лесочков, подобно вишням, коих вкусные плоды не уступают садовым»^[24]. По течению реки Самары (притока Днепра), по словам Боплана, было большое обилие леса, который доставляли отсюда в Кодак^[25]; один из островов у Стрельчого порога был покрыт диким виноградом^[26], острова Хортица и Томаковка – лесом^[27]. Князь Мышецкий сообщает нам список деревьев, кустарников и трав, растущих при Днестре: виноград, яблоки, груши, терн, барбарис, малина, вишни, ежевика. На днепровских островах – дикий чай, шалфей и другие аптечные травы, дуб, осокорь или осина, ивняк, гордовое и таволжное дерево; но все эти деревья для построек не годятся^[28]. Автор «Топографического описания» говорит о части херсонских степей, прилегающих к Днестру и Бугу, таким образом: «Земля на сем округе, выключая около рек песчаные косы и кучугуры, каменные берега, вообще влажна сверху на два фута и более, черна, а ниже глинистой, желтоватой грунт имеет и вся к плодородию способна; но на высоких горах от жаров и трава скоро высыхает, следственно хлебопашество там производить нельзя, а только к тому балки и от рек низменные места, и пологость при балках гор способными остаются; да и траву, если на тех горах получать для покосу, то каждую осень выжигать неотменно принуждено»^[29].

О флоре тот же автор говорит следующее: «лесов довольных нет, а по балкам местами растут яблони, груши, а более терновник, шиповник, хмель, виноград (весьма одичал, а потому весьма мелок, вкус кисловатый имеет и растет не во множестве), вишни, ивняк, осокорь, боярыня, гордина, и все изредка; на островах, что в гирлях, довольно ольхи, березы, лозняку или вербы, терну, но все мелкие; а по реке Аргамак ле или Громок лее несколько годного и в строение лесу есть... Травы водятся разные, а вообще в балках и около рек растет пырей, дягельник, чернобыльник, дикий лук, щавель, крапива, лебеда, цикорий, горчица; из цветов тюльпаны, васильки, ромашка, гвоздичка; по-над берегом лимана капуста заячья, спаржа, и в степях: ковыль, катран, бурьян, шалфей, мята; по горам много богородицкой травы и полыни, морковь дикая как пастернак, чебер, бедрина, а во множестве около Гарду по Бугу между камнями артишок, а в реках,

по Днепру водяные орехи, лапушник, изобильно тростнику и камышу, очерет называемого... грибов никаких, кроме шампионов, не видно. Из ягод, кроме изредка, клубники и земляники, никаких нет»^[30]. А вот весьма характерный отрывок из донесения правителя Екатеринославского наместничества Каховского об Очаковской области, приобретенной от турок: «в проезд мой, осматривал я оба берега Березанского, Тилигульского и Куяльницкого лиманов. Обозрев ныне все почитаемые мною нужнейшими места в новоприобретенных землях, приемлю смелость всем подданным донести Вашему императорскому величеству, что нашел я по всему пространству земли отменно тучные и плодородные: сие доказывается остатками развалин многочисленных бывших повсюду селений и различного рода лучшими травяными кормовыми растениями, коими покрыты не только все долины, но и плоские места, исключая берегов и отлогостей по реке Днепру. Весьма мало попадались мне солонцеватые и песчаные места; болотистых же не наезжал я, как только по берегам Буга и Днестра и по лиманам, кои покрыты камышом, пригодным для употребления вместо дров»^[31].

Не меньшим богатством отличается фауна степей. Боплан описывает подробно водившихся здесь байбаков и сугаков и говорит также об оленях, ланях, сайгах, диких кабанах необыкновенной величины и диких лошадях, ходивших табунами от 50 до 60 голов^[32]. Э. Лясота передает, что на обратном пути из Сечи он и его товарищи встретили медведя и убили его (между речками Самотканью и Домотканью)^[33]. Князь Мышецкий перечисляет зверей, которые встречаются по обоим берегам реки Днепра и по островам; это были: олени, волки, лисицы, зайцы, барсуки, выдры, дикие козы, дикие кошки, дикие кабаны, дикие лошаки; на очаковской стороне в Черном лесу водились медведи и лоси^[34]; автор «Топографического описания», известия которого относятся в конце XVIII века, когда количество диких зверей уже уменьшилось, говорит следующее: «зверей диких прежде войны важивалось довольно, но ныне изредка волки, лисицы, зайцы, козы, барсуки, хорьки, сурки или байбаки, а в камышах дикие свиньи и кабаны. По левую сторону Ингула есть множество диких лошадей, а в реках довольно выдры. Были, сказывают, олени и сугаки, но ныне совсем не видно»^[35]. По сообщению Пейсоннеля, сугаки (дикие овцы) в Очаковской и Перекопской степи водились в изобилии еще и в конце XVIII века; Гюльденштедт упоминает об оленях в Елисаветградской провинции во второй половине XVIII века; дикие козы, куницы и барсуки были еще и в нынешнем столетии^[36].

Царство пернатых также было велико. Князь Мышецкий перечисляет следующих птиц, которые водились на днепровском побережье и на островах: дикие гуси разного рода, лебеди, утки, колпицы, дрохвы, бакланы, журавли, бабы (пеликаны), аисты, цапли, тетерева, куропатки, коростели, скворцы, голуби, орлы, соколы,

ястребы^[37]; автор «Топографического описания» присоединяет еще сюда стрепетов, чаек и некоторых других^[38].

Воды изобиловали рыбою. «Озеро (лиман) Тилигул, – говорит Боплан, – так обильно рыбою, что стоячая вода оного получает запах несносный... Озеро Куяльник столь же обильно рыбою, как и Тилигул. Ватаги рыбаков приезжают на сие два озера далее нежели из-за пятьдесят миль и ловят карпов и щук величины необыкновенной»^[39]. Псел и Ворскла – рыбные реки; но обильнее всех рыбою приток Днепра Орель; река Самара также весьма обильна рыбою^[40]. Князь Мышецкий передает, что запорожцы в его время в Днепре и впадающих в него реках ловили много осетров, севрюги, стерляди, сомов, сазанов, линей, щук, карасей, белизны, окуней, судаков, плотвы, сельдей, лещей^[41]. Автор «Топографического описания» говорит, что в лиманах, в Буге, Ингулах и Днепре ловились стерлядь, севрюга, белуга, осетры, сомы, лещи, скумбрия, тарань, камбала^[42] и т. п. Еще во времена Гюльденштедта рыба ловилась в большом изобилии и продавалась очень дешево; пуд соленой белужины по 70 копеек^[43].

Итак, новороссийские степи изобиловали в прежние времена разнообразными естественными богатствами мира животного и растительного; кроме того, неисчерпаемые залежи минералов (главным образом каменного угля и железа) находились еще в недрах земли, но сделались известными и стали эксплуатироваться очень поздно. Почва, как мы видели, по большей части представляла прекрасный чернозем, а в речных долинах хотя и песчано-илистые, но все-таки довольно плодородные наносы; бесплодных или малоплодородных мест было немного, и они находились главным образом в южных частях степей, ближе к морю. Климат здесь более теплый, чем во многих других местностях России. Понятное дело, что все эти благоприятные условия должны были привлечь сюда русских поселенцев.

Но нам нужно показать и обратную сторону медали, для того чтобы понять причину медленного заселения этого края в XVI–XVII веках. Жизнь в степи была сопряжена со страшными лишениями и неудобствами: приходилось вести настойчивую и упорную борьбу с дикой степной природой. Страшна была безлюдная степь зимою, когда в ней господствовали сильные морозы, ветры и вьюги, когда вся она представляла собой бесконечную белоснежную пелену, в которой не видна была уже дорога, а бродили только голодные волки и другие звери. Если теперь великая опасность угрожает путнику, застигнутому здесь снежною метелью и лютым морозом, то что же было прежде? Об этом времени сообщают нам любопытные сведения очевидцы, сами на себе испытавшие все это. Боплан очень картинно описывает зимние холода. «Обыкновенно стужа обхватывает человека вдруг, – говорит он, – и с такою силою, что без предосторожностей невозможно избежать смерти. Люди замерзают двояким образом: одни скоро, – кто пустится в дорогу на коне или в повозке, но не возьмет необходимых

предосторожностей, худо оденется и при том не может перенести жестокой стужи, тот сперва отмораживает оконечности рук и ног, потом нечувствительно самые члены, и мало-помалу приходит в забытие, похожее на оцепенение: в это время сильная дремота клонит вас ко сну. Если дадут вам уснуть, вы заснете, но никогда уже не пробудитесь... Другие умирают не так скоро, но смерть их труднее и мучительнее. Природа человеческая не в состоянии даже перенести тех мучений, которые приводят страдальцев почти в бешенство. Такой смерти не избегают люди самого крепкого телосложения... В 1646 году, когда польская армия вступила в московские пределы, для пресечения возвратного пути татарам и возвращения плененных ими жителей, жестокая стужа принудила нас сняться с лагеря: мы потеряли более двух тысяч, из коих многие погибли описанною мною мучительною смертью, другие же возвратились калеками. Холод не пощадил даже лошадей»^[44]. Другой французский писатель барон де Тотт рассказывает, что во время зимнего похода татар на Новую Сербию в 1769 году (и он сам здесь участвовал) погибло более 30 тысяч лошадей^[45]. Всем известна также знаменитая очаковская зима^[46].

Недостаточное количество речной воды и быстрое всасывание испарений атмосферой в связи с сухими ветрами производили очень частые засухи. Мы упоминали уже, как мелководны были реки, впадающие в Днепр и Буг; летом они почти совершенно пересыхали и не могли достаточно хорошо орошать и те долины, в которых они протекали. Атмосферные осадки (в виде дождя, росы и т. д.) жадно поглощались сухою землею или же обращали жалкие дотолы ручьи в стремительные и полноводные потоки, вода которых быстро уносилась в большие реки и море, а в степи земля трескалась от засухи; вся богатая растительность засыхала. Подобная засуха была истинным бичом для земледельческого хозяйства и тогда уже, когда здесь поселились мирные колонисты. Климат был здесь континентальный, сухой; даже близость моря не умеряла его; и это потому, что степи были совершенно открыты со всех четырех сторон действию ветров; и вот северный ветер приносил с собою холод, а восточный – страшную сухость в жару. Родники и колодцы в юго-восточной части Новороссийского края находились только у берегов рек, а в степи на горе не было ни одного; потому-то и дороги проложены были возле речек^[47].

Весна отличалась большою переменчивостью погоды. Летом вся трава в степях высыхала и выгорала, и они представляли собой мертвую пустыню. Когда же не было засухи, мог явиться другой враг и истребить не хуже всю растительность на громадной территории; это была саранча – истинный бич Божий в южных степях. «Саранча, – говорит Боплан, – летит не тысячами, не миллионами, но тучами, занимая пространство на пять или шесть миль в длину и на две или три мили в ширину. Приносимая в Украину почти ежегодно из Татарии,

Черкасии, Бассии и Мингрелии восточным или юго-восточным ветром, она пожирает хлеб еще на корню и траву на лугах; где только тучи ее пронесутся или остановятся для отдохновения – там через два часа не остается ни пылинки... Бедствия увеличиваются в триста раз более, когда саранча не пропадает до наступления осени: ибо в октябре месяце она умирает, но прежде смерти каждое насекомое кладет в землю до трехсот яиц, из коих в следующую сухую весну выводится бездна саранчи... Нет слов для выражения количества саранчи: она совершенно наполняет и помрачает воздух... Люди самые опытные приведены были в отчаяние неописанным множеством саранчи: надобно быть самому очевидцем, чтобы судить об этом»^[48]. Если саранча была истинным бичом для растительности, то мошки были таким же бичом для людей и скота. «Берега днепровские, – говорит Боплан, – замечательны бесчисленным количеством мошек: утром летают мухи обыкновенные безвредные; в полдень являются большие, величиною в дюйм, нападают на лошадей и кусают до крови. Но самые мучительные и самые несносные комары и мошки появляются вечером: от них невозможно спать иначе, как под казацким пологом, т. е. в небольшой палатке, если только не захочешь иметь распухшего лица. Я могу в этом поручиться, потому что сам был проучен на опыте: опухоль лица моего едва опала через три дня, а веки так раздулись, что я почти не мог глядеть; страшно было взглянуть на меня»^[49]. Вероятно, заносным путем распространялась также в степях страшная гостья чума, против которой не было никаких средств^[50]. Наконец, прежде чем поселиться в степях, необходимо было, так сказать, отвоевать их от татар. Татары, явившись сюда в XIII веке, были как нельзя более довольны новыми местами своего жительства: этим морем трав, служивших подножным кормом для их стад даже зимою (по крайней мере, в самых южных приморских степях). Опорным пунктом, неприступным гнездом для них был Крым, завоевание которого сделалось исторической задачей для русского государства, начиная с XVI века. Но эта задача была решена только в 1783 году. В XIII–XVI веках новороссийские степи принадлежали татарам, кочевья которых простирались еще далее на север и переходили даже в нынешние Харьковскую и Полтавскую губернии, которые также представляли из себя дикое поле. Завоевать Крым в XVI веке и ввести его в состав своих государственных границ Москве не удалось: он был защищен степями, отделявшими его от Московского государства. Правда, через эти степи протекали три громадные реки (Днепр, Буг и Днепр), которые несли свои воды в самое море, но, к несчастью, на всех этих трех реках, как мы знаем, находились пороги, которые страшно затрудняли судоходство или, правильнее говоря, делали его, возможным только за порогами; притом Днестр отличался быстротой течения, а Буг вовсе не был судоходен в верховьях. Туда вели только татарские «извечные» шляхи: Черный, Кучманский и Волошский на правом берегу Днепра,

Муравский, Изюмский и Калмиусский на левом. Проходить спокойно по степям то пространство, которое отделяло Крым от московского государства, могли только татары, выросшие в степи; русские рати, как показывает история голицынских и миниховских походов, должны были терпеть при этих степных переходах страшные лишения, несмотря на все те меры, какие предпринимались главнокомандующими. Степные пожары являлись ужасным оружием в руках степняков: воздух в степи от пожара сильно накалялся; к страшной сухости и жаре присоединялся еще удушливый дым, который выедал глаза и не позволял дышать; лошади и люди чувствовали себя как бы в раскаленной печи. Но главное, что такой пожар захватывал громадные пространства и уничтожал весь корм для лошадей; и в каком положении должны были очутиться всадники, потерявшие своих коней?! Они неминуемо должны были погибнуть, если не от жажды и страшного утомления, то от татарских выстрелов, ибо татары ни на одну минуту не оставляли в покое утомленного войска, а наблюдали все время за ним, окружали его, как вороны свою добычу. Почти в таком положении очутилась, например, рать князя Голицына. Во всей степи не было ни городов, ни деревень, вообще никаких постоянных жилищ, где бы можно было найти временный приют и пристанище. Миних, как известно, должен был построить по всему пути редуты и ретраншементы, чтобы поддерживать сообщение с Украиной. Мало того, от реки Самары прекращались и леса, эти естественные крепости для оседлого населения; попадались они после этого только в плавнях. «Можно пройти, – говорит Манштейн, – пятнадцать и двадцать верст и не встретить ни одного куста, ни малейшего ручейка; вот почему надо было тащить дрова с одной стоянки на другую, от неизвестности, найдутся ли они на новом месте». Такие опасности и затруднения угрожали в степях большому войску, снабженному фуражом и всем необходимым. Но чрезвычайно затруднительным было также положение и небольших отрядов. Чтобы убедиться в этом, стоит только припомнить, что испытали наши посланники Тяпкин и Зотов, отправленные в Крым для заключения мирного трактата в 1681 году: несмотря на то, что их должно было ограждать звание послов, несмотря на то, что их сопровождал отряд рейтар и казаков, они всю дорогу пробыли в величайшем страхе, терпели от бескормицы, безводия, копоты и дыма и вздохнули свободно, пришедши в самый Крым, воздавши благодарность избавителю Богу, Пречистой Богоматери, что «препроводили их таким страшным путем здоровых и не пустили на них врагов». Спрашивается, каково же могло быть положение тех людей, которые бы решились поселиться навсегда в степи, в качестве оседлых колонистов? Им нужно было бы вести постоянную борьбу и с татарами, считавшими эти степи своею собственностью, и с природой. О мирной колонизации края нечего было, конечно, и думать до второй половины XVIII века. Первые

колонисты должны были затрачивать почти всю свою энергию на войну с татарами, как оборонительную, так и наступательную; им трудно было обратить свою заботливость на созидание культуры, потому что для этого нужно было такое спокойствие в краю, каким он не пользовался очень долго. Они должны были поселиться в наиболее безопасном месте, а таким местом были острова за днепровскими порогами; в открытой степи их уничтожила бы первая татарская рать. А там, в этих плавнях, они могли бы найти все необходимое для своей полукочевой, полuosедлой жизни, ибо только такую жизнь и можно было бы вести самым ранним колонистам.

Глава II

Первые поселенцы

Первые колонисты запорожские казаки. Влияние местных условий на внутреннюю организацию их общины. Боевое значение Запорожья. Заселение ими степей: пространство, занятое Запорожеством в XVIII веке; виды запорожских поселков; статистика населения

Первыми поселенцами Новороссийских степей были запорожские казаки, основавшие свою Сечь за днепровскими порогами на острове Хортице в самом начале второй половины XVI века (при известном князе Дмитрие Вишневецком)^[51]. С этого времени места Сечи менялись, то мы видим ее на острове Томаковке, то на Микитином Роге, то на Чертомлыцком Речище, то на реке Каменке, то в урочище Олешках, то над речкою Подпольной^[52]. Переселение ее с одного места на другое обуславливалось не одною, а многими и разнообразными причинами, причем большую роль играли естественные условия^[53]. Скажем более того: природа местности, столь подробно описанная нами раньше, оказала решительное влияние на внутреннее устройство Сечи и ее быт. Что из себя представляла Запорожская Сечь в первое время своего исторического существования (например, в XVI и даже в XVII веке)? Военное братство, скрывавшееся от татар на днепровских островах среди плавней, отказавшееся по необходимости от многих форм правильной гражданской жизни: от семьи, личной собственности, земледелия и других культурных занятий. И могло ли быть иначе? Смелая горсть русичей только и могла поселяться на днепровских островах; поселись она в открытой степи, она была бы немедленно раздавлена татарами; а тут на Днестре иное дело: плавни представляли из себя целый лабиринт заливов, островов, где, по словам Боплана, однажды запутались и откуда не могли выйти турецкие суда, решившиеся было погнаться за казацкими; здесь же большая часть их

и погибла, и турки после этого не осмеливались уже подниматься далеко вверх по Днепру. Правда, речные долины Днепра и Буга не были покрыты таким густым слоем чернозема, как более возвышенные степи; но запорожцы не нуждались в этих черноземных полях, потому что не занимались на первых порах земледелием; всякая попытка их в этом смысле была бы немедленно уничтожена татарским отрядом. Понятно, следовательно, почему заселение степей началось с речной долины: здесь запорожцы имели, как мы видели, в изобилии рыбу, диких зверей и птиц; понятно, почему главными занятиями у них были рыболовство и звероловство; здесь же были весьма благоприятные условия для развития скотоводства, которое действительно скоро тут получило широкое распространение. «Великий Луг» – эта громадная плавня – сделался их «батьком», а Сечь – «матерью». Живя на Днепре, они не могли не узнать всех его извилин, заворотов, островов; по нему они спускались на своих легких челнах-чайках громить приморские турецкие и татарские города и селения, следовательно, Днепр, по которому они спускались в море, сделал их моряками. В такой суровой жизни, преисполненной всевозможными лишениями, нельзя не видеть прямого, непосредственного влияния дикой степной природы. Запорожцы жили непосредственно натуральной жизнью, и природа была для них иногда родною матерью, а иногда мачехой. Понятное дело, что не могли они в свое братство, преданное исключительно военным интересам, ввести семейного начала, ибо, во-первых, оно едва ли было возможно при той бурной, исполненной непрерывных опасностей, жизни, какую вели запорожцы, во-вторых, оно бы разлагающим образом действовало на уклад их жизни (главным образом, на идею братства), в-третьих, наконец, запорожскому рыцарству и трудно было бы добывать себе жен. Как бы то ни было, Запорожье, в первое время своего исторического существования, несмотря на сравнительно небольшое число братчиков, представляло из себя такую военную силу, которую чрезвычайно высоко ценили соседи. Чтобы убедиться в этом, достаточно, например, вспомнить, что в XVI веке (в 1594) австрийский император Рудольф II посылал к запорожцам специального посла Э. Лясоту, чтобы побудить их через Валахию вторгнуться в Турцию; по словам самих запорожцев, они в это время могли выставить «шесть тысяч человек старых казаков, людей отборных, не считая хуторян (Landfolk), живущих на границах». Московское государство также ценило военное могущество запорожского войска. Известно, как оно уважало основателя запорожской Хортицкой Сечи князя Дмитрия Вишневецкого и даже пригласило его к себе на службу^[54]. Польша испытала на себе силу Запорожья в XVII веке. Крым также трепетал нередко перед грозными обитателями днепровских островов, выставлявшими таких героев-удальцов, как, например, знаменитый Иван Серко, который был грозой

для татар; очень характерные данные о его сухопутном нападении на Крым сообщает летопись Величко.

Наконец, и Турция видела под стенами своих приморских городов запорожский флот, который грабил, сжигал Кафу (нынешнюю Феодосию)^[55], Трапезунд, Синоп и освобождал христианских пленников. Эти морские набеги и создали им славу неустрашимых воинов. Но кроме этих обширных сухопутных и морских нападений, запорожцы вели также в степях постоянную партизанскую войну, в которой они усвоили себе многие обычаи татар и в которой их заменить уже не мог никто другой. Степь, которая окружала их и которую они стали мало-помалу отвоевывать от татар, научила их вести степную войну, приспособиться к ней, усвоить себе те приемы, которые были выработаны раньше истинными сынами пустыни – крымцами и ногайцами. Вот весьма характерный летописный отрывок, ярко рисующий нам образ жизни запорожских удалцов, ведущих степную войну с татарами. В 1690 году образовалось в степях множество ватаг для борьбы против бусурман. «Ездичи же на тех пустошироких степях, иногда звериным мясом кормились, а иногда толокна только да сухарей толченых в сутки раз вкушали, с великим от татар опасением, не имея ни дороги, ни следа и коням ржати не допуская, и без огня, будто зверь, по тернах и комишах кормились и пути свои, порознившись, теряли, но паки познавая оные в день по слонцу и кряжах земных, и могилах, ночью же по звездах, ветрах и речках, сходились и, таки высмотревши татар, нечаянно малим людом великие их купы разбивали и живых в Москву или в Польшу (кому куда, способнее) отвозили, получая за то милость монаршую»^[56].

Таково было военное значение запорожского «товариства». Но рядом с чисто военными целями, самообороны и наступления, Запорожье преследовало и другую задачу – колонизацию дотоле пустынного края; в первый момент всецело, можно сказать, господствовала первая цель, но потом все большее и большее значение получает вторая. Мы не будем касаться подробностей, а постараемся только напомнить существенные моменты в этом деле. Пределы Запорожья, с течением времени, все более и более распространялись за счет Дикого поля, татарской степи. В самом конце своей исторической жизни Сечи (последняя, Новая) заключала уже в себе громадную территорию, в большей или меньшей степени заселенную. Все запорожские владения или «Вольности» состояли в это время из Сечи (в собственном смысле этого слова), восьми паланок и, наконец, зимовников. «Запорожская Сечь, – по словам князя Мышецкого, – есть небольшой, палисадником огражденный, город, заключающий в себе одну церковь, 38 так называемых куреней и до 500 куренных казачьих, торговых и мастеровых домов». В куренях жили члены «товариства», т. е. неженатые сечевики. «Все курени, – по словам Коржа, – были выстроены в Сечи, в одном месте, хотя и не так, как обыкновенный

курень, или шалаш пастуший строится просто, но были рубленые и из резаного леса, ибо «Великий Луг» на лес был достаточен; а притом столь обширны были палаты, что по шестьсот казаков и более могли вмещаться в каждом курене во время обеда»^[57]. Это была, так сказать, столица войска, в 1775 году разрушенная Текелием и представлявшая из себя нечто совершенно своеобразное, не то город, не то крепость с казармами. Здесь жило и высшее начальство (выборное), которое заведовало всеми запорожскими владениями. Эти последние состояли (кроме Сечи) из паланок и зимовников. Запорожские земли занимали нынешние Екатеринославскую и Херсонскую губернии, исключая в этой последней Очаковской области, т. е. местности, лежавшей между Бугом и Днестром (нынешних Одесского, Тираспольского и Ананьевского уездов). Они тянулись главным образом по реке Днепру; на правой стороне Днепра, по словам князя Мышецкого, они начинались у устья реки Самоткани, откуда граница шла на запад до Буга, а оканчивались при впадении реки Каменки, откуда пограничная линия направлялась на северо-запад и, пересекая реки Ингулец и Ингул, доходила до Буга; на левом берегу Днепра запорожские владения ограничивались на севере рекой Самарою, на юге – Конскими Водами, а на востоке – Калмиусом^[58]. Впоследствии селения запорожцев подвинулись несколько к северу и заняли также течение реки Орели. «Выше показанная по обеим сторонам реки Днепра земля, которая большею частью состоит из пустой и дикой степи, – говорит князь Мышецкий, – и которая в окружности простирается около 1700 верст, разделена на пять так называемых паланок... Первая паланка на Ингульце; вторая у реки Буга, где Гард (рыболовля), третья в Кодаках; четвертая при реке Самаре, а пятая у Калмиуса»^[59]. Впоследствии к этим пяти присоединились еще три – Прогноинская (на Кинбурнском поле); Орельская (по реке Орели); Протовчанская (между устьями реки Орели и Самары)^[60]. Из этих восьми паланок четыре северные, прилегавшие к заселенным местностям (Кодацкая, Орельская, Самарская и Протовчанская) имели села, деревни и хутора, в коих жили казацкие команды, женатые казаки и посполство; остальные, более южные, «ни сел, ни даже постоянных местопребываний не имели, а учреждались ежегодно с весны на все летнее и осеннее время, для рыболовства, звериной и сольной добычи, а на зиму переходили к зимовникам неженатых или сечевых казаков для наблюдения за ними»^[61]. Для охранения этих промыслов и порядка здесь находились полковники с командами. Очевидно, они соответствовали так называемым казацким уходам, или ухоям, которые представляют собой первичную форму поселков в южнорусских степях. Нередко, впрочем, такие временные поселения запорожцев обращались в постоянные; так было, например, при основании слободы Николаевки (в 12 верстах от Таганрога); в 1769 году весной туда явилось пятьсот человек семейного запорожского казачества для рыбной ловли; но уже летом значительная часть их

построила себе здесь шалаши, мазанки, землянки и зимовники; в августе по распоряжению коша, который хотел свою «землю превеликую, страну преболынущую заселить своими подданными», явилась новая партия казаков и в сентябре основала три слободы (Николаевскую, Троицкую и Покровскую)^[62].

Наконец, последней типичной формой запорожских поселков были зимовники, расположенные, главным образом, по берегам Днепра и впадающих в него речек, а также на островах, «при коих, – говорит князь Мышецкий, – содержат рогатый скот, лошадей и овец; имеют пасеки для расположения пчел и ведут экономию по свойству и качеству земли; заводят сады, запасаются сеном для прокормления скота и засевают поля разным хлебом; упражняются ловлей в степях и лесах зверей, а в реках рыбы, от чего довольную прибыль получают»^[63]. «Зимовниками, – говорит автор «Топографического описания», – называют те строения, при которых жители имеют скот и проживают с ним всегда, но, при некоторых, и рыбную ловлю содержат, и людей или хозяев в таких зимовниках бывает мало, однако случается, что человека три или четыре согласились построиться вместе и заведут скот, а редко чтоб один хозяин был. В рабочее время, да и в войну приходят к ним по многому числу для работы и, на прокорм пришедши, проживают неделю или более, и пойдут в другой зимовник. Избы, выстроены из лесу, а иные стены плетены и обмазаны глиной, а заборы при дворах все из плетней». Таких зимовников в начале семидесятых годов было по Ингулу – 17, по Ингульцу – 11, по Аргамакле – 11, по Днепру – 14, по Бугу – 7, на Куцем и Сухом Еланце по 1; тут же было пять загонов для скота и значительное число рыбных заводов, при которых для зимнего времени устроены были землянки, а для летнего – камышовые шалаши; и вот в гирлах и у лимана землянок было 17, шалашей – 15, по Бугу землянок 11, шалашей – 39, по Ингулу – 2 и 4, по Ингульцу – 4 и 1; такие же землянки в шалаши были выстроены и для пограничных запорожских военных команд (например, при Гарде, Александровском шанце и других местах); рыбные ловли содержались не одним, а несколькими лицами, называвшимися односумами. Обыкновенно во время лова сюда приходило по 15–20 человек посторонних лиц, которые оставались тут до зимы; некоторые, впрочем, оставались и на зиму, хотя без работы^[64]. Из этих данных видно, что зимовники представляли собой своего рода хутора, устраивавшиеся, главным образом, для скотоводства, отчасти для рыболовства, пчеловодства, земледелия и других промыслов, смотря по свойствам местности и вкусам владельца. Значительная часть зимовников обратилась впоследствии времени (после разрушения Сечи) в села и деревни; но с некоторыми из них такое превращение произошло еще во время самостоятельного существования Запорожья. Любопытный пример обращения зимовника в селение представляет слобода Николаевка-Рудева (Павлоградского уезда Екатеринославской

губернии). В первой половине XVIII века здесь жил зимовником старшина Рудь, который «ходил отсюда на старо-крымской шлях со своими хлопцами-малюками, нападал там на турок, татар и ногайцев, возвращавшихся из Малороссии с ясырем, со взятыми в плен христианами, отбивал злосчастный ясырь и освобожденных христиан приводил на свой зимовник; здесь покоил, питал и довольствовал их; с невеликим ватажком своих хлопцев-малюков Рудь не раз ходил для той же цели даже на знаменитый Муравский шлях и всегда возвращался на свой зимовник со множеством освобожденных пленников. В сентябре 1739 года на зимовник войскового старшины Рудя освобожденного ясырю было 426 душ обоего пола»... Кош подарил Рудю пространство, занятое его зимовником, и тот здесь основал целую слободу Николаевку, «населил ее народом семейным и оседлым, сам пригласив в свою слободу из-под Конотопа Черниговской губернии своих родных и знакомых, и дозволил своим хлопцам вызвать также к себе своих кровных и близких»; в 1752 году здесь числилось уже 315 душ мужского и 196 душ женского пола, а в 1754 году устроена церковь^[65]. Вот при каких условиях происходило заселение Новороссийского края запорожцами: еще и в середине XVIII века им приходилось вести упорную борьбу с татарами и одновременно с этим заботиться об устройстве поселков. Как видно из настоящего примера, значительный контингент для новых слобод доставляла Гетманщина, где оставались родственники и свойственники тех лиц, которые ранее ушли в Запорожье; поводом же к переселению оттуда жителей являлись распоряжения, ограничивавшие право вольного перехода^[66].

Запорожские поселки (селения, зимовники и т. п.) были разбросаны, как мы видели, на громадном пространстве земель нынешних двух южных наших губерний: Екатеринославской и Херсонской. Число этих поселков все более и более возрастало, а параллельно с этим увеличивалось и число жителей. К сожалению, привести точные статистические данные о количестве селений и о числе жителей в них довольно трудно. До разрушения Сечи, по словам Н. Л. Коржа, было 17 селений, возникших по большей части из зимовников^[67]. Гюльденштедт только в Поднепровье называет 30 селений женатых казаков (12 на правом и 18 на левом берегу)^[68].

Но на самом деле их было гораздо более. А. А. Скальковский, на основании подлинных документов сечевого архива, насчитывает их в четырех паланках 64 и говорит, что в них было 3415 хат, или 12 250 душ женатых казаков и посполства обоего пола^[69]. По официальной ведомости, составленной Текелием в момент уничтожения Запорожской Сечи, в ней было (кроме Сечи в тесном смысле этого слова) 45 деревень и 1601 зимовник; всех жителей было 59 637 душ обоего пола, большую часть их составляло посполство, т. е. женатые поселяне (именно 35 891 человек); впрочем, и большая часть казаков жила не в Сечи, а в деревнях и зимовниках, где занималась

скотоводством, земледелием и другими мирными промыслами; часть казаков, как известно, имела семьи^[70]. Нужно полагать, что цифры этой официальной ведомости значительно меньше действительных; нам будет совершенно непонятно, как это в более раннее время (о котором сообщает сведения А. А. Скальковский) было больше селений, чем в 1775 году (к которому относится официальная ведомость). Да и как мог Текелий точно сосчитать, например, число запорожских зимовников, разбросанных на громадном пространстве в разных уединенных местах? Неудивительно поэтому, что его показания расходятся с показаниями князя Мышецкого, который насчитывает всего около 4 тысяч зимовников^[71]; есть известия, что запорожцы основывали иногда зимовники за границей своих владений на чужой земле; таковы, например, были хутора, устроенные ими в турецких пределах в виду Очаковской крепости^[72]; такие населенные пункты не могли, конечно, войти в официальную ведомость, если мы приведем себе на память также нерасположение запорожцев ко всяким официальным статистическим запросам, которое должно было еще более усилиться в момент уничтожения Сечи, то, быть может, окончательно убедимся в том, что на самом деле в Запорожье было не 59 637 душ, а гораздо больше. По всей вероятности, ближе всего к истине будет цифра, приводимая А. А. Скальковским, – 100 тысяч обоего пола казаков и посполства. Во всяком случае, для нас интереснее всего тот факт, что большинство населения Запорожской Сечи в год ее уничтожения составляли женатые казаки и посполитые, преданные почти исключительно мирным культурным занятиям; правда, среди них были и такие лица (скотари, табунщики, чабаны), которые вели полукочевой образ жизни: защищались от непогоды в так называемых кошах с очагом для разведения огня (кабыцей) или котигах, т. е. палатках на двух- или четырехколесных арбах, совершенно напоминающих ногайские^[73], но, в общем, о населении Запорожья следует сказать, что оно в последние годы своего исторического существования решительно стало переходить на мирное положение и показывало склонность к культурным занятиям. Впоследствии мы сделаем более или менее обстоятельный очерк запорожской культуры; теперь же только заметим, что первыми зачатками своей материальной культуры Новороссийский край обязан Запорожью. Таким образом, Запорожье, с одной стороны являясь оплотом русского мира от мусульманского, немало потрудились для отстаивания русской культуры, а с другой внесло свою лепту и в общую творческую деятельность русского народа, направленную к созиданию культуры. Чрезвычайно верно и метко определил роль Запорожья в истории колонизации Новороссийского края Г. П. Надхин; мы позволим себе привести здесь его образное сравнение: в степях Новороссийских, говорит он, есть целые кучугуры сыпучих песков; на них долго не могло укрепиться ни одно растение: всякую былинку, куст, деревце из рыхлой почвы

вырывал ветер; но вот начал здесь расти шелюг (род красной ивы) – и он цепкими своими корнями укрепился на этом грунте и укрепил его до того, что вслед за ним начали расти и другие деревья и кустарники. Запорожье было для южной России таким шелюгом: оно первое тут успело укорениться на непрочной почве, первое укрепило ее под собой для жизненных посевов и, таким образом, первое дало возможность для постоянного на ней заселения и гражданского развития^[74].

Глава III

Русская государственная и народная колонизация в XVIII и первой четверти XIX века

Постройка укрепленных линий и крепостей. Постройка городов: Херсона, Екатеринослава, Николаева, Одессы. Основание селений: малорусские и великорусские казенные слободы; помещичьи села и деревни

Еще в эпоху самостоятельного существования Запорожья, в новороссийских степях, в ближайшем соседстве с казаками, водворились сербы; к ним вскоре присоединились другие иностранные поселенцы. Правительство строит здесь ряд новых городов, куда целыми массами стекается отовсюду население. Одновременно с этим возникает множество новых сел, деревень, хуторов, обязанных своим происхождением владельческой и народной колонизации. Одним словом, колонизация края идет теперь с лихорадочной поспешностью. Потемкин и другие деятели этого времени желают как бы наверстать то время, когда прилив населения в эти места извне был очень слаб и единственными «насельниками этого края» были запорожцы. Но, отдавая должное новым колонистам, мы не должны забывать услуг той бесстрашной дружины русичей, которая в течение более двух с половиной столетий вела упорную борьбу за обладание степями с татарами. Она подготовила почву для быстрейшего заселения области во второй половине XVIII века, в особенности со времени покорения Крыма в 1783 году.

Присоединение Крыма к России имело громадное и решительное влияние на успешный ход колонизации черноморских степей. С устранением этого важнейшего тормоза колонизации ход и размеры ее могли определиться различными естественными и историческими условиями, которые, в общем, должны быть названы весьма благоприятными. Теперь явилась возможность заселять и обрабатывать

не только речные долины, но и чисто степные места, покрытие тучным черноземом; борьбу нужно было вести не с хищниками-татарами, а со степною природой, с теми условиями, которые препятствовали развитию земледельческой культуры. Только с присоединением к России столь желанного побережья Черного и Азовского морей, только с открытием доступа к морю, Новороссийский край, с его громадными естественными богатствами, мог получить настоящую цену. С построением портовых городов, пустынное дотоле побережье оживляется, отпускная и привозная (заграничная) торговля развивается с поразительной быстротой; вместе с тем возрастает население в промышленности. Спрос на хлеб и на другие предметы сельского хозяйства, в особенности в Одессе, в свою очередь должен был благоприятно отразиться на возрастании населения в самих степях – в увеличении там разного рода селений, в развитии земледельческой культуры и т. п.; появление новых сел и деревень благоприятно отражалось на росте городского быта и наоборот. Словом, история заселения Новороссийского края со второй половины XVIII века представляет любопытнейшую и характернейшую страничку в истории России вообще, и нашего юга в частности. Мы постараемся разобраться в сложной этнографии степей и представить общую характеристику колонизации с ее главнейшими типическими чертами и наиболее характерными ее особенностями. Уже в силу такой постановки вопроса мы не будем гоняться за исчерпывающею полнотою содержания и новизной фактического материала.

Изучая колонизацию Новороссийского края, мы в ней различаем два главных типа или вида: 1) русскую (правительственную и народную) и 2) иноземную. Конечно, такое деление может вызвать кое-какие возражения и замечания; но я его принимаю, потому что оно позволит ориентироваться в массе разнородных фактических данных и представить их в более или менее цельных исторических картинах и характеристиках. Колонизационная деятельность правительства проявилась, главным образом, в постройке в Новороссийском крае укрепленных линий и городов. Еще в царствование Елизаветы Петровны было образовано Ново-сербское и Славяно-сербское военные поселения с крепостями Елисаветградом, Бахмутом и Константиноградом (о них мы скажем несколько слов при обозрении иностранной колонизации). В начале царствования Екатерины II была построена так называемая Днепровская линия^[75] (1770), явившаяся результатом успехов русского оружия в первую турецкую войну (Русско-турецкая война 1768–1774 годов. – *Примеч. ред.*). В это время заняты были нами два порта, Азов и Таганрог, которые турки забыли укрепить; линия эта должна была отделять всю Новороссийскую губернию вместе с запорожскими землями от татарских владений; от Днепра она шла к Азовскому морю, проходя по рекам Берде и Конским Водам, и пересекая всю крымскую степь; последняя крепость ее

(Святого Петра) находилась у самого моря близ нынешнего Бердянска и прикрывала небольшую бухту его; всех крепостей в этой линии было восемь. Устройством этой новой линии правительство надеялось (и надежды его отчасти оправдались) обезопасить тот край, который лежал за старой Украинской линией (шедшей от Днепра к Северскому Донцу в пределах нынешних Полтавской и Харьковской губерний) и отличался плодородием почвы и всяческими естественными богатствами, а между тем был очень слабо заселен. Так как крепости были основаны исключительно с военными, а не торговыми или промышленными целями, то и не имели задатков особенного развития в будущем; но под прикрытием их должны были быть заведены и мирные селения; охранять линии должны были три казачьи полка. Земли, захваченные новой линией, были утверждены за Россией по Кючук-Кайнарджийскому миру (1774, она получила Керчь, Еникале и Кинбурн со всей областью между Бугом и Днепром, т. е. юго-восточную часть новороссийских степей, а также Азов и Таганрог)^[76]. Таким образом, Россия твердой ногой ступила на азовское побережье. Одному из этих городов – Таганрогу предстояла великая будущность. Это был первый шаг к расширению, а вскоре последовал и второй.

В 1783 году был присоединен к России Крым, а в следующем году решено было устроить новую линию крепостей, для ограждения территории, вошедшей в состав русского государства, против Польши и Турции, а именно – при впадении в Днепр реки Тясмины, в Ольвиополе (при впадении Синюхи в Буг), при впадении Ингула в Буг (т. е. на месте нынешнего Николаева), Кинбурн, Херсон, Днепровскую крепость (на Збурьевском лимане) и, наконец, целый ряд различных пунктов в Крыму (Севастополь, Перекоп и многие другие). Благодаря этой новой линии укреплений прежние передовые пункты (крепости Украинской и Днепровской линий, крепость Святой Елисаветы и Таганрог) потеряли свое окраинное положение и сделались внутренними селениями, что, конечно, должно было благоприятно отразиться на дальнейшем развитии некоторых из них (например, Елисаветграда)^[77]. Собственно говоря, все эти укрепления не имели важного значения в стратегическом отношении, и они не представляли из себя крепостей в точном смысле этого слова и не могли бы, конечно, выдержать нападения регулярной армии; с другой стороны, они не могли исполнять таких функций, какие некогда несла, например, Украинская линия: им не приходилось уже защищать границы от набегов мелких неприятельских партий, так как с завоеванием Крыма они прекратились; неудивительно, таким образом, что крепости и другие только на время образовали пограничную черту, которая скоро, подобно предыдущим линиям, очутилась в середине, и ее место заняла так называемая Днестровская линия, лежавшая еще дальше на западе.

Вторая турецкая война (1787-1791 годов. – *Примеч. ред.*), как известно, предоставила в руки России Очаковскую область,

обнимающую западную часть нынешней Херсонской губернии между Бугом и Днестром; по установившемуся обычаю предстояло теперь оградить и ее линией пограничных укреплений; западная сторона ее должна была идти по Днестру от впадения в него Ягорлыка, т. е. прямо по нынешней границе Херсонской губернии, а южная – по морскому берегу до города Очакова. В Очаковской области до присоединения ее к России было четыре города (Очаков, Аджидер – ныне Овидиополь, Хаджибей – Одесса и Дубоссары), около 150 сел, населенных татарами и молдаванами, и ханские слободы, заселенные беглыми малороссиянами и великорусами-раскольниками; но в момент присоединения край опустел. Мейер полагал, что там было 120 тысяч населения, цифра явно преувеличенная^[78]; на самом деле, как это видно из карты Екатеринославского наместничества, составленной не ранее 1790 года, там было 19 547 душ мужского пола^[79]. Первые меры, принятые правительством для заселения новоприобретенной от Турции Очаковской области, были следующие: Екатерина II поручила губернатору Каховскому, прежде всего, обозреть страну, разделить ее на уезды, назначить места под города и представить обо всем этом план; во-вторых, отводить землю, как под казенные слободы, так и для помещиков, но не свыше той нормы, которая установлена была для Екатеринославской губернии, с обязательством заселить эти земли; в-третьих, следить за тем, чтоб казенные селения не соединялись с помещичьими; в-четвертых, принять меры для поселения арнаутов; в-пятых, оказать особенное преимущество в получении земель молдавским боярам; это были, так сказать, обычные средства Екатерины II и ее сотрудников^[80].

Для приведения в исполнение этих предначертаний была учреждена уже по смерти Потемкина, в 1792 году, Экспедиция строения южных крепостей, во главе которой поставлен екатеринославский губернатор Каховский^[81]; новые крепости велено было строить: 1) на Днестре против Бендер (ныне Тирасполь), 2) на Днестровском лимане (ныне Овидиополь), 3) у Хаджибейского замка (ныне Одесса), на развалинах Очакова на линии, идущей в лиман. Военное значение этих пунктов было невелико (исключая Очакова). В этой новой русской области важнее всего была ее южная полоса, прилегавшая к Черному морю. Здесь-то на месте турецкой крепости Хаджибей был основан город, которому суждено было занять первое место между всеми городами Новороссийского края. С постройкой Днестровской линии явилась возможность сосредоточить свои заботы исключительно на мирных культурных задачах.

Устраивая новые крепости в Новороссийском крае, правительство должно было позаботиться о контингентах на случай военных действий. Для этой цели оно пользовалось разнообразными в этнографическом отношении элементами – русскими (великороссиянами и малороссиянами) и иностранцами. И те

обыкновенно представляли из себя в крае военно-земледельческое население. Таковы были казачьи полки, расположенные по крепостям Днепровской линии, потомки запорожцев – Черноморское казачье войско, выходцы-сербы, образовавшие гусарские полки и другие иностранные колонисты.

Делая общую оценку оборонительных мер, принятых правительством в Новороссийском крае, мы приходим к заключению, что в начале второй половины XVIII века они были еще довольно значительны, но потом мало-помалу ослаблялись, делаясь все менее необходимыми. В особенности это нужно сказать о том периоде, который начался с присоединения Крыма к России; тогда исчезла необходимость мелкой оборонительной партизанской войны с татарами, исчезла опасность постоянного нападения, которая угрожала оседлому земледельческому населению. Правда, и после 1783 года наступило еще время, когда Новороссийский край превратился в какой-то военный лагерь. Но это вызвано было второю турецкою войною, потребовавшею напряжения всех военных сил области; по окончании же войны, в царствование Павла Петровича и Александра I главная забота была направлена к развитию мирных культурных занятий под прикрытием русского войска и флота. Но первые зачатки этой мирной, культурной, так сказать, колонизации начались гораздо раньше, одновременно с чисто военной; с течением времени первая все более и более возрастала на счет последней, пока не сделалась господствующей. Не касаясь первых шагов ее, имеющих место в царствование Елизаветы Петровны и начале царствования Екатерины II, мы только остановимся на некоторых более выдающихся фактах, относящихся ко времени князя Г. А. Потемкина, который был назначен управителем Новороссийского края в 1774 году и оставался в этой должности до самой смерти своей в 1791 году. При нем и по его инициативе были построены все военные укрепленные линии, кроме последней Днестровской. Он заботился, как мы увидим дальше, об иностранной и народно-владельческой колонизации; но главная его заслуга состоит в постройке новых городов, первое место среди которых занимают Херсон, Екатеринослав и Николаев. Это были уже не только крепости, но и города в настоящем смысле этого слова. Таким образом, мы обращаемся теперь к характеристике правительственного градостроения, которое нужно признать второю формою колонизационной деятельности правительства. Излагая важнейшие факты, относящиеся к этому делу, мы будем помнить, что они должны нам дать материал для определения заслуг в этом деле самого Потемкина и его главнейших сотрудников.

Первый город, построенный по инициативе князя Потемкина, был Херсон; указ императрицы об его постройке относится к 1778 году и был вызван желанием иметь новую гавань и верфь поближе к Черному морю, так как прежние, например, таганрогская, представляли

значительные неудобства по своему мелководью. Еще в 1775 году последовало повеление об устройстве гавани и верфи на Днепровском лимане при урочищах Глубокой Пристани и Александр-Шанце, но приведено в исполнение оно не было целых три года, так как затруднялись выбором места. В 1778 году императрица снова повелевает окончательно выбрать место для гавани и верфи на Днепре и назвать его Херсоном. Потемкин выбрал Александр-Шанц. Производство работ было поручено потомку известного негра и крестника Петра Великого Ганнибалу (Иван Абрамович Ганнибал, 1735–1801, генерал-цейхмейстер морской артиллерии. – *Примеч. ред.*). В его распоряжение было дано 12 рот мастеров[ых]. Под будущий город было отведено значительное количество земли. В крепость его прислано 220 орудий. Высшее руководство и главное начальство в этом деле было поручено князю Потемкину^[82]. Императрица в это время ведет постоянную переписку с Потемкиным о новостроящемся городе. «Спасибо, голубчик, и весьма спасибо за расторопное распоряжение о Херсоне; комендантство же смело изволь обещать Соколову. Верфи же хотя на три корабля, чаю, довольно будет»... «Спасибо и премного спасибо, – писала ему императрица в другом письме, – за прилагаемое попечение о Херсоне, а лесу сейчас прикажу Кашкину тебе дать, голубчику, на строение»... «Батя, что касается до Херсона, – читаем мы в третьем письме, – то мне все равно, где б ни стоял, лишь бы остановки у работы не было»^[83].

Биограф Потемкина Самойлов о постройке Херсона сообщает нам такие подробности: первоначально был отправлен, по его словам, для приискания места под будущий город контр-адмирал Шубин; но Потемкин донес императрице, что выбранное им место ничем не защищено от Очакова. Императрица согласилась с представлением Потемкина и велела построить город в 35 верстах от днепровского устья. Город строился под непосредственным руководством Потемкина, который хотел сделать его столь же цветущим и знаменитым, как древний Херсонес Таврический; он рассчитывал устроить в нем все то, что Петр Великий в Петербурге, несмотря на его зыбкий болотистый грунт (адмиралтейство, карантин, пакгауз). Постройка не представляла никаких затруднений: каменоломня была почти в самом городе, по Днепру привозили лес, железо и все необходимые материалы. Лежащие в окружности города земли он раздавал для устройства загородных домов, садов и т. п. Через два года в Херсон уже приходили корабли с грузом под русским флагом. Со всех сторон устремлялись сюда промышленные люди. Иностранцы завели в нем коммерческие дома и конторы: французские торговые фирмы (барона Антуана и других), а также польская (Заблоцкого), константинопольская (Фродипга), австрийская (Фабри), русская (купца Маслянникова)^[84]. Очень важную роль в расширении торговых сношений города Херсона с Францией играл барон Антуан; в последнее время напечатана

любопытная переписка его с известным графом Сегюром: в одном письме он, между прочим, писал: «стремление наше приобретать русские естественные произведения, удвоит производство их, а изобилие последних быстро повлияет на увеличение народонаселения, которое служит настоящим мерилем благосостояния государств»^[85]. Русский зерновой хлеб он отправлял в Корсику, в различные порты Прованса, в Ниццу, Геную, и, наконец, Барселону^[86]. Тот же барон Антуан составил любопытный исторический очерк торговых и морских отношений портов Черного и Средиземного морей; на основании его К. Юрченко (на самом деле П. О. Юрченко. – *Примеч. ред.*) написал историко-статистический очерк торговли города Херсона^[87]. Как видно из этого очерка, Антуан ездил в Петербург и ходатайствовал о целом ряде льгот для основываемой им французской компании в Херсоне и вообще для иностранных купцов. Некоторые его просьбы были уважены (основание банковской конторы, свободный вывоз хлеба и леса и т. п.). Отправившись в Польшу, Антуан предложил польский товар отправлять не через Данциг и Кенигсберг, а по Днепру к Аккерману и по Бугу – к Очакову. Потом ему была оказана помощь французским правительством. Первый его корабль прибыл из Херсона в 1784 году с грузом конопли, пшеницы, чаю, льняного и конопляного семени. Он прислал туда солильщиков, бочара, свечного мастера и строителя плотов. Многие марсельские и херсонские купцы стали конкурировать с Антуаном в торговле с Южной Россией и Польшей через Черное море: в течение года прибыло 20 судов из Херсона в Марсель и 15 из Марселя в Херсон. Торговля велась со Смирной, Ливорно, Мессиной, Марселем и Александрией. Энергичным сотрудником Потемкина был известный Фалеев. Простой кременчугский купец, но энергичный, предприимчивый, он не удовлетворился своей прежней скромной деятельностью и рассчитывал выйти на более широкое и плодотворное поприще. Он предложил Потемкину на собственные средства очистить днепровское русло у порогов, чтобы сделать удобным речной путь из внутренних областей государства к Херсону. Цель не была достигнута, но, по словам Самойлова, уже в 1783 году прошли прямо в Херсон из Брянска барки «с железом и чугуном; также благополучно проходили суда с провиантом; за это Фалеев получил золотую медаль и диплом на дворянское достоинство»^[88].

По словам современного исследователя, в Херсоне работало множество солдат, получавших небольшое вознаграждение от казны. Кораблестроение привлекло сюда, кроме того, множество вольных рабочих, так что город все более и более возрастал. Местные припасы привозились из Польской и Слободской Украины. В это же время началась в Херсоне и заграничная торговля. Императрица, приехавшая в Херсон в 1787 году, осталась очень довольна, как это видно из письма ее к генералу Еропкину, и казармами, и крепостью, и каменными строениями, и церковью, и адмиралтейством, и кораблями, и

множеством разноязычного населения^[89]. Император Иосиф II, лично осмотревший Херсон, в общем, также остался доволен, но заявил, что большой торговли здесь никогда не будет^[90]. Лица, нерасположенные к Потемкину, например, Воронцов, отзывались дурно об этом новом «колоссе», как его называла императрица. Спрашивается, как примирить противоречивое известие источников? Какой взгляд установить на постройку Херсона и на результат энергии и забот самого Потемкина?^[91] К счастью, до нас дошли ордера князя Потемкина, заключающие в себе сведения о постройке города Херсона с 1781 по 1786 год включительно^[92]. Они дают нам возможность ответить определенно на некоторые существенные вопросы, относящиеся к этому делу. Заботы Екатерины II о новом городе объясняются, главным образом, желанием устроить в нем адмиралтейство, так как Азов и Таганрог не представляли значительных удобства в этом отношении. Кроме того, в Херсоне должна была быть воздвигнута хорошая крепость и коммерческая гавань.

Таков был проект, внушенный императрице Потемкиным. Новый город должен был действительно вырасти, как бы из-под земли, по мановению руки всесильного князя. В своем ордере строителю Ганнибалу он, между прочим, писал, что «вся ожидаемая от сего знаменитого для государственного здания (города Херсона) польза состоит в том, чтобы оное со всею возможною поспешностью, до наступления осени, если не совсем отстроилось, то, по крайней мере, все земляные работы, обеспечивающие те места, были действительно кончены»^[93]. Конечно, так быстро отстроить город оказалось невозможным. С такою же лихорадочною поспешностью производились работы и в последующее время; Потемкин ожидал императрицу в 1784 году, как это видно из ордера его на имя Ганса. «Чтоб успешнее шло производство строений в Херсоне, то я за нужное считаю, не обременяя вас другими делами, оставить при одном строении, которое и рекомендую стараться всеми мерами умножить и совершенно в том успеть, ибо ея императорское величество в будущем лете самолично в Херсоне быть изволите»^[94]. Также заботился Потемкин и о быстрой постройке кораблей. «Между тем подтверждаю вам, – писал он капитану над портом Муромцеву, – и еще употребить возможное старание, чтоб работы корабельные шли с крайнею поспешностью, в чем и присылать ко мне еженедельно подробные рапорты.... Забота моя о производстве сего дела тем для меня важнее, что неперемнная ея императорского величества есть воля о крайнем в том попечении»^[95]. Все помыслы князя Потемкина были направлены к тому, чтоб новый город понравился императрице. Недостатка в деньгах быть не могло – Потемкину были предоставлены чрезвычайные полномочия, и он почти бесконтрольно распоряжался суммами. К сожалению, мы не знаем, во что обошлась правительству постройка нового «колосса», но, судя по тем цифрам, которые постоянно встречаются в потемкинских ордерах,

можно думать, что сумма эта была весьма значительна. Приведем несколько отдельных случаев расходов. Ежегодно оставалась известная сумма на производство крепостного строения; в 1782 году, например, на сентябрьскую треть ассигновано более 155 тысяч рублей; но, независимо от этого, многие десятки тысяч рублей отпускались в возврат долга адмиралтейской суммы (более 60 тысяч рублей.); в 1781 году есть известие об израсходовании более 420 тысяч рублей; большие суммы затрачивались особо на покупку и доставку корабельных лесов (в 1783 году – 50 000 рублей), на наем плотников (на треть в 1785 году – 60 000 рублей) и т. п. В 1784 году по высочайшему повелению была отпущена для херсонского адмиралтейства экстраординарная сумма в размере более 1,533 млн рублей сверх тех денег, которые были выданы раньше на это дело и отпускались по штату ежегодно. «Что принадлежит до мест ассигнования, – пишет Потемкин Вяземскому, – то не представляется мне ни малого затруднения в получении оных из окрестных к Херсону губерний; оттуда и могу я прямо назначить подлежащие суммы, кому оные будут следовать». Вообще на экстраординарные траты Потемкин получал и экстраординарные суммы: например, на переселение церковников и калмыков 200 000 рублей. Потемкин не затруднялся в получении необходимых сумм: он требовал и получал их из петербургского и московского казначейств и разных казенных палат (орловской, курской, харьковской и других). Можно сказать, что вся Россия несла специальные повинности в пользу предприятий светлейшего князя. Кроме денег, к его услугам были и рабочие руки, и техник, и специалисты. Будучи генерал-губернатором громадного Новороссийского края, он, естественно, мог и сам выбирать необходимых ему лиц; но, кроме того, и правительство приходило в этом отношении к нему на помощь, так что он не мог пожаловаться на внешние препятствия для исполнения своих намерений. К его услугам были и войска, и казенные, и вольные рабочие. Для расчистки днепровского фарватера у порогов отряжено было три пехотных полка; для работ в Херсоне употреблялись солдаты и рекруты; для производства корабельного строения постоянно нанимались в Петербурге, Олонце и других местах плотники (более тысячи человек) и присылались казенные охтенские плотники: для того же херсонского адмиралтейства присылались рекруты из Казани; из Москвы отпускались немцы-кузнецы и т. д. Являлись по требованию Потемкина не только простые рабочие, но и ученые специалисты: врачи (из Азовской и Новороссийской губерний), садовники, живописцы и т. п. «Приехавшего из Петербурга живописца Федора Данилова, – пишет Потемкин Гансу, – употребить следует для писания вновь построенной залы в Херсоне, о чем дайте ему знать, препоручаю ему ту работу и определяю ему в помощь живописцев, из Петербурга в Херсон привезенных». Мало того, кроме денег и рабочих, Потемкин получал

необходимые ему предметы натурою: отобранные от запорожцев ружья (из крепости святой Елисаветы), порох и селитру (из киевского цейхгауза), артиллерию с разными припасами (из крепости святой Елисаветы). Понятное дело, что при таком изобилии средств, при спешности постройки, контроль над истрачиваемыми суммами не мог быть значителен. Несмотря на то, что лица, заведовавшие постройками, кроме жалованья, получали и значительную прибавку из сумм, назначенных для херсонского строения, бывали случаи злоупотребления в расходовании денег. В этом был изобличен и один из строителей полковник Ганс, которому Потемкин писал: «Представленные от вас ведомости и книги расходов экстраординарной суммы ведены весьма беспорядочно и с таковым смешением, что при выдачах казенных рядом написаны партикулярные». Спешность работ должна была вредно отзываться и на самом качестве производимых предметов. Так оказывается, например, что суда строились из сырого, не высохшего еще лесу и потому быстро портились и делались никуда не годными. Итак, постройка Херсона велась на широкую ногу, и потому обошлась она правительству страшно дорого. Справедливость требует сказать, что сам Потемкин был истинным руководителем этого дела, заботился о скорейшем окончании его, и заботился не только о важных, но и мелочных обстоятельствах, к нему относящихся, и нетрудно догадаться, что главным двигателем его были честолюбие и славолюбие. Он не допускал критики, которая могла бы омрачить «оригинальную славу» императрицы и его самого. Весьма характерный в этом отношении факт – это его ордер главному доктору Самойлову: «В «Московских ведомостях» сего года под № 74 в артикуле «из Херсона» нашел я объявление Вашего сочинения: описание подробное херсонских болезней. Еще неизвестно, будет ли сделано таковое «описание» и послужит ли оное к пользе общей, но подобные объявления обнародованные делают весьма худое впечатление о стране той, особливо ж по далекому ее состоянию. Итак, желал бы я, чтоб известия о болезнях тамошних вступали в публику не прежде, как вместе с описанием свойства их и надежных средств, против них употребляемых». Речь идет здесь о весьма щекотливом предмете для Потемкина – повальной заразной болезни, свирепствовавшей в Херсоне благодаря его болотистой почве; и вот светлейший князь боится, как бы сообщаемые в книге Самойлова факты не уронили его деятельности в глазах императрицы, как бы этим не воспользовались те, которые скептически относились к этому новому колоссу, основанному, подобно Петербургу, на болотах; в результате и явился ордер, заключавший в себе косвенное цензорское veto, так как ни Самойлов, ни тогдашняя медицинская наука не знали верных средств против болезни.

Потемкин достиг той цели, к которой стремился в продолжении девяти лет: императрица осталась довольна Херсоном. И

действительно, говоря вообще, безотносительно к затратам, за восемь-девять лет сделано было очень много^[96]. Путешественник Измайлов, посетивши Херсон в начале XIX века, говорит о городе Херсоне, как об очень торговом пункте, и указывает на предметы вывоза и ввоза^[97]. Другой иностранный путешественник к этому прибавляет, что Херсон более походил на город, чем Николаев; «дома здесь гораздо выше и улицы теснее; впрочем, также худо выстроен; жителей в нем гораздо более, нежели в Николаеве. Здесь производится важная торговля строевым лесом. На набережной, которая простирается на целую милю, видны большие амбары сего леса. Здесь строят военные корабли; я видел один о 110 пушках, приготовленный к спуску в воду. Здесь столько же находится жидов, как и в Николаеве, и они здесь также бедны»^[98]. Но надежды, возлагаемые на новый город, все-таки не оправдались: со взятием Очакова и построением Николаева значение Херсона, как крепости и адмиралтейства, пало; а между тем на устройство его укреплений и верфи были затрачены громадные суммы. В Николаевском инженерном архиве морского ведомства хранится топографический план херсонской крепости и адмиралтейства за время с 1808 по 1828 год. Из описания их, составленных А. Чирковым, видно, в каких грандиозного размерах они были устроены. И что же? «Из всех этих строений, бывших в обширном и образцовом херсонском адмиралтействе, дорого стоящих государству, почти не осталось ни одного... Бывшие адмиралтейские строения (исключая немногие, получившие те или иные назначения), обширная деревянная набережная, бревенчатый палисад на валу вокруг всего адмиралтейства и даже каменные стены были проданы на снос с публичного торга, и поэтому в настоящее время сохранилось об них только темное предание, которому немногие даже и верят»^[99]. Sic transit gloria mundi! («Так проходит мирская слава», лат. – *Примеч. ред.*) Невольно припоминаются при этом слова австрийского императора Иосифа II, что место для Херсона было выбрано неудачное, что следовало бы построить город на 30 верст ближе к морю, и что при настоящем положении дела в нем никогда не будет процветать торговля. Сегюр и Паллас также не одобряли выбранного Потемкиным места под город. И действительно, он не только не сделался другим Амстердамом, но торговля его развивалась довольно туго, и он уступал в этом отношении Таганрогу и Очакову; в 1794 году в Таганрог привезено было иностранных товаров на 156 058 рублей, а вывезено на 439 011 рублей, в Очаков привезено на 244 340 рублей, а вывезено на 209 321 рубль, из Херсона вывезено на 148 433 рубля; между тем Николаев, который был построен одиннадцатью годами позже, отпускал в это время товаров на 106 532 рубля, т. е. немногим менее Херсона^[100]. Не говорим уже, что надежда сделать Днепр судоходным у порогов не оправдалась и что чума едва было, не погубила дела заселения города в самом его начале, во всяком случае, крайне

тормозила его успешный ход: переселенцы и мастеровые из центральных губерний России страшно болели от непривычного климата и болотного воздуха при отсутствии сносных помещений и т. п.

Обобщая все сказанное о Херсоне, мы приходим к заключению, что в местности, на которой Потемкин решил-таки воздвигнуть Херсон, не было задатков для великого будущего. Потемкину удалось с поразительной быстротой построить город, но для этого понадобились громадные средства от государства и населения, которые не окупились впоследствии; ошиблась Екатерина, которая писала, что Херсон будет все более и более развиваться; его быстрый, сказочный рост был искусственным, он вырастал не благодаря самому себе, как растут многие американские города, а благодаря помощи, оказываемой ему могущественным князем Тавриды, пользовавшимся полным доверием императрицы и желавшим блеснуть перед нею, всей Россией и даже Европой своею неусыпной деятельностью.

Обратимся теперь к постройке другого города, который должен был составить славу Екатерине, – Екатеринослав. История этой постройки в высшей степени характерна. Мы, впрочем, не будем останавливаться на ней слишком долго, так как отпразднованный в позапрошлом году столетний юбилей города вызвал на свет три работы, посвященные истории основания и первых годов жизни Екатеринослава^[101]. Начать с того, что Екатеринослав несколько раз переходил с одного места на другое. Первый Екатеринослав находился на левом берегу Днепра, при впадении реки Кильчени в Самару. Построен он был по проекту азовского губернатора Черткова (в 1777), но в 1786 году Потемкин, который и прежде не желал устраивать его на реке Самаре, издал ордер о перемещении Екатеринослава (переименованного еще раньше в Новомосковск) на новое, более возвышенное место, так как на прежнем он постоянно страдал от наводнений. И действительно, Екатеринослав первый, иначе Новомосковск, насчитывавший в 1781 году 2194 души (в том числе 270 душ купцов), на основании ордера Потемкина, стал расходиться врознь; «в городе Новомосковске жителей, кроме городничего с штатною командою с ротою солдат и некоторого числа канцелярских служителей, ныне уже никого не имеется; все разошлись по разным местам», – говорится в одном документе. Новомосковск был переведен далее вверх по реке Самаре на свое нынешнее место, где было село Новоселица, а губернский город Екатеринослав, по мысли Потемкина, должен был основаться на правом берегу Днепра на месте запорожского села Половицы, где он находится и теперь^[102]. Но раньше, чем были сделаны необходимые постройки в новом городе, прежнее население его и администрация временно приютились в одном из предградий, форштадтов будущего города – «Новых Кайдаках», в котором население сильно увеличилось, и он именовался иногда даже в официальных бумагах Екатеринославом^[103]. Первый указ о постройке Екатеринослава на

правом берегу Днепра у Кайдаков относится еще к 1784 году^[104]; но самая постройка его началась позже. Новый город, по проекту Потемкина, должен был служить к вящей славе Екатерины и потому планировали его в необычайных размерах: город должен был находиться между двумя форштадтами – Старым и Новым Кайдаками и заключать в себе пространство в 800 кв. верст; одного выгона для скота предполагалось отвести 80 тысяч десятин; улицы должны были быть шириною в 30 сажень (теперь всей земли у города немного более 5 тысяч десятин, а проектированную ширину имеют только две улицы). Сохранился проект городских построек, написанный собственноручно Потемкиным, ярко рисующий нам грандиозные замыслы князя Тавриды (подан за три месяца до отъезда императрицы в ее путешествие). «Всемиловитейшая Государыня, где же инде, как не в стране, посвященной славе вашей, – пишет Потемкин, – быть городу из великолепных зданий? А поэтому я предпринял проекты составить, достойные высокого сего города названия. Во-первых, представляется, в подражание Святого Павла, что в Риме (очевидно Потемкин хотел сказать Святого Петра), тут храм великолепный, посвященный Преображению Господню, в знак, что страна сия из степей бесплодных преобразена попечениями вашими в обильный вертоград и обиталище зверей в благоприятное обиталище людям, из всех стран текущим. Судилище, на подобие древних базилик, в память полезных ваших узаконений. Лавки полукружием, на подобие пропилей или предудверий афинских, с биржею и театром посередине. Палаты государские, где жить и господину губернатору, во вкусе греческих и римских зданий, имея посередине великолепную и пространную сень. Архиепископия при соборной церкви Преображения с дикастерией и духовной схой. Как сия губерния есть военная, то в призрение заслуженным престарелым воинам – дом инвалидный со всеми возможными выгодами и с должным великолепием. Дом губернаторской, вице-губернаторской, дом дворянский и аптека, фабрика суконная и шелковая. Университет купно с академией музыкальной или консерваторий. Для всех сих строений довольно всяких припасов заготовлено, на что употребится 200 тысяч рублей, оставшихся от экстраординарных сумм»^[105].

В новом городе было велено немедленно учредить университет с академией художеств^[106]; назначен был директором консерватории знаменитый музыкант Сарти; сохранился любопытный контракт с ним князя Потемкина. «Быть мне, – говорит Сарти, – директором музыки при учреждаемом в городе Екатеринославе университете. Обучать там сочинению оной и самому сочинить музыкальные пьесы, в каких будет надобность, и за сие получать мне жалованья годового... по 3500 рублей в год, кроме квартиры с отоплением и 1500 рублей прогонов»^[107]. На службу в неосуществившийся университет были зачислены, кроме того, профессорами Ливанов и Прокопович, преподавателями живописи

Неретин и Бухаров и историографом капитан французской службы de Guienne^[108], которые и получали жалованье по штату (всего ассигновано было с 1785 года более 20 тысяч рублей). На постройку университета назначено было 300 тысяч рублей^[109]. Рассчитывали, что в этом университете с академией художеств и музыки, с училищем хирургическим и народною сколою «по соседству Польши, Греции, земель Воложской, Молдавской и народов Иллирических, множество притечет юношества обучаться».

Но не одни науки и искусства должны были процвести в новом городе: в нем должна была зародиться, по мановению всевышнего вельможи, и промышленность: большие суммы (340 тысяч рублей) были ассигнованы на устройство казенной фабрики с двумя отделениями: суконным и шелково-чулочным^[110]. В своем донесении императрице Потемкин указывает на громадную пользу, которую принесет эта фабрика России, которая превзойдет в количестве сукон все другие государства, а посредством дворян-учеников это ремесло разойдется по всей России, шелк будет хорошего качества и дешев; «колонии ремесленников, – говорит в заключение своего донесения Потемкин, – фабриканты в большом числе, находятся у меня теперь в белорусских деревнях в ожидании построения жилищ в Екатеринославе, которые к будущей осени поспеют, и они на судах Днепром с инструментами будут доставляться на свое место»^[111]. В 1787 году императрица, во время своего известного путешествия, посетила Екатеринослав и заложила грандиозный соборный храм, который по величине своей должен был превосходить храм Святого Петра в Риме: на один аршин длиннее последнего^[112].

Что же вышло из всех этих грандиозных проектов? Ответим кратко: очень мало. Программа тех величественных сооружений, которые проектировал светлейший, осуществилась в самых скромных размерах (дворец Потемкина и некоторые другие). Чулочная фабрика закрыта была очень скоро, а суконная кое-как протянула до 1836 года; собор, заложенный Екатериной, не был выстроен: дело ограничилось одним фундаментом, который обошелся казне в 71 102 рубля; сбылось, таким образом, предсказание Сегюра, что в этом соборе никогда не будет службы. Прав был отчасти и император Иосиф II, который сказал, что он с императрицей совершил великое дело: она положила первый камень нового города, а он второй и последний. Университет с академией и другими учреждениями никогда не осуществился; профессора его напрасно получали жалованье, исключая, быть может, одного Сартти, который исполнил свою обязанность, указанную в контракте: составил торжественную кантату для встречи императрицы; заготовленные для построек материалы были частью проданы с публичного торга, а частью получили другое назначение. «Таким образом, – говорит преосвященный Гавриил, – все разлилось в разные стороны; в самое краткое время всего лишился Екатеринослав; златом сиять

надеявшийся, он превратился в сосуд глиняный, или в ту самую Половицу, на месте которой основался»^[113].

В восьмидесятых годах прошлого века в Екатеринославе были 2201 душа мужского пола, в том числе 277 душ купцов, 874 души мещан и цеховых и 1050 душ разночинцев^[114], а в 1800 году – только 2634 души обоего пола, т. е абсолютная цифра уменьшилась; в 1804 году – 6389 душ, в 1825 году – 8412 душ. В течение 25 лет текущего столетия население более чем утроилось, хотя все-таки абсолютная цифра его была невелика^[115]. Положение екатеринославского купечества в первые годы существования города было очень печальное; яркими красками рисует оное в прошении, которое предполагалось подать графу Зубову. Лица, стоявшие во главе управления и желавшие сделать Екатеринослав достойным его высокого назначения, всячески обнадеживали поселенцев разными льготами, но этих льгот в действительности не оказывалось, в особенности это нужно сказать о времени Павла Петровича; для усиления коммерции было открыто в городе четыре ярмарки, но купцов на них не было^[116]. Да и могло ли быть иначе? Неудача объясняется главным образом тем, что хотели искусственно, одним почерком пера, создать то, для чего потребны были благоприятные местные условия; но об этих условиях не справлялись; наоборот, в особенную заслугу думали себе вменить постройку знаменитого города в пустынной местности у болота; и вот, когда золотой дождь в виде правительственных ассигновок, прекратился, и науки, и искусства, и промыслы, и торговля так и остались в проекте.

Представим теперь, наконец, некоторые данные о постройке города Николаева. Еще в 1784 году приказано было построить крепость при впадении Ингула в Буг, но она почему-то построена не была. В 1787 году турки очаковского гарнизона, по преданию, разорили находившуюся на реке Буге, недалеко от впадения в него реки Ингула, дачу иностранца Фабри; этот последний просил казну вознаградить его за убытки; для определения их был отправлен известным уже нам Фалеевым офицер, который донес ему, что возле Фабровой дачи есть место, удобное для верфи. В 1788 году, по приказанию Потемкина, в небольшой деревне Витовке были построены казармы в госпиталь, а на реке Ингуле заведена верфь. Постройка зданий и судов была поручена Фалееву, а сотрудниками его были архитектор Варезет, Бестужев, Старов, Де-Волан. Самое основание города Николаева мы относим к 27 августа 1789 года, потому что этим именно годом, месяцем и числом помечен ордер Потемкина на имя Фалеева такого содержания: «Фаброву дачу именовать Спаское, а Витовку – Богоявленское, новозаводимую верфь на Ингуле – город Николаев»^[117]. Высочайшее повеление о наименовании нового города Николаевом последовало только в 1790 году^[118]. Свое имя он получил по имени первого корабля «Святой Николай», построенного на его верфи. В том же 1790 году

последовал высочайший приказ об устройстве в Николаеве адмиралтейства и верфи. «Глубина реки Ингула, при впадении ее в Буг, – говорит автор истории Черноморского флота Аркас, – много способствовала к построению там верфи для сооружения судов большого ранга.... Херсонская верфь, хотя была так же удобна, как николаевская, но мелководье гирл препятствовало выводить из Херсона в море большего ранга суда... и потому постепенно начали переводить из Херсона в Николаев сначала главного командира, правление Черноморского флота и кадетский корпус, потом некоторые мастерские и, наконец, в 1824 году уничтожили в Херсоне адмиралтейство и перевели в Николаев»^[119]. Найдя новый удобный пункт, Потемкин решается устроить здесь город, порт и адмиралтейство. Сохранился в высшей степени интересный проект Потемкина о постройках в Николаеве. Решено было адмиралтейство из Херсона перевести в Николаев, так как в нем и вода, и воздух чище, а в Херсоне остались одни только магазины и постройка мелких судов, которые могут проходить без камелей; сначала предполагали сделать доки и деревянную гавань на реке Буге, но вследствие дороговизны отказались от этой мысли и решили оставить адмиралтейство и верфь на Ингуле, а на Буге иметь только док; все необходимые для адмиралтейства магазины, мастерские и набережную предполагалось построить из леса, заготовленного в селе Мошнах (Киевской губернии); число казарм увеличить; на Буге и лимане повыбивать сваи, чтобы суда могли тянуться и в плохую погоду; для привлечения иностранцев к поселению в Николаеве исходатайствовать на двадцать лет порто-франко; ярославских каменщиков, купленных у Мещерской, сделать казенными и приохочивать к поселению в Николаеве; заниматься постройкой судов, чтобы довести число их до предположенной нормы; составить для гребного флота примерный гренадерский корпус, которому иметь постоянные квартиры в Николаеве; в мирное время он должен был заниматься работами в порте или же гнать леса по лиману; для того, чтобы никогда не было недостатка в мастеровых, учить женатых рекрутов плотничьему и другим ремеслам, необходимым в адмиралтействе, и поселить из них три тысячи (а также тысячу каменщиков) на казенных участках и на землях, которые нужно купить у некоторых частных лиц (у разных владельцев около Николаева, у Безбородко близ Херсона, у генерала Соймонова на устье Ингульца у Глубокой пристани, где построен литейный завод для переливки негодных пушек и ядер, на Буге у Русской косы, против Николаева и Богоявленска на той стороне Буга, на Ингуле на даче помещика Лария); в бугских порогах завести водяную машину для кузнечных адмиралтейских работ и оружейного завода; построить против Богоявленска купальню в том месте, где криница; завести в удобном месте канатный завод «без затей»; для сплава леса из Херсона в Николаев построить плашкоуты; для пристанища байдаков и плотов во

время шторма поделаться пристани на Глубокой и ниже Станиславова; вымерить дно Буга и Ингула до Березани; сделать при николаевской верфи кузницу и токарню; распахать как можно больше земли возле Николаева, для чего сделать еще двадцать плугов, а в Богоявленске завести земледельческое училище с аптекарским садом под дирекцией профессора Ливанова, учеников же в него определять из рядовых солдат или женатых поповичей; на копанках поселить женатых военных, неспособных к службе, в Богоявленске всех заштатных церковников; такое же население, а также беспаспортные выходцы из Польши и бродяги, должны устроиться в Воскресенске и Покровске; служащим в адмиралтействе отводить землю под хутора в окрестностях города; насаждать при адмиралтейских поселках лес; давать жалованье адмиралтейским рабочим; для молодых людей, желавших поступить в морскую службу, построить в городе училище навигации на 360 человек дворян и на столько же разночинцев, которые будут выходить в штурмана, шкипера и другие подобные должности. Завести небольшое училище кораблестроения и снабдить его новейшими английскими и французскими книгами; для отставных штаб- и обер-офицеров основать монастырь Спасо-Николаевской лавры и дать туда колокол в тысячу пудов, перелитый из колокола Межигорского монастыря; доходы с лавок, выстроенных у биржи, с погребов, трактира и кофейной употребить на церковь Святого Григория и на причт ее, а сосуды дать туда монастырские; построить инвалидный дом и такой госпиталь, в котором могли бы лечиться и херсонские больные, так как здешнее место и вода несравненно здоровее херсонских; в Богоявленске и Николаеве все фонтаны обделать мрамором и устроить торговую турецкую баню; в Николаеве ничего не строить деревянного, а если есть мазанки, то их оштукатурить; разным лицам, оказавшим услуги при устройстве города и края, дать награды и пенсии (обер-интенданту Афанасьеву, профессору Ливанову за находку серебряной руды, казенного угля, мрамора и красок, архитектору Ванрезани). Из ответных донесений Фалеева мы узнаем, что в Богоявленске садили разные деревья (дубы и т. п.) и виноград, отысканный в Очакове; для приведения в благоустройство города Фалеев ходатайствовал об учреждении и полиции^[120].

Нельзя не заметить, что при устройстве Николаева Потемкин действовал несколько иначе, чем при постройке Екатеринослава и Херсона. Здесь меньше желания произвести эффект, больше выполнимых, практичных проектов; есть даже желание устраивать кое-что «без затей». Потемкин, очевидно, разочаровался в Херсоне; по крайней мере, он, как мы видели, убедился в нездоровом климате занятой им местности. Впрочем, и во время строения Николаева погибло немало народа, и это обстоятельство сильно огорчало светлейшего. «А теперь только скажу, – пишет он в одном письме, – о

числе умерших, которых не могло бы больше и в чуму пропасть. Что прибыли доставать людей, ежели их морят, как нарочно. Вам бы надлежало мне доносить правду. А я не знаю, как вам не совестно скрывать от меня истину. Я определял людей к работе, да и еще и с заплатою, а из сего сделали каторгу. И по несчастью, как везде мое имя, то они могут думать, что я тиран, а вместо того мучают другие, а потакаете вы»^[121]. Из этого документа видно, что работы были очень тяжелы, если сам Потемкин называет их каторгой и тиранством. Не обходилось дело и без хищений казенных денег. «Пора отстать, – пишет Потемкин, – от мошенников подрядчиков, кои истощили суммы и все недостатками подбивали. Чрез них разворовано много»^[122].

Далеко не все предположения и предначертания Потемкина относительно Николаева осуществились: многое, по смерти его, было оставлено втуне; его преемник Зубов вовсе не желал продолжать начинаний своего предместника, а хотел, в свою очередь, оставить намять о своей деятельности в новом городе Вознесенске. Но, несмотря на это неблагоприятное обстоятельство, Николаев не захирел, подобно Екатеринославу, а стал развиваться и даже конкурировать с Херсоном. Об его росте свидетельствуют следующие факты.

В 1788 году^[123] николаевскую верфь посетил немецкий врач Дримпельман, который оставил любопытное описание ее. «Как сильно я был удивлен, – говорит он, – когда извозчик, которого я подрядил из Елисаветграда, вдруг остановился и, хотя я не видел ничего, кроме отдельных хижин из тростника и часовых, объявил мне, что тут и есть Николаев... Ближайшее осведомление у часовых показало, что слова извозчика были справедливы и что я действительно нахожусь в самом Николаеве». Описав посещение свое Богоявленска, Дримпельман рассказывает дальше следующее: «Доселе ни одно человеческое существо не могло жить в этом месте, где в несколько месяцев возник город, который уже в первые годы своего существования обещал счастливое процветание и где теперь селятся люди всех стран. Вокруг все было пусто. Единственные живые существа, которых здесь можно было встретить, были змеи. Хотя укус их и не опасен, однако они были неприятны и страшны для людей тем, что проникали в жилища, плохо построенные из тростника и досок. В нашу тростниковую хижину, в которой нам пришлось провести первую ночь по приезде в Николаев, напозло множество этих гадин. Хотя мы из предосторожности устроили постель на четырех высоких кольях, но это нисколько не помогло: змеи поднимались вверх и, почуяв людей, с отвратительным шипеньем переползали через нас на другую сторону кровати и уходили. Постройка нового города шла вперед с изумительной быстротой: в тот год, когда я жил здесь, выстроено было более 150 домов. Лес и другие строительные материалы доставлялись в изобилии на казенный счет по Бугу и продавались весьма дешево как чиновникам, так и другим лицам, желавшим здесь поселиться. Только

каждый строившийся обязан был строго сообразоваться с планом, по которому город постепенно должен был возникать. Число жителей, собравшихся из разных частей государства, доходило в 1789 году, когда я покинул Николаев, до двух с половиной тысяч^[124]. Из других (официальных) данных видно, что и в 1792 году в Николаеве было менее 2,5 тысячи жителей; нужно думать поэтому, что или Дримпельман значительно преувеличил цифру населения, или, что вероятнее, выставил ошибочную хронологию: на самом деле был в Николаеве в начале девяностых годов XVIII века. В 1791 году в Николаеве было 26 дворов, 147 душ жителей обоего пола (105 мужского и 42 женского) и 1,2 тысячи десятин земли под усадьбами^[125]. Екатеринославский губернатор Каховский в своем письме к известному Попову сообщает там данные о Николаеве в 1792 году: «строений кончено и начато много. Вода в колодезях хороша, а в фонтанах отменно хороша. Деревьев насажено много. По хуторам разводятся огороды для поваренных растений и распахиваются земли под посев хлеба... Признаюсь Вашему превосходительству, что я пришел в изумление, увидев столь много строений на том месте, где два года тому назад видел я два только шалаша, из камыша сделанных». В 1792 году в нем действительно уже существовали: 1 церковь, 4 общественных дома, 100 казарм, 13 магазинов, 158 каменных и деревянных домов, 209 мазанок, 61 землянка, 149 лавок, 23 погреба и 1566 душ обоего пола^[126]. Кроме того, здесь же временно проживало 1734 душ рабочих. Громадная разница с состоянием города в 1791 году, ясно свидетельствующая о том, что предположения Потемкина получили некоторое практическое осуществление. Измайлов, путешествовавший в этих местах в самом конце XVIII века, описывает Николаев так: «Николаев стоит в долине, окруженной пригорками при впадении Ингула в Буг, в нескольких верстах от Черного моря. Адмиралтейство, крепость, суда, стоящие на якорях, служат главным украшением города. Соборная церковь во имя святого Григория есть здание вкуса и нежности»^[127]. «Николаев, – говорит один иностранный путешественник, посетивший его в 1808 году, – стоит на левом берегу Буга... В сем городе находятся складни и магазины Черноморского флота. Когда мы проезжали, то еще в гавани не было ни одного линейного корабля в отстройке; как скоро они отделаются, немедленно отправляют их в Севастополь. Жителей в городе около девяти тысяч (цифра эта, по всей вероятности, сильно преувеличена), почти все служащие во флоте или жиды; сии последние имеют отвратительный вид. Положение Николаева не так хорошо: улицы широки, а дома низкие и выстроены по большей части из дерева или глины»^[128]. В «Землеописании» Зябловского (напечатано в 1810) о Николаеве говорится, между прочим, следующее: «в нем, по выгодной глубине залива и безопасной для судов рейды, стоит Черноморская гребная флотилия, также имеет пребывание главнокомандующий над

Черноморским и Азовским флотами и учреждено училище штурманское и другое, корабельной архитектуры. Имеет таможенную заставу и три церкви (русскую, католическую и греческую)^[129]». В 1817 году в Николаеве было 6 церквей и синагога, 4 общественных здания, 99 казенных, 1368 частных домов (1010 каменных и 358 деревянных), 3285 душ обоего пола^[130]. Прогресс в числе жителей за 25 лет последовал, как видно из этих цифр, ничтожный; очевидно, после форсированного роста, вызванного искусственными мерами, наступило затишье. Но Николаев все-таки имел будущее, как удобное место для постройки судов и торговый порт. По числу выпущенных из его верфи кораблей он уступал Херсону^[131], но относительно отпускной хлебной торговли в самом конце XVIII века стоял несколько выше его^[132].

Уже по смерти Потемкина был основан город, который занял первое место среди всех городов Новороссийского края, и старых, в новых – это Одесса, основанная на месте турецкой крепости Хаджибей; указ императрицы о постройке военной и купеческой гавани и города Хаджибея (так раньше называлась Одесса) относится к 1794 году^[133]; постройка была поручена де Рибасу; под новый город было отведено более 30 тысяч десятин земли; на устройство порта, адмиралтейства, казарм и т. п. было ассигновано около 2 млн рублей; важным моментом в первоначальной истории Одессы (так его назвала Академия наук) было поселение греческих выходцев, как в самом городе, так и в его окрестностях. Город в это время состоял из двух форштадтов – военного и греческого; частные лица получали «открытые листы» на свои усадьбы; в надежде на большие выгоды здесь стали селиться русские и иностранные (главным образом греческие) купцы; в предместье города Пересыпи поселились черноморские (бывшие запорожские) казаки. В 1796 году в Одессе было 2349 душ обоего пола; больше всего мещан (новороссийских, иногородних и бывших казенных и помещичьих крестьян); купцов разных гильдий 84 человека мужского пола, евреев 150 душ мужского пола, греков (кроме греческого дивизиона) 129 душ мужского пола, 98 душ черноморских казаков. Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, наступившие для города с воцарением императора Павла Петровича, население в нем постоянно возрастало; царствование Павла Петровича было непродолжительно, а с воцарением императора Александра I жители Одессы получили многие важные привилегии (25-летняя льгота, освобождение от постоев, утверждение за городом земли и т. д.). В 1802 году в Одессе было уже более 9 тысяч душ обоего пола жителей, в том числе постоянных и временных купцов 2285 душ обоего пола, а мещан 5743 душ обоего пола; 39 фабрик, заводов и мельниц, 171 лавка, 43 погреба, 1092 обывательских дома и 257 землянок, городских доходов – 40 675 рублей 38 копеек, товаров привезено было на 719 982 рубля, а вывезено на 1 534 114 рублей, всего на 2 254 096 рублей. Но все это было ничто в сравнении с дальнейшим прогрессом в населении

и торговле. Этим прогрессом Одесса обязана, главным образом, деятельности дюка де Ришелье, который занял здесь пост градоначальника в 1803 году. По словам Сикара, Ришелье сам стоял во главе всего и управлял всем больше своею личностью, чем предоставленной ему властью; в свободные минуты он обходил город и гавань, наблюдая за работами, сам отдавая везде приказания и заставляя таким образом других подвигать дело с необычайным усердием; он посещал иностранцев в карантине, узнавал их планы, нужды, приглашая их возвращаться или поселяться в Одессе. В городе он лично знал всех купцов, какой бы национальности они ни были, встречался с ними или посещал их магазины, разговаривал и осведомлялся о их торговле, успехах, препятствиях, желаниях и нуждах^[134]. «В продолжение почти двенадцатилетнего управления Одессою Ришелье, пользуясь высоким доверием монарха, обращал его единственно на пользу города. Он не только что восстановил дарованные императрицею Екатериною милости городу, но исходатайствовал новые, несравненно большие; устроил порт, карантин, таможню, театр, госпиталь, dokonчил начатые храмы Божии; учредил воспитательно-учебное заведение, поощрил частные в городе постройки, которых при его отъезде считалось две тысячи; увеличил население города до 26 тысяч душ; возвысил торговые обороты его. Любя страстно садоводство и вообще разведение дерев, он всячески покровительствовал владельцам дач и садов, и первый выписал из Италии семена белой акации, роскошно принявшейся на одесской почве. Ришелье за границей не забывал Одессу»... Так характеризует его деятельность историк Одессы Смольянинов.^[135] При Ришелье Одесса сделалась центром торговых связей Новороссийского края и европейских приморских городов: торговые обороты ее в 1814 году простирались более чем на 20 млн рублей; главным предметом отпускной торговли была пшеница; естественные богатства Новороссийского края нашли себе сбыт. Расширение торговых оборотов одесского купечества вызвало увеличение потребностей и привело к общему подъему культуры и цивилизации: Одесса превратилась в небольшой, но бодрый, торговый и благоустроенный европейский город. В этом отношении весьма интересно свидетельство самого Ришелье: «Когда я прибыл, – говорит он, – в 1803 году в Одессу, то прошло шесть недель, прежде чем я мог достать себе дюжину самых простых стульев, а в 1813 году было уже вывезено из Одессы в Константинополь на 60 тысяч рублей мебели, которая была сделана почти так же хорошо, как петербургская или московская»^[136]. О том, что из себя представляла Одесса в десятилетия XIX века, можно получить сведения из сочинения маркиза де Кастельно, где сообщаются обстоятельные данные о населении ее, общественных и частных сооружениях, управлении, полиции, а в особенности о торговле.

Данные эти вполне подтверждают мысль о сравнительно высокой степени культурного развития города^[137].

Кроме Херсона, Екатеринослава, Николаева и Одессы, можно указать и еще несколько важных городов в Новороссийском крае, возникших также путем колонизации; но на них мы уже останавливаться не будем; таковы Мариуполь, Ростов, Таганрог, Дубоссары. В Мариуполе, который был основан в 1780 году, в начале восьмидесятых годов насчитывалось уже 1506 душ мужского пола, в том числе 144 купца^[138]. В Ростове (первоначально называвшемся крепостью святого Димитрия Ростовского) в начале восьмидесятых годов было только 704 души жителей; но зато в соседнем с ним армянском городе Нахичевани, который получил начало в 1780 году, числилось тогда же 1040 душ русских купцов, мещан и цеховых и 4121 душа армян, несколько фабрик и заводов и много каменных лавок^[139]. Таганрог (прежде Троицкая крепость) был построен еще, собственно говоря, при Петре Великом, но находился долго в запустении и возобновлен был только в 1769 году; в нем в начале 1780-х годов была гавань, таможня, биржа, крепость; кроме значительного числа моряков, в нем жило 222 человека купцов, мещан и разночинцев^[140]. Хотя гавань его отличалась многими неудобствами^[141], но в нем все-таки процветала заграничная торговля. В самом начале XIX века он представлял из себя, по словам одного путешественника, торговый, но худо выстроенный и грязный город; жителей в нем было от 8 до 10 тысяч человек, торговля здешняя была в руках греков; с возникновением Одессы Таганрог потерял свое прежнее значение самого важного торгового пункта^[142]. Дубоссары славились сухопутной торговлей; по словам Пейсоннеля, отсюда вывозилось всяких сырых продуктов в конце XVIII века на 12 210 рублей^[143], а в 1805 году, по сообщению А. А. Скальковского, уже на 179 562, а привозилось на 1 163 979 рублей.^[144]

Делая общее заключение об экономическом росте городов Новороссийского края, мы должны сказать, что важную роль в этом случае играли льготы, предоставляемые правительством населению; это ясно видно на примере Одессы; размеры льгот были не везде одинаковы. Общее представление о них дает «открытый лист губернатора Хорвата 1795 года», обращенный к русским и иностранным поселенцам городов Екатеринославской и Вознесенской губерний. Он предоставляет десятилетнюю льготу от податей, свободное отправление богослужения и денежные ссуды^[145]. Такие же льготы были предоставлены и городам Очаковской области в 1803 году^[146]. Просматривая состав населения торговых городов Новороссии, мы замечаем в них значительное процветание иностранцев; эти иностранцы и составили торгово-промышленное ядро городского населения, давшее первый толчок заграничной торговле. Так было в Одессе; там мы находим греков, евреев, болгар, молдаван, поляков^[147]; вскоре господствующее положение в Одессе заняли греки;

существовавший здесь раньше для «российского купечества» магистрат заменен был «иностранным магистратом» и в выборах некоторое время участвовали одни иностранцы^[148]; громадное большинство одесского купечества первой и второй гильдий в 1800 году были иностранцы; видное место они занимают и среди торговцев третьей гильдии^[149]. И это понятно: с 1796 по 1800 год было принято в магистрат 135 душ купцов российской нации и 181 душ купцов, вышедших из разных заграничных мест^[150]. Мариуполь был обязан не только своим торговым значением, но и происхождением греческой колонизации, как это мы увидим при обозрении иностранной колонизации. Важную роль играли греки и в торговле внутреннего города Елисаветграда, где они составили особую общину. Таганрогская торговля, как мы видели, также была в руках греков, а она после одесской занимала первое место. Ясным доказательством того, что главным образом иностранцы создали торговлю наших новороссийских городов, может служить пример Ростова и Нахичевани: торговля процветала в конце XVIII века в одной только Нахичевани, обязанной своим происхождением предприимчивым, обладавшим промышленным духом армянам.

Кроме двух названных нами причин экономического развития новороссийских городов, следует указать еще на несколько других не менее важных, таковы: существование в окружности более или менее значительных и многолюдных земледельческих поселений, удобства географического положения и сравнительная безопасность выбранных под города местностей; раз все это не принималось во внимание, тогда и огромные затраты, как это было с постройкой Вознесенска, не приводили ни к чему.

Кроме постройки укрепленных линий и городов, колонизационная деятельность русского государства и народа выражалась еще в основании целого ряда различных селений: сел, деревень, слобод, местечек, хуторов. Жители их принадлежали частью к малорусской, а частью к великорусской народности (не считая иностранцев). Судя по тому, что в настоящее время малорусы составляют преобладающую группу населения, можно предполагать, что и в прежнее время они представляли из себя наиболее численную народность; и такое предположение оправдывается всеми известными нам историческими данными. В малороссийской колонизации нужно различать три элемента, которые, впрочем, постоянно смешивались друг с другом: запорожских поселенцев, выходцев из Заднепровской (Правобережной) Малороссии и переселенцев из левобережной и отчасти Слободской Украины. Что касается великорусских колонистов, то они приходили, убегали сюда или переводились из самих разнообразных местностей. Великорусские селения были перемешаны с малорусскими; иногда (и даже очень часто) в одном и том же селении жили представители обеих народностей; так было и в казенных, и во владельческих

поселках. В виду всего этого мы находим неудобным обозревать малорусскую колонизацию отдельно от великорусской, а установим деление по другому (не этнографическому, а социальному) принципу. Все земли, предназначавшиеся для населения, делились на две части: казенные или государственные и частные или помещичьи. Сообразно с этим и все русское население Новороссийского края может быть разделено на две большие группы: 1) свободных поселян, живших в государственных слободах и деревнях, или вообще на государственных землях; они принадлежали частью к великорусской, частью к малорусской народности; одни из них добровольно, по собственному желанию или по вызову правительства, явились в Новороссию, другие были переведены сюда правительством, третьи, наконец, убежали от своих господ; 2) владельческих, помещичьих крестьян великорусского и малорусского происхождения, сажившихся на землях частных лиц и вступавших к ним в известные зависимые отношения.

В последнее время своего исторического существования Запорожье, как мы видели, переходило мало-помалу к оседлому земледельческому быту; в пределах его возникло значительное количество сел, деревень и хуторов. Эта мирная колонизационная деятельность запорожских казаков и их «пидданных» продолжается и после политической смерти Сечи и представляет весьма заметное явление в общем ходе вольной народной колонизации бывших запорожских «палестин». Несмотря на то, что правительство далеко не оказывало ей такого содействия, как иностранцам и многим великорусским поселенцам, немаловажную роль в этом случае играло то обстоятельство, что к запорожцам в момент уничтожения их политической самостоятельности относилась подозрительно и центральная власть, и многие местные деятели. После уничтожения Сечи вся ее войсковая и старшинская казна была конфискована и из нее образован так называемый городской капитал (более 120 тысяч рублей) для выдачи ссуд жителям Новороссийской губернии^[151]; так и после смерти своей Запорожье оставило наследство, служившее для тех же целей колонизации, которые некогда преследовало и само «товариство». Еще важнее было другое наследие, оставленное покойным Запорожьем, – это его «обширные» и богатые «Палестины», которые опять-таки, подобно денежной казне, достались, как увидим далее, другим... Очень вероятно, что запорожцы могли бы заселить сами значительную часть своих «вольностей», если бы они не были отданы помещикам и иностранным выходцам. Впрочем, факты живой действительности взяли свое, побороли предубеждение против запорожской колонизации: и мы видим, что лица, хорошо знакомые с местными условиями жизни (вроде, например, Черткова), после 1775 года начинают покровительствовать устройству запорожских поселков. Да и могли ли они поступать иначе, когда эта вольная народная колонизация оказывалась наиболее действительной и не стоила

правительству почти ничего, между тем как иностранцам, например, приходилось выдавать огромные ссуды? Если мы обратимся к наиболее значительным селениям нынешней Екатеринославской губернии, то увидим, что многие из них представляли некогда «старожитные» казацкие займища, зимовники, хутора; тут в землянках и мазанках бессменно проживали женатые казаки со своими семействами, челядью, наймитами, хлопцами и малюками. «Ловкий и аккуратный запорожец Горленко, – говорит преосвященный Феодосий, – произведенный Чертковым в волководского комиссара Горленского, согласно видам и желаниям Черткова, при содействии преданных ему запорожцев, скоро основывал на казацких зимовниках слободы и заселял их народом семейным и оседлым... Незабвенный в летописях Запорожья, доселе живущий в памяти народной под именем «дикого попа» лейб-кампании священник отец Кирилл Тарловский – друг и благодетель человечества, ближайшее и самое доверенное лицо Черткова, при содействии иеромонахов Самарского монастыря, оживил и заселил степи орельские и терновские; в короткое время он основал 24 слободы и устроил в них 12 церквей с шпиталями и школами при них»^[152]. Вообще, малороссийские слободы в большинстве случаев были обязаны своим происхождением энергии и колонизаторской деятельности отдельных лиц, так называемых осадчих. Вот как, например, основалась государственная слобода Вязовок. В 1775 году азовский губернатор Чертков пожелал основать слободу Вязовок; межевая экспедиция отвела землю, а «вахмистр Вас[илий] Мураев сам вызвался быть осадчим слободы Вязовка, населителем, колонизатором и организатором ее. Для успеха в этом деле, получив лейб-кампании священника отца Кирилла Тарловского благословение и денежную помощь, осадчий Мураев поручил Мих[аилу] Белостоцкому, в указанных и намеченных местах, строить в слободе землянки и хаты-мазанки, а сам отправился во все стороны в места дозволенные стачивать народ семейный, приглашать его на оседлую жизнь в новую государственную слободу Вязовок. Богатые, роскошные и плодородные степи самарские вполне отвечали стремлению народному, и весною 1776 года явилось в слободу Вязовок значительное количество насельников – людей семейных и оседлых, из народа вольного и свободного. Осадчий Мураев назначен уже был смотрителем слободы Вязовка, а житель Вязовка Радченко был атаманом общества»^[153]. Наиболее выдающеюся личностью в этом деле является запорожский полковник Афанасий Федорович Колпак^[154]; его «хлопец и малец» Сергей Лот в зимовнике его осадил 50 дворов казаков и основанную таким образом слободу назвал в честь своего «татуса» Колпаковкой^[155]. Любопытный пример обращения запорожского селища в слободу представляет Гродовка (в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии). «В обширнейших, роскошных и богатых степях между Торцом и Солоненькою, – говорит преосвященный Феодосий, – часто проживали запорожцы и грели

животы свои... По уничтожении в 1775 году последней Сечи запорожской, жившие в балке Холодной запорожцы, согласно видам и желанию азовского губернатора Черткова, со всех сторон начали стягивать к себе на жительство семейный 1788 году в государственной слободе Гродовке постоянных жителей поселян малороссийской нации было обоего пола свыше 800 душ.^[156] А. Пишчевич (который вообще относится к запорожцам очень враждебно) передает, что из запорожских хуторов возникли местечки Глинск, Крылов, Табурище, Крюковск, и только жалеет при этом, что по именам «этих разбойников» были названы иногда населенные местности^[157].

В основанные бывшими запорожцами селения приходило много народа из Гетманщины; это были по большей части родственники и свойственники бывших запорожцев; для холостых поселенцев в городе Алешках отыскивались жены в Малороссии^[158]. Иногда выходцы из Гетманщины основывали самостоятельные селения в пределах бывшего Запорожья; таково, например, происхождение слободы Пологов, основанной выходцами из Переяславского уезда Полтавской губернии^[159]. Об успешности этой колонизации может свидетельствовать следующий факт. В 1810 году поселянин села Петровки (Александровского уезда) Павел Треска вызвал из Малороссии 119 душ переселенцев и ему отведено было в Херсонском уезде 23 тысячи десятин земли; в качестве осадчего он продолжал действовать так удачно, что в 1814 году в этом Новопавловском селе числилось уже 1448 душ обоего пола и «множество земледельческих обзаведений»^[160]. О размерах колонизационного движения из Левобережной Украины (собственно Черниговщины) свидетельствуют следующие факты: в одном Херсонском уезде выходцами из Черниговщины было основано частично или целиком 32 селения^[161]. Одни из этих переселенцев (бывшие казаки) пользовались правом вольного перехода и потому на законном основании переселялись в Новороссию; другие же (бывшие посполитые) лишились этого права в 1783 году и потому должны были убегать от своих владельцев, то же самое нужно сказать и о Слободской Украине; здесь они надеялись получить свободу, и само правительство, как увидим далее, не пренебрегало беглыми. Правитель Екатеринославского наместничества Синельников предлагал даже купить у харьковских и воронежских помещиков подданных черкас (малороссиян) и поселить их в Новороссии. Купить их можно было бы, по его словам, недорого (по 40 или 50 рублей), а поселение их на новых местах не стоило бы почти ничего, потому что они охотно обратились бы из подданных в казенных крестьян^[162]; другими словами, он проектировал для них на новом месте свободу от крепостной зависимости.

Громадное число переселенцев-малороссиян доставила также и заднепровская Украина, бывшая тогда под властью Польши; некоторая часть их селилась в запорожских деревнях, другая – в малороссийских,

третья – в помещичьих. В недавно изданных материалах для истории Запорожья А. А. Андреевского мы находим целую серию документов, служащих в разъяснении этого дела. Нынешний Елисаветградский уезд Херсонской губернии с раннего времени стал заселяться выходцами из Польши, отчасти Гетманщины и Запорожья. На самой границе с Польшей, при впадении реки Тарговицы в Синюху, был основан Архангельский городок (ныне Новоархангельск), население которого возрастало, главным образом, от прилива малороссийских выходцев из Польши. Киевскому полковнику Танскому велено было возобновить и заселить села, лежавшие по русской стороне Синюхи и разрушенные татарами во время турецкой войны; в Цыбулев назначен был атаманом и осадчим казак Миргородского полка Леонтий Сагайдачный, а в Архангельск – тамошний пасечник Степан Таран; первый удачно повел свое дело и поселил у себя более 300 дворов (выходцев из Польши); второй же жил в лесу и никаких стараний к исполнению возложенного на него поручения не прилагал и потому был заменен казаком Миргородского полка Давидом Миргородским. Новый город, благодаря своему окраинному положению, испытывал (в особенности на первых порах) большие опасности; ближайшее селение Цыбулев находилось от него на расстоянии 70 верст; поляки сделали нападение на этот городок и взяли в плен нескольких жителей. Осадчий Звенигородский был схвачен на польской территории и казнен; такое же нападение было сделано и на село Давидовку. Для ограждения новых поселенцев правительство распорядилось устроить здесь укрепления и поставить караулы; это дело поручено было миргородскому полковнику Капнисту; в 1744 году в этой местности было уже поселено 13 слобод и в них 357 казацких и 563 посполитских двора; здесь, как и в других местах, важным двигателем колонизации были льготы, предоставляемые новым поселенцам^[163]. Под защитой укреплений и караулов дело заселения этого пограничья пошло очень успешно: в 1752 году там жило более 4 тысяч дворов малороссиян (старинных поселенцев и выходцев из Малороссии, слободских полков, Запорожья и Польши).^[164]

Таково было начало переселенческого движения из Заднепровья. В царствование императрицы Екатерины II оно продолжалось по-прежнему. Лица, стоявшие во главе колонизации (Каховский, Синельников), очень ценили этих заднепровских выходцев и даже посылали тайно своих комиссаров для вербовки населения в Новороссию. «Из Польши, – писал Каховский, – собирается поселян к нам много. Я послал отсюда внушить им, чтоб выбирались не торопясь и забирали бы с собою не только все свое имущество, но и дома. Если Всевышний поможет, то уповаю, что в донесениях моих о выходцах будут цифры не десятичные, но тысячные. Да поможет только Бог добраться в ту сторону». В другом письме тот же Каховский говорит: «Посылаемые мною в Польшу (т. е. Киевскую и Подольскую губернии) для вызова поселян доносят, да и ушедшие из-под стражи польские

поселяне утверждают, что генеральные комиссары и губернаторы (приказчики) в имениях владельцев, а присовокупясь к ним, и арендаторы имений строго принялись присечь выход желающих прийти к нам на поселение. Они перехватывают идущих и, ограбив их имущества, что ограбить можно, возвращают семейства на прежние их жилища, хозяев же сажают в тюрьмы и поступают с ними сурово. Дерзость сия... опечаливает меня крайнейше и чувствительнейше, поелику препятствует к скорому исполнению... заселить сей прекрасный и полезный край». Для избежания этих препятствий Каховский советовал устроить подвижный кордон^[165]. В Новороссийском крае чувствовался сильный недостаток в женском населении; поэтому сюда вербовали и девиц; одному еврею-вербовщику платилось по пять рублей за всякую девицу; офицеров награждали чинами (кто наберет на свой счет 80 душ, тому давали чин поручика^[166]; для удобства устраивали слободы у самой границы, чтобы легче было переводить сюда жителей Заднепровья)^[167]. Правитель Екатеринославского наместничества Синельников сам говорил, что он возбудил в малороссийском населении польских губерний стремление к переселению в Новороссийский край^[168].

Что касается великорусских колонистов, то это были казенные и экономические крестьяне, однодворцы, казаки, отставные солдаты, матросы, дьячки и раскольники. Из Ярославской, Костромской, Владимирской губерний вызывались казенные крестьяне, знающие какое-либо мастерство; так было в 1795 году, когда Зубов принимал всяческие меры для заселения созданной им Вознесенской губернии^[169]; в начале XIX века государственные слободы были уже довольно многочисленны и очень многолюдны. В 1814 году в Мелитопольской провинции Таврической губернии было, по вычислению профессора Дюгурова, 13 государственных деревень с 21 147 душами мужского пола, т. е. в среднем приходилось по 1 626 душ мужского пола на каждую^[170].

Значительная часть государственных слобод была населена так называемыми однодворцами, известными с давнего времени в украинских великорусских губерниях и составлявшими там особый разряд служилых людей; таково, например, происхождение слобод Богдановки и Терновки в Екатеринославской губернии^[171]. Отставным матросам и солдатам Каховский предполагал отвести земли по обоим берегам реки Буга до самого Николаева^[172]. Заштатных дьячков Потемкин проектировал селить в Новороссии, потому что они, по его мнению, могли быть в одно и то же время и земледельцами, и военными ландмилиционерами^[173]. По указу 1781 году велено было в Новороссию переселить до 20 тысяч экономических крестьян и выбрать из среды их до 24 тысяч добровольных переселенцев^[174]. Но едва ли не первое место между великорусскими переселенцами занимали раскольники. Они начали селиться в Новороссии еще в царствование

Анны Иоанновны (и даже раньше) в Херсонской губернии возле нынешних Ананьева и Новомиргорода. Здесь ими были основаны Цыбулев и Бешка (ныне Александрия) но число их было невелико. Гораздо больше явилось их в пятидесятых годах XVIII века, когда само правительство манифестами вызывало их из Польши и Молдавии. Им отведены были земли в крепости Святой Елисаветы (ныне Елисаветград) и ее окрестностях, где они основали целый ряд сел (Клинцы и другие); селения их были многолюдны и отличались зажиточностью; Потемкин также старался о переселении раскольников в Новороссию. В 1785 и 1786 годах явилась весьма значительная часть их и поселилась в Днепровском уезде Таврической губернии на реке Белозерке. Знаменским раскольникам, предполагавшим переселяться на реку Белозерку, решено было давать по 50 рублей на двор, состоявший из четырех человек, и пяти летнюю льготу от податей^[175]. В указе императрицы о раскольниках сказано следующее: «для поселения старообрядцев назначить места, лежащие между Днепром и Перекопом, с тем что они будут получать попов своих от архиерея Таврической области определенного, дозволяя всем им отправлять служение по старопечатным книгам. А дабы рассеянных вне границы империи нашей старообрядцев вызвать в Россию, можете публиковать сии свободы, им дозволенные»; лицам, вызывавшим раскольников, выдавалось известное вознаграждение^[176]. И этот указ не остался без результатов: в 1795 году из Порты Оттоманской вышло и поселилось в Очаковской области 6524 души старообрядцев^[177]. Кроме старообрядцев, мы находим в Новороссии еще и духоборцев; они были поселены по реке Молочной на основании манифеста императора Александра I 1802 года^[178]; им было отведено в полную собственность значительное количество земли, а, кроме того, за ничтожную плату предоставлены в аренду участки ногайских земель и дана пятилетняя льгота от податей; неудивительно, что духоборческие селения отличались зажиточностью; у них существовала общественная обработка земли с равным разделом продуктов. В 1814 году духоборческих селений в Мелитопольском уезде Таврической губернии было восемь с 1155 душами мужского пола^[179], т. е. в среднем по 144 души мужского пола на каждое; следовательно, они не были особенно многолюдны. Духоборцы на реке Молочной нашли себе тихое пристанище после тех испытаний, которые им пришлось вытерпеть раньше; одни из них побывали на работах в ссылке в крепости Динамюнде, а другие в Екатеринбурге и были возвращены оттуда только в 1801 году по милостивому указу императора Александра I^[180]. В двадцатых годах XIX века переселились в Новороссию молокане (из Тамбовской и Астраханской губерний) и основали здесь несколько селений, которые также отличались зажиточностью, благодаря, главным образом, единодушию, господствовавшему между населением. В тридцатых годах текущего

столетия всех раскольников в Новороссийском крае было около 36 тысяч обоего пола^[181].

Особую и чрезвычайно многочисленную группу среди колонистов составляли беглые, принадлежавшие и к великорусской, и к малорусской народности. Беглых принимали не одни помещики: они находили себе приют и в казенных селениях. Чтобы скорее заселить Новороссийский край, правительство, можно сказать, санкционировало здесь право убежища (*droit dasile*). Об этом свидетельствует, например, секретное письмо графа Зубова к екатеринославскому наместнику Хорвату, в нем, между прочим, говорится, что к беглым нужно иметь снисхождение по человечеству, «дабы строгостью законами повелеваемою не доводить их до отчаяния»... и чтобы, стараясь истребить побег, не подать некоторым образом к тому поводу, что если окажутся бродяги, то стараться их приписывать к городским и сельским обществам, смотря по их состоянию, чтобы они могли таким путем снискивать себе пропитание, но делать это нужно было скромным образом, под рукою и без всякой огласки. Результатом этого было то, что в число горожан попадали нередко разные подозрительные лица, объявлявшие за собой значительные капиталы, а на самом деле не могшие даже обзавестись домом и хозяйством. Так было в Екатеринославе. Магистрат города Екатеринослава, исполняя указы высшего начальства о приписке таких лиц в купечество, должен был выдавать им паспорта, с которыми они уже свободно бродили с одного места на другое, впадая иногда в преступление и нанося ущерб коренным жителям, потому что подати за них взыскиваются с наличных граждан^[182]. В числе одесских обывателей также оказалось немало беглых, которых разыскивали помещики^[183].

Но дело не ограничивалось одними беглыми: местное начальство не брезгало даже и преступниками: в 1792 году велено было переселить в очаковскую область жителей села Турбаев (Полтавской губернии), убивших своего помещика Базилевского^[184]. В Таганрог на поселение присылались арестанты из Московской, Казанской, Воронежской и Нижегородской губерний^[185].

Заканчивая обзор колонизации, которую, под наблюдением правительства, вели лично свободные русские поселенцы, мы должны сказать, что не всегда поселения, основываемые такими лицами, получали в необходимых размерах помощь от местной администрации. Все преимущества в этом отношении, как увидим далее, были на стороне иностранных колоний. По всей вероятности, в данном случае руководствовались тем соображением, что русские поселяне (в особенности местные), как более знакомые с местною культурою, менее нуждались в субсидии от казны. Но такое рассуждение было справедливо только наполовину: на самом деле и русские поселенцы, на первых порах, нуждались в разных льготах и субсидиях; не получая их, они долго не могли стать на собственные ноги и достигнуть

прочного материального благосостояния. Об этом свидетельствует нам очевидец, профессор Харьковского университета Дюгуров. По его словам, деревни, основанные по соседству с ногайцами, возле реки Молочной, пришедшими из Малороссии обывателями, находились в шатком положении. Главные причины их бедственного состояния заключались в том, что они прибыли почти без всяких средств на новые места, где им нужно было всем обзаводиться и в то же время уплачивать значительные подати, а между тем земли у них было мало^[186].

Это наблюдение привело Дюгурова к одному чрезвычайно важному и характерному выводу: он высказывает желание, чтобы русские колонии в Новороссийском крае пользовались таким же покровительством, как и иностранные. Русские колонисты, говорит он, правда, не приходят, подобно иностранцам, искать нового отечества и подвергаться иноземным узаконениям; но пересажанные с севера на юг или с одной провинции в другую (потому что им нельзя было уже оставаться в прежних местах), они, конечно, имели надобность в экстраординарной помощи. Я знаю, что они пользовались в течение двух или трех лет известными льготами. Но почему бы их не снабдить в виде аванса земледельческими орудиями, скотом и деньгами на постройку изб? Они бы все это, наверное, выплатили с не меньшей аккуратностью, чем итальянцы, немцы и евреи. Почему бы их не поставить под власть бюро иностранных колоний? Освобождение их на пять лет от власти капитан-исправников и от известных налогов (которые было бы долго перечислять) было бы для них большим благодеянием. В это время поселенцы могли бы поправить свои дела, затем уплачивать правительству умеренные налоги и погашать понемногу ежегодно ту маленькую ссуду, которую им выдали. Я не хочу сказать, чтобы управление колоний (и иностранных) было совершенное... но я убежден, что наши русские колонии чувствовали бы себя очень хорошо, если бы они были поставлены в зависимость от бюро иностранных колоний. В других местах исключительные законы создают злоупотребления, а в России, по большей части, являются гарантией против них^[187]. Трудно что-нибудь прибавить к этим прекрасным строкам иностранца (французского выходца), так хорошо понявшего нашу колониальную систему. Мы, со своей стороны, заметим только, что так иногда и поступало правительство с русскими подданными (например, с раскольниками); к сожалению, это только бывало иногда, а не всегда; обыкновенный же порядок был иной.

Теперь обратимся к владельческой, помещичьей колонизации, материалом для которой служили крепостные, подданные, беглые и т. п. Единственными обладателями обширных пространств Новороссийского края были некогда запорожцы. Но еще в эпоху самостоятельного существования Запорожья, как известно, значительная часть земель их была отдана под поселение сербам,

волохам и другим выходцам. Тщетно запорожцы жаловались, просили, протестовали, ссылались на свои права: их вековое достояние постепенно уплывало из их рук. Немедленно после разрушения Сечи (в 1775) их земли стали раздаваться частным лицам, принимавшим на себя обязательство заселить их вольными или крепостными людьми. Земли эти могли получать чиновники, штаб- и обер-офицеры, и иностранцы; исключались только однодворцы, крестьяне и помещичьи люди. Таким образом, искусственно создавалось крупное землевладение в том крае, который до сих пор почти не имел помещичьего и крепостного элемента; минимальным участком было 1,5 тысячи десятин удобной земли. Не считалось необходимым, чтобы лицо, берущее землю, находилось на службе в Новороссийском крае; предполагалось, вероятно, что оно может быть хорошим колонизатором, оставаясь в Великороссии или Малороссии. Условия получения земель были очень льготные: на десять лет давалась льгота от всех повинностей; в течение этого времени владельцы должны были заселить свои участки в таком расчете, чтобы на каждую 1,5 тысяч десятин приходилось по тринадцать дворов (цифра, как мы видим, небольшая); величина участков колебалась от 1,5 тысяч до 12 тысяч десятин; впрочем, были и такие лица (вроде генерал-прокурора Вяземского, Прозоровского), которые получили по несколько десятков тысяч десятин^[188]. С 1774 по 1784 год (в течение десяти лет) Новороссийской и Азовской губернскими канцеляриями было роздано помещикам и под казенные селения 4 470 302 десятины удобной и неудобной земли, на которых поселилось 53 511 душ мужского и 44 098 душ женского пола, т. е. в среднем на каждую мужскую душу приходилось более чем по 83 десятины^[189]. Мною напечатан найденный И. И. Манжура любопытный документ^[190], содержащий в себе перечень всех лиц, получивших поземельные участки в одном Екатеринославском уезде в 1776 году; из него оказывается, что 94 лицам было дано здесь около 400 тысяч десятин удобной и неудобной земли, т. е. в среднем четыре тысячи десятин на душу; даже регистратор Башнатов и архивариус Бурман получили по полторы тысячи десятин удобной земли; известный Фалеев получил под фабрику двенадцать тысяч десятин. Земли эти, по истечении десяти лет, могли обратиться в собственность этих лиц. Конечно, при таких условиях Новороссия должна была оказаться каким-то Эльдorado, золотым дном для всех этих секунд-майоров, регистраторов, архивариусов и т. п. Ничем не рискуя, можно было укрепить за собою участок прекрасной земли, лишь бы только там поселилось тринадцать дворов. Все заботы, следовательно, должны были быть направлены на водворение поселенцев; но и это дело не представляло особых трудностей; не нужно было придумывать ничего нового; следовало только пустить в ход старинное изведенное средство – закликанье на слободы – и дело сделано! На первых порах необходимо было

предоставить самые большие льготы новым поселенцам, но зато в недалеком будущем улыбалась возможность владеть не только землею, но и людьми^[191].

Очевидно, Потемкин и другие деятели не только не могли отрешиться от крепостнических взглядов, но даже привносили их в новый край и насаждали в нем семена крепостного права, которые потом и принесли свой плод. Они построили свой план колонизации на том же принципе, который был господствующим и в жизни центральных областей государства. Этот принцип (крепостного труда) при Екатерине II был нормально водворен в социальной жизни малороссийского края; Потемкин и другие деятели распространили его и на Новороссию, и первым шагом их в этом деле было уничтожение Запорожья, которое, по своему строю, находилось с ним в непримиримом противоречии. Дальнейшим шагом была раздача крупных земельных участков, которая создала в новом крае сначала землевладельческое дворянство, а потом и крепостное состояние. Насколько прочно утвердились подобные взгляды в умах тогдашних деятелей, видно из того, что эту систему стали применять и при заселении вновь приобретенной от Турции Очаковской области. Сохранилась любопытная ведомость земель этой области, которой предположено было отвести под поселения городов, казенных селений и помещичьих деревень; из этой ведомости оказывается, что и тут лица привилегированного состояния получали не менее как по полторы тысячи десятин удобной земли. Во всех четырех уездах было отведено 2 167 800 десятин удобной земли, а именно под новые города (Новые Дубоссары, Григориополь, Хаджибей) с 15 казенными селениями 113 500 десятин, под существующие ныне 38 казенных селений 342 500 десятин, оставлено под новые имеющие основаться казенные селения 89 000 десятин, роздано помещикам 624 600 десятин, назначено им же 414 тысяч десятин, оставлено для них же 584 200 десятин; итого казенным поселенцам и горожанам было дано 545 тысяч десятин, а помещикам 1 634 800 десятин, т. е. первым втрое меньше, чем вторым^[192]. По данным Генерального межевания оказывается, что частным владельцам (чиновникам военного или гражданского ведомства) в Александрийском уезде Херсонской губернии (359 человек) было отведено больше земель, чем казенным обывателям и горожанам. На долю каждого из них приходилось в среднем по тысяче десятин. Между тем жителей у них было гораздо меньше, чем на казенных^[193]. Лучшие дачи Каховский должен был раздавать сильным мира сего, которые могли иметь влияние на его служебную карьеру. «Сколь скоро землемеры, – писал он известному Попову, – снимающие здешней области карту, соберутся в Дубоссары, то выберу и назначу я по предписанию Вашего превосходительства лучшую дачу для его светлости графа Н. И. (Салтыкова, президента Военной коллегии) и в заселении ее потщусь оказать все зависящее от меня пособие»; «самые

лучшие дачи, – пишет он в другом письме, – берут господ Мордвинов и Рибас да самовольно завладел обер-комендант херсонский, очаковский, кинбурнский и николаевский граф Витт (так он подписывается на подорожных); я всем подлаживаю; последний, однако, чудно творит»^[194]. Конечно, это обстоятельство (подлаживание) иногда могло вредить успешному заселению края; так, Каховский считал необходимым занять всю новую западную границу (днепровское побережье) исключительно казенными селениями; «из сих поселян, – писал он Попову, – можно будет устроить военную цепь в свое время и при селениях построить небольшие редуты... Буде же сии селения поступать в отдачу помещикам, то все они разбредутся». И что же? Он не осмеливается привести в исполнение этого полезного предприятия, потому что граф А. А. Безбородко дал записку об отводе ему земель, служивших местожительством черноморцев (до перехода их на Кубань); и вот, он просит Попова уладить это деликатное дело, обещает отвести Безбородко дачи, которые мало в чем уступят прежним и будут иметь даже преимущество в одном отношении перед ними: не занимая пограничного положения, они будут безопасны от неприятеля и в них легче будет удерживать население от побегов^[195]. Раздача лучших земель, и при том громадными участками, должна была невыгодно отражаться на вольной народной колонизации. Стародубские раскольники, вызванные князем Потемкиным, в количестве 60 семей заняли себе место ниже Большой Знаменки; а затем, перезимовав и испытав массу трудностей, они стали уже распахивать свои земли, но должны были уйти отсюда, потому что земля эта была отведена князю Вяземскому. На новом месте они также не удержались, потому что песчаные пространства (кучугуры) преградили доступ им на пахотные поля^[196].

Видное место среди поселенцев помещичьих земель занимали беглые; те из них, которые нанимали хаты у помещиков и обрабатывали им землю за десятую часть урожая, назывались десятинщиками^[197]; в помещичьих крестьян обратились многие из бывших «подданных» или «челяди» Запорожского войска, а также выходцы из Заднепровской Украины^[198]. Кроме того, помещики переводили в Новороссию на свои земли крепостных крестьян из Центральной России.

Насколько же успешно шло заселение всеми этими людьми помещичьих земель? Оправдались ли надежды правительства на быстрое заселение этих земель? Документальные данные заставляют нас дать отрицательный ответ на этот вопрос. В одном Екатеринославском уезде оказалось совсем незаселенных после первой раздачи 182 836,5 десятины удобной и 6 024 десятин неудобной земли у 64 владельцев^[199]. А о том, как шло заселение помещичьих земель в Очаковской области, свидетельствует официальный документ, помещенный в Полном собрании законов Российской империи. До

сведения правительства дошло, что земли между Бугом и Днестром, которые были розданы для заселения разным владельцам, не были заселены, а остались пустыми. По этому поводу министрам финансов и внутренних дел поручено было предоставить свои соображения. Из собранных ими сведений оказалось следующее. Всех удобных земель роздано было чиновникам до 824 374 десятин; на всем этом пространстве в течение двенадцати лет поселено помещичьих крестьян не более 6740 душ. Другие участки до 12 тысяч десятин удобной земли оставлены без всякого заселения, другие же до 18 тысяч десятин имеют не более 30 душ. Таким образом, обязательства о заселении остаются невыполненными; помещики вследствие этого не получают должных выгод и край, вопреки предположениям 1792 года, остается малонаселенным, и даже способы к будущему заселению встречают существенные затруднения.

Ввиду всего этого министры предложили, а государь утвердил следующие меры: предоставить еще четырехлетний срок (кроме прежнего двенадцатилетнего) для заселения земель (в пропорции по тридцать десятин на мужскую душу); принимать как иностранных, так и русских поселенцев (вольных и крепостных), за исключением только беглых; кто поселит меньше положенного числа, у того отрезывать только излишек земли; незаселенные земли владельцы должны или отдавать в казну с уплатою в пользу их по 80 копеек за десятину, или продавать другому кому-либо, кто пожелает принять на себя прежнее обязательство; земли, отошедшие в казну, могут быть розданы колонистам, казенным крестьянам или частным лицам на какие-нибудь полезные заведения, с уплатой за них по 80 копеек за десятину; владельческие земли, на которых хотя и не было населения, но зато было заведено скотоводство, не должны были отходить в казну^[200]. Таким образом, помещикам, не исполнившим своих обязательств, правительство предоставило новые льготы настоящим указом; на такую благосклонность они едва ли были вправе даже рассчитывать. «Князь Вяземский, граф Салтыков, Безбородко, Завадовский, Остерман, Якоби, Грибовский, Рибас и многие другие своих земель не заселили, а впоследствии продали... Грибовский село Ташино, населенное переселенцами-молдаванами, не устрасился продать, как крепостное, одесскому таможенному чиновнику»^[201]. Других постигали неудачи; так было с двумя французскими графами, Шуазелем и Клермонтерой, бежавшими после революции в Россию и занявшими себе землю по обе стороны балки Лепатихи^[202]. Иные брали земли просто для того, чтобы потом продать их^[203]. В XIX веке размеры пожалований уже несколько сократились, хотя все-таки были еще довольно значительны; в 1803 году велено было штаб-офицерам отводить по тысяче, а обер-офицерам по пятьсот десятин земли^[204] в Новороссийском крае. Число жителей здесь в это время было уже довольно значительно: в Екатеринославской губернии 666 163 человека, т. е. около 444 человек

на кв. милю, и в Херсонской – 370 430 человек, т. е. по 264 души на кв. милю^[205]. К сожалению, мы не имеем точных сведений о количестве всех помещичьих крестьян и об отношении его к общей цифре населения. У А. А. Скальковского мы находим, впрочем, одну любопытную статистическую ведомость: в десяти уездах Новороссийской губернии (исключая два крымских) было в 1800 году 179 883 души мужского и 156 013 душ женского пола крепостных крестьян^[206] (335 896 душ обоего пола), к концу первой четверти XIX века число их еще более увеличилось и составило еще более видный процент в общей цифре населения края. Сюда нужно присоединить еще некоторое количество монастырских крестьян, появление которых находится в тесной связи с монастырскою колонизацией. В 1794 году монастырских крестьян в Екатеринославской епархии было 4215 душ мужского и 4215 душ женского пола^[207], (ошибка, в источнике только мужского пола. – *Примеч. ред.*) Первое место между всеми монастырями занимал знаменитый Самарский^[208], начало которого относится еще к запорожским временам. За ним числилось 1512 душ крестьян обоего пола и множество всяких угодий.

Такова была русская колонизация в пределах Новороссийского края в XVIII и первой четверти XIX века.

Глава IV

Иностранная колонизация в XVIII и первой четверти XIX века

Сербская колонизация в царствование Елизаветы Петровны; ее ход, деятели и общая оценка. Вызов иностранных колонистов в царствование Екатерины II. Манифест императора Александра I. Славянская колонизация в царствование Екатерины II, Павла и Александра I. Немецкая колонизация в те же царствования, – меннонитов и других немецких выходцев; судьба шведской колонии. Появление некоторых представителей романского племени. Переселение греков. Выход армян. Переход молдаван. Переселение евреев и основание еврейских земледельческих колоний. Цыгане. Общие соображения

Колонизация Новороссии отличается одною характерною особенностью: в ней чрезвычайно важную роль играют иностранные колонисты. Лица, стоявшие во главе местного управления (Потемкин, Зубов, Ришелье), стремились к быстрому заселению этого пустынного края и употребляли для достижения своей цели всевозможные средства. Понятное дело, что они не могли не остановиться на мысли

вызывать различными льготами иностранных поселенцев. Россия в то время не обладала большим излишком населения; при естественном движении одного русского населения к югу, колонизационный процесс значительно бы замедлился. С другой стороны, можно было надеяться, что иностранцы внесут в новый край более высокую, современную культуру, материальную и умственную, и благотворно воздействуют на туземное и пришлое население. Таковы были важнейшие мотивы для поощрения иноземной колонизации. Политические обстоятельства Европы и России в то время нисколько не препятствовали, но даже способствовали такой эмиграции европейцев в пределы Южной России. Началась эта колонизация по инициативе правительства, которое вызывало колонистов и заботилось об их устройстве. Но внутренние черты этого устройства определялись, не только указами правительства, но и их бытовыми нормами, выработанными на прежних местах жительства; в этом отношении иностранным поселенцам была предоставлена почти полная свобода, гарантированная при том им призывными грамотами, т. е. как бы своего рода формальными условиями. Этому общему положению не может противоречить то обстоятельство, что многие переселенцы, под влиянием новых жизненных условий, изменили кое в чем прежний склад жизни, а некоторые (славяне) обрусели и потеряли свои этнографические особенности. Вызов иностранных (а именно славянских) колонистов в Южную Русь начался еще со времени Петра Великого; в царствование Елизаветы Петровны это переселение приняло большие размеры; во главе переселенцев стояли полковник Хорват (явившийся раньше всех), Шевич и Прерадович; они основали две провинции: Новосербию (в северной части Херсонской губернии) и Славяносербию (в северо-восточной части Екатеринославской губернии). Впрочем, нужно сказать, что в провинциях этих жили далеко не одни только сербы, черногорцы и кроаты (хорваты. – *Примеч. ред.*), а и молдаване, болгары, великороссы-старообрядцы, малороссияне, поляки, входившие в состав гусарских и пикинерных полков и состоявшие под начальством вышеназванных командиров^[209].

Центральными пунктами новых провинций были Новомиргород и крепость святой Елисаветы в Новосербии, Бахмут и Белевская крепость в Славяносербии. Это были военноеземедедельческие поселения, делившиеся на полки, роты, селения и шанцы; число собственно сербов было невелико: в 1770 году их было всего около тысячи человек, т. е. менее 1/25 общего числа населения двух провинций. Какие же льготы были предоставлены Хорвату и всем славянским выходцам? Ясное понятие об этом дает жалованная грамота Хорвату 1752 года.

Новым поселенцам отводятся в вечное и потомственное владение удобные земли и, кроме того, дается денежное жалованье, и предоставляются беспошлинные промыслы и торговля; не говорим о других, менее важных льготах и преимуществах. Хорвату было

позволено, между прочим, построить для защиты границ крепость святой Елисаветы; но постройкой крепости для сербов занимались малороссийские казаки и регулярные войска^[210], которые несли также здесь и пограничную службу. Уже из этих фактов видно, что льготы славянским поселенцам были очень велики, а число их было весьма незначительно. Но если мы от официальных документальных данных обратимся к частным свидетельствам и заглянем в закулисную сторону дела, то увидим в истинном свете этих переселенцев и узнаем настоящие мотивы переселения. Послушаем, что нам расскажет об этом Симеон Степанович Пищевич, сам сербский выходец и колонизатор Новороссийского края. Мотивом к выходу в Россию послужило для Пищевича желание видеть свет и свое счастье далее пробовать^[211]; важную роль играло и то обстоятельство, что его, как и других, немедленно произвели в следующий чин. Иными руководил исключительно материальный расчет. Хорват нарочно выехал раньше других, чтобы получить, в качестве инициатора эмиграции, побольше выгод (и он достиг своей цели). Иные, наконец, не останавливались даже перед обманом; таков был, например, черногорский воевода Василий Петрович. Это был, по словам Пищевича, один из тех авантюристов, которые часто наезжали в Россию за милостыней и искали случая обогатиться. Он выдал себя за полновластного владыку в Черногории, и в проекте, поданном в сенат, объявил, что если будут отпущены на путевые расходы деньги, то он приведет из Черной Горы несколько тысяч переселенцев. Проект был принят в сенате и подтвержден. Владыка поехал к себе в Черногорию, но и там успеха не имел: большинство упрекало его за данные обещания; смущенный неудачей, он начал приглашать своих свойственников и некоторых вдовых попов, позволяя им обрить бороды, производя их в офицерские чины и награждая деньгами, а глав оппозиции привлекая на свою сторону обещаниями генеральских чинов; но, несмотря на все эти средства, черногорцев отправилось мало, а под видом их поехали те представители разных национальностей, среди которых были настоящие разбойники, которых и провести в России было нелегко, так как они и на пути буйствовали и пьянствовали. Лица, присланные Пищевичу из Триеста, «были все воры наголо и пьяницы прегорькие, наволочь то такая была, что хуже сыскать нигде не можно; между ними были оружейные лесовые настоящие разбойники и где только чего на ночлегах и проездом чрез жилища и в корчмах захватят и сорвать могут, то уже было их». Спрашивается, могли ли быть хорошими колонизаторами такие переселенцы? Допустить, что подобные лица представляли исключительное явление, едва ли возможно, потому что о буйствах сербов и в пределах России мы найдем многочисленные факты в документах; о них же свидетельствуете и сам Пищевич. В полк Пищевича, например, набирались по большей части дезертиры, с которыми ему было очень

трудно управляться: «все было строптиво, развращено, пьяно и всякий день происходили между ними и обывателями драки и ссоры и такое-то сборище людей было, которое по несколько раз из одного государства в другое переходили и служили, и потом уходили, а напоследок в Россию и ко мне в команду. Так как их нечем было продовольствовать, – продолжает далее Пишчевич, – то я должен был брать все необходимое от обывателей, хотя и с обещанием платы, но не без притеснений для них. Между тем среди команды были постоянные ссоры, драки; нередко пускались в ход ножи: в таких случаях поселяне со страху разбегались из своих жилищ, а другие запирались в своих домах»^[212]. И это понятно: покинув старую родину, они не успели еще установить органической связи с новой. В полном соответствии со всем этим были и внутренние порядки или, правильнее говоря, беспорядки, которые господствовали в гусарских полках в России; их чрезвычайно рельефно изображает в своих записках С. Пишчевич^[213]. Соглашаемся, что среди поселенцев могли быть люди честные и небуйные. Но насколько они были подготовлены к своим новым обязанностям? Им нужно было приспособляться к новым условиям жизни, и это требовало с их стороны немало труда и усилий. Им предстояло в одно и то же время быть и воинами, какими большинство их было и раньше, и земледельцами: они должны были распахать пожалованным им земли, завести хозяйство, построить дома, деревни и т. п. Насколько хорошо они несли пограничную службу, мы, к сожалению, сказать не можем; заметим только, что едва ли в этом отношении они могли равняться с казаками, изучившими степь и нравы ее обитателей – татар. Мы не говорим уже о том, что с пятидесятых годов XVIII века пограничная служба сделалась уже далеко не такой трудной, какою она была в первой половине XVIII, а в особенности в XVII веке. Еще труднее было сербским гусарам завести на новых местах жительства селения и нивы. Положение их на первых порах было очень и очень затруднительное. Любопытные данные в этом отношении сообщает Пишчевич. Выехали мы, говорит он, на чистую и глухую степь (возле которой был, впрочем, и лес) и тут-то восчувствовали все, а особенно те, которые начали селиться по Лугани, что значит нужда и жизнь, исполненная лишений: негде преклониться; не знаешь, за что браться, с чего начинать; в особенности плохо приходилось тем, которые, подобно мне, никогда раньше не занимались хозяйством. Сначала я жил с семьей в небольшой палатке, потом с четырьмя слугами устроил себе из хвороста сарай, покрывши его травой и по возможности укрепивши на случай бури. Но вдруг ночью пошел сильный дождь, от которого крыша начала протекать, и вода ручьем полилась внутрь. Я с женою и маленькими детьми промокли так, как будто бы в воде выкупались. Между тем буря усилилась еще больше. Кровлю мою совсем повалило, и я едва успел выскочить оттуда с женою и детьми, а моя резиденция упала, и мы все остались под открытым небом в бурю и дождь, не имея

где преклонить главы. Шалаши моих слуг также опрокидывала буря, но они прибежали на помощь ко мне и стали разбивать мне палатку; однако, пока они это успели сделать, мы промокли и продрогли едва не до смерти; наше платье и постель остались в рухнувшем сарае и там страшно намокли, а мы должны были провести всю ночь без одежды, плача и проклиная свою участь. Поутру, как прошла буря, взошло и пригрело солнышко, вышли мы из палатки, и я велел развести большой огонь, чтобы просушиться; посмотрел я тут на свою бывшую резиденцию, и досадно мне стало за двойной убыток, причиненный бурей, первое за потерю жилья, а второе за потерю постели и разной утвари. Разобрав упавший сарайчик и велевши купить несколько необходимых инструментов и нарубить леса, я принялся за постройку нового, более крепкого сарайчика, а также землянки с покоями и небольшою кухонькою с чуланчиком, где рассчитывал провести зиму. К счастью нашелся добрый человек, однодворец из слободы Новой Айдары, который единственный осмелился к нам приехать (остальные по дикости боялись это делать) и продал мне на снос дом, обещая перевезти его на своих подводах. Домик действительно перевезли; я его покрыл очеретом; остановка была только за печью и окнами; и они впоследствии были устроены. Землянка же служила мне для слуг и караульных. «У всех нас поселенцев (привожу рассказ Пишчевича собственными его словами) вообще на той пустыне была тогда в первое лето жизнь точно такая, как у тех инзуланов, кои по несчастным разбитием кораблей занесены морскими волнами на пустые острова и пытались зелием, кореньем, ловлею рыбы, птиц и зверей, так то и мы тогда, что вышли на пустую степь и землю такую, где от созданыя света никаких жилищ не было, а достать нигде ни за какие деньги ничего не можно, а кто чего иметь хотел, тот должен был за несколько дней посылать далеко и изыскивать, и покупать дорогою ценою. Огородов и зелены какой на пищу первой год ни у ково не было и покудова тем завелось, должны были диким чесноком, луком (род травы такой на полях есть) и другою травю, способною к варению, пособлять себя, а простой народ только одними сухарями и такою дикою травю и водою да овощ, когда кто чего на полях ягоды или что другое найдет, питались, а более ничего не имели; я многих видел сперва в жалостном состоянии, а особливо те, кто по Луганы реки селились, те претерпели нужду более, нежели другие, ибо по той реке лесу ничего нет, а чистая и голая степь, для чего в постройке домов видели нужду велику и за лесом ездить далеко принуждены были. Напитков у всех вообще и болшаго и малаго никаких не было кроме воды, а естли у кого простая горелка случится, ето уж трактament велик почитался (делалы опосля квас из сухарей да из диких яблок и терновых ягод кислую воду). Ездил я иногда наведоватца и к другим соседям своим и смотрел, каково они строятца и чем заводят себя, но везде находил плач и рыдание; у кого еще денги водились, тот, хотя с

нуждою потребное доставал и далеко посылал и дорого платил, однако еще тем мог пособить себя. А кто запасных денег не имел, а толко полагался на одно окладное жалованье (а рацийев и порцийев уже не было), тот в превеликой бедности состоял, ибо то жалованье на мундир и на другую к службе исправность как расчислить, то и не оставалось ничево на другую свою к поселению надобность, а особливо у каво семья и в доме много душ было, тот с тем жалованьем никогда на конец не мог выходить и тако естли один другому не пособит и у ково что есть хоть мало что запаснаго не даст взаем или по свойству не подарует, то тот не имущий доходыл до крайности»^[214]. Пишчевич чистосердечно говорит о себе, что только нужда научила его хозяйничать^[215]. И нужно думать, что таких, как он, было немало; не забудем, что он, в качестве офицера, находился в привилегированном состоянии; каково же было положение простых рядовых солдат? Нет никакого сомнения в том, что они пришли в Россию без всяких средств, и понятно, как трудно было им в одно и то же время и обзаводиться хозяйством на новом месте, и исполнять воинскую службу.

Делая общую оценку сербской колонизации, мы должны сознаться, что она не оправдала тех надежд, которые на нее возлагали. Императрица Екатерина II в своем указе 18 июня 1763 года официально засвидетельствовала о неудовлетворительном состоянии Новосербии, заселенной Хорватом^[216]; «успеху дела немало вредил беспокойный характер этого последнего; он постоянно ссорился и с другими выходцами, и с духовенством»^[217]. В течение десяти лет (с 1752 по 1762) было истрачено на сербскую колонизацию до 700 тысяч рублей^[218] (по нынешнему курсу более 2,5 млн рублей). Настоящих сербов при том у Хорвата, Шевича и Депрерадовича было немного; видное место среди поселенцев Новосербии и Славяносербии занимали молдаване, болгары и т. п. Этим можно объяснить быстрое обрусение или, правильнее говоря, омалорусивание этих славянских выходцев. Академик Гюльденштедт говорит, что волохи и молдаване, обитавшие в пределах Новосербии, по образу жизни совсем подходят к малороссам: у них такие же жилища, такая же одежда, как у малороссиян; для работ земледельческих употребляют не лошадей, а быков, не сохи, а плуги^[219]. Из описания Елисаветградской провинции, составленного тем же Гюльденштедтом, видно, что состав населения ее в 1773–1774 годах был самый разнообразный: греки, сербы, болгары, молдаване и волохи, малороссияне – гетманцы и запорожцы, великорусы – раскольники и православные, выходцы из Польши в беглые из Центральной России; солдаты и т. п.; в одном и том же селении жили представители различных народностей. Значительная часть селений, бывших в его время шанцами и ротами, возникла еще до образования Новосербии и была обязана своим происхождением малорусской колонизации; такова была крепость Табурище, шанц Крылов (Новогеоргиевск), Нестеровка, монастырь Уховка, шанц Новомиргородский (прежде Трейсачи) –

важнейшее после Елисаветграда поселение; Петроостровский и Архангелогородский шанцы и другие. Большая часть этих пунктов в это время представляла собой еще военные поселения; 1 421 000 десятин земли было разделено на 70 округов, из коих 52 предназначено для военных селений, 2 для городов и 16 для иностранных колонистов, русских выходцев из Польши и старых обитателей края; каждый округ делится на 25 жребиев, каждый жребий на 24 участка, а каждый участок содержал от 26 до 30 десятин земли. Греки и раскольники дали толчок к развитию в некоторых местах торговой, промышленной и ремесленной деятельности (например, в Елисаветграде, где была греческая община, а раскольники составляли половину всех жителей)^[220]. После всего сказанного нам сделалось ясно, что Новосербия была только отчасти заселена сербами, которые, очутившись среди других родственных народностей, быстро потеряли свою национальность. Этому, конечно, больше всего способствовали браки: большая часть этих выходцев являлась без семейств и женилась на малороссиянках; то же самое нужно сказать и относительно Славяносербии.

С воцарением императрицы Екатерины II открывается новая эра в истории иностранной колонизации Новороссийского края. Она издала два: манифеста в 1762 и 1763 годах, из которых первый отличался слишком общим характером и потому практических результатов не имел^[221]; это побудило императрицу издать второй манифест, в котором заключаются уже совершенно определенные обещания разных льгот и преимуществ. «Мы, ведая пространство земель нашей империи, – так начинается свой манифест императрица, – между прочим, усматриваем нам выгоднейшее к заселению и обитанию рода человеческого полезнейших мест, до сего еще праздно остающихся, не малое число, из которых многие в недрах своих скрывают неисчерпаемое богатство разных металлов; а как лесов, рек, озер и к коммерции подлежащих морей довольно, то и к размножению многих мануфактур, фабрик и прочих заводов способность великая». Таким образом, государыня призывала иностранцев, главным образом, для развития наших промыслов и торговли. Важнейшие льготы, предоставленные новым поселенцам, были следующие: деньги на путевые расходы они могли получать от русских резидентов за границей и затем селиться в России или в городах, или отдельными колониями; им предоставлялась свобода вероисповедания; они освобождались на известное количество лет от всех податей и повинностей (поселившиеся колониями на тридцать лет); им отводились на полгода даровые квартиры; выдавалась беспроцентная ссуда с погашением ее через десять лет в течение трех лет; поселившимся колониями предоставлялась собственная юрисдикция; все могли беспошлинно ввезти с собою имущество и на триста рублей товаров; все освобождались от военной и гражданской службы, а если бы кто пожелал поступить в солдаты, то сверх обычного жалованья должен был получить тридцать рублей. Если

бы кто-нибудь завел такую фабрику, которой раньше не было в России, то мог в течение десяти лет продавать беспошлинно производимые им товары. В колониях могли быть заведены беспошлинные ярмарки и торги; этими льготами могли пользоваться в продолжение льготного периода и дети иностранцев, в случае смерти их отцов; если кто пожелает, то может вернуться назад, отдав казне пятую или десятую часть своего имущества; земли под поселение указывались в Тобольской, Астраханской, Оренбургской и Белгородской губерниях^[222]. Манифест этот, как показывают дальнейшие факты, имел важное практическое значение: хотя в нем ничего не говорится собственно о Новороссии, но на основании его селились иностранцы и там вплоть до воцарения императора Александра I. В тот же день, когда издан был этот указ, учреждена была и Канцелярия опекунства иностранных^[223], которой дана была особая инструкция^[224].

В царствование императора Павла Петровича (в 1800) была издана новая инструкция Конторе опекунства иностранных поселенцев, составленная Экспедицией государственного хозяйства; в ней определяются обязанности конторы по части администрации. Она была вызвана обстоятельною ревизией колоний, произведенною известным Контениусом (Контениус (Contenius) Самуил Христианович, 1748–1830 главный судья Екатеринославской опекунской конторы, по поручению правительства инспектировал немецкие колонии. – *Примеч. ред.*); он констатировал разные непорядки и упущения, привел в порядок запутанные счета и представил исторический очерк немецкой колонизации в Новороссии, которым мы впоследствии и воспользуемся. С воцарением императора Александра I иностранная колонизация в пределах Новороссийского края начинает вестись на иных условиях. Уже в указе 1802 года на имя новороссийского военного губернатора (о водворении иностранцев) делаются облегчения для поступления их в земледельцы^[225]. Но с полною определенностью взгляды и намерения правительства выразились в манифесте от 20 февраля 1804 года^[226]. По манифесту 1768 года, говорится там, принимали всех иностранцев без разбора и потому вышло много плохих и бедных хозяев; да и теперь среди выходцев немало ненужных ремесленников, дряхлых, больных, слабых и одиноких. Екатерина II решилась на вызов иностранцев ввиду заселения пустых земель. Но теперь, вследствие размножения населения в центральных губерниях, необходимо уже приберечь земли на юге и для своих подданных, так как пустых пространств там осталось уже немного; поэтому следует принимать только таких иностранцев, которые по своим занятиям могут служить хорошим примером для крестьян. Для них нужно отвести особые земли – казенные или купленные у помещиков; это должны быть семейные и зажиточные хозяева, занимающиеся земледелием, разведением винограда или шелководством, скотоводством и сельскими ремеслами (садовничеством, кузнечным делом, ткачеством,

портняжеством и т. д.); других ремесленников не принимать, исключая небольшого числа их, которые понадобятся в городе. Ввиду этого не следует вызывать колонистов посредством подговоров или посылки особых эmissаров; желающие добровольно переселиться должны являться к резидентам и представлять им свидетельства от магистратов о своем хорошем поведении; переселять нужно сразу по двадцать-тридцать семейств, но из Германии не следовало выводить в течение года более двухсот семейств, потому что только такое число можно было хорошо устроить на месте; ссуд резиденты не должны были выдавать, а только нанять подвод; желавшие переселиться обязаны были представить наличными деньгами или в товарах капитал в триста гульденов, так как замечено, что устройство недостаточных колонистов идет медленно и неудовлетворительно; всякий мог ввезти с собою на триста рублей товаром (сверх имущества). Выходцам предоставлялись следующие права: свобода вероисповедания, освобождение на десять лет от всех податей и повинностей; по прошествии же этого времени они должны уплачивать в первые десять лет от 15 до 20 копеек за десятину, а потом столько, сколько казенные поселяне; по истечении льготного периода они обязаны будут нести те же повинности, что и русские подданные, исключая постоянной повинности, военной и гражданской службы, от которых они освобождались навсегда; уплата ссуды им рассрочивалась на десять лет; всем колонистам отводится безденежно по шестьдесят десятин земли на семью; со времени прибытия их в Россию до водворения на место им выдавались кормовые деньги, а от водворения до первой жатвы беспроцентная ссуда; на постройку дома, покупку скота и вообще на хозяйственное обзаведение каждый получал по триста рублей ссуды, а иногда и более того; всякий мог заниматься промыслами, торговлею и ремеслами, записываться в цехи и гильдии; если кто захотел бы вернуться назад на родину, то обязан возратить ссуду и трехгодичную подать.

И вот на этих основаниях предложено было поселить иностранцев в разных местах Новороссии и в Крыму. Прежде всего, решили отводить им земли вблизи гаваней и портов, чтобы они имели возможность сбывать свои продукты за границу; земледельцев хотели селить на реке Молочных Водах по соседству с меннонитами, меннонитов здесь же и на бывших ногайских землях, болгар возле болгарских колоний, ремесленников – в городах^[227].

На основании этих манифестов и совершалась иностранная колонизация в Новороссии в царствование Екатерины II, Павла Петровича и Александра I. Мы обратимся теперь к фактическому обозрению этой колонизации и укажем главнейшие виды ее. Наиболее древнюю иностранную колонизацией оказывается, как мы уже знаем, сербская или, вообще говоря, славянская. В царствование Екатерины II получило широкое развитие болгарское колонизационное движение.

Под влиянием манифестов 1762 и 1763 годов явилось в Россию в 1764–1769 годах довольно значительное число болгар; в 1773 году одна партия их поселилась близ Ольвиополя на реке Синюхе, а другие направились в новые города – Тирасполь, Новые Дубоссары, Григориополь и Одессу; в начале XIX века их переселилось еще больше; в 1821 году их было в Херсонской губернии 5863 души обоего пола, в Таврической^[228] – 2712 (но больше всего в Бессарабии). Болгарские колонии имели важное влияние на развитие местной земледельческой культуры^[229]. К славянским колонистам нужно причислить и поляков. Некоторые из них поселились с торговыми целями в новых городах – Херсоне, Одессе, другие были завербованы в Бугский казачий и гусарские полки; наконец, польские магнаты, получив от русского правительства большие поземельные участки в Новороссии, переводили туда из Польши крепостных крестьян; но, вообще говоря, число польских выходцев было невелико^[230].

Едва ли не самое важное место в истории иностранной колонизации^[231] принадлежит немцам, а среди них выделяются меннониты, придерживающиеся анабаптистского учения. Они выехали из Пруссии (из окрестностей Данцига) в начале 1789 года в числе 228 семей и заключили через своих депутатов специальный договор с правительством. На основании этого договора они получили следующие привилегии: свободу вероисповедания, десятилетнюю льготу от всяких податей, освобождение от подвод, работ, постоев и воинской службы, подводы до места назначения, известную сумму на путевые расходы, кормовые деньги и ссуду в размере 500 рублей на семью, семена для посева, право заводить фабрики, заниматься торговлей, вступать в гильдии и цехи, по 65 десятин земли с обязательством уплачивать за нее по истечении льготного периода по 15 копеек за десятину и, наконец, лес на постройки. Земли им были отведены в нынешней Екатеринославской губернии на правом берегу Днепра с островом Хортицей, где они основали восемь деревень; с 1793 по 1796 год 118 других семейств поселилось на тех же условиях частью среди прежних выходцев, а частью на новых местах (Шенвиз в Павлоградском уезде, Кронсгартен в Новомосковском уезде). Но, несмотря на эти льготы, положение меннонитов на первых порах было очень затруднительное, главным образом вследствие особенностей климата и почвы новой местности. Сомневались даже в благополучном исходе начатого дела. Вот что говорил в своем отчете Контениус: «Меннониты почти все вообще в домашней жизни порядочны и опрятны, в нравственной – трезвы и честны, а в домоводстве – прилежны и старательны; но живущие в Хортицах за всем трудолюбием своим едва ли могут прийти когда-либо в хорошее состояние. Кряж сего урочища состоит по большей части в высоких местах, на коих по сухости земли, по недостатку влажности и по бездождию, травы выгорают, хлеб растет худо и часто пахарь обрабатывает и засекает поле напрасно, так что от

земледелия не только не получает никаких выгод, но и весьма редко может продовольствоваться собственным хлебом целый год; одно скотоводство приносит им некоторую пользу; сею частью сельского хозяйства они весьма занимаются, приводя с собою достаточное число иностранной породы лошадей и рогатого скота, но по недостатку в пастбищах и сена не могут и оного распространить по своему желанию и обычаю, лишаясь при том в жестокие зимы и знатной части того, что в состоянии ныне держать». К этому присоединялись еще теснота помещений и медленное поступление казенной субсидии. Ввиду всего этого Контениус предложил предоставить меннонитам следующие еще льготы: переселить часть их из Хортицы в другое место; увеличить на пять или десять лет срок льготного периода; не требовать с них возврата денег, издержанных на путевые расходы; взыскиваемую с них ссуду употреблять на нужды же новороссийской колонизации. Это предложение было принято. Таким образом, меннониты получили совершенно исключительные привилегии. Правительство сделало для них все, чего они только желали: их переселение в Россию было обставлено всеми удобствами; они получили такие льготы, о которых не могли и мечтать русские переселенцы – эти обиженные представители господствующей народности. Им не приходилось уже вести борьбы с татарами; они могли спокойно предаться исключительно мирным занятиям – земледелию, скотоводству и т. п. Но, несмотря на все эти благоприятные условия, меннониты на первых порах не могли достигнуть прочного материального благосостояния. Причина этого коренилась в естественных условиях и особенностях местности, главным образом, – в климате Новороссийского края. Кроме меннонитов в Россию переселялись и другие немецкие выходцы. Таковы были иозефстальские колонисты, ямбургские и данцигские; первые основали отдельную колонию Иозефсталь и получили прекрасные земли и пастбища; но так как большая часть их на родине у себя занималась ремеслами, а не земледелием, то и здесь они устроились очень плохо и нуждались в новых льготах; им прибавили землю, увеличили число льготных лет, ремесленников переселили в города и т. п. Переселенцы из Данцига также устроились очень плохо; из 910 душ их обоего пола Контениус нашел в разных местах только 208; остальные или поумирали, или разбрелись неизвестно куда; в Херсоне только три семейства имели собственные дома, другие жили у хозяев-ремесленников или снискивали себе пропитание поденною работой, иные же вовсе не имели правильных заработков и жили в большой бедности; 21 семейство (из 41 души) основали колонию в Елисаветградском уезде, но собирали достаточное количество хлеба только в дождливые лета, а во время засух не получала и семян; умирало у них более, чем рождалось. Всем им возврат ссуды был отсрочен на тридцать лет; они освобождались от всяких казенных податей и переселялись в другое место; ремесленники из колоний

исключались. Не лучше устроились и ямбургские колонисты, пришедшие в Россию в 1798 году в количестве 273 душ обоего пола; сначала их расселили среди жителей Старых Койдаков, но там они испытывали большие недостатки; тогда их переселили на новое место, но и там их положение не улучшилось; земледелием занимались не все. Им была дана отсрочка в возврате ссуды.

К германской народности нужно причислять и шведских колонистов; это были частью крестьяне, а частью военнопленные. Первые были переведены в 1787 году с острова Даго в числе 904 душ и основали в Херсонском уезде «Шведскую колонию», в которой при Контениусе оказалось только 148 душ (22 семейства); остальные умерли от перемены климата, плохой пищи и других недостатков. В 1790 году был прислан 31 пленный швед, из коих осталось девять человек. К земледелию шведы оказались весьма рачительными; но им очень вредили засухи и суслики; кроме земледелия, они занимались скотоводством и рыболовством. Им также, по представлению Контениуса, были сделаны значительные облегчения: с них решились не брать подушного оклада, а ссуду изыскивать только за наличное число^[232].

Благодаря сильной поддержке русского правительства, немецкие колонии успели укрепиться на новой и не всегда для них благодатной почве. В 1845 году всех немецких поселенцев в Новороссии было 95 700 душ обоего пола^[233]. Самою удачною нужно признать колонизацию меннонитов, так как их колонии находились в самом цветущем состоянии. Важную роль в этом деле играли два обстоятельства: первое, что они были образцовыми сельскими хозяевами и у себя дома на родине, второе, что переселились только зажиточные семейные люди с имуществом и даже скотом.

Такова судьба германских поселений в Новороссии. Что же касается романской колонизации, то она была ничтожна: одно селение швейцарцев на Днестровском лимане, горсть итальянцев, несколько французских коммерсантов (вроде, например, Антуана или Рувье) – вот и все! План дюка де Ришелье об основании военных поселений из французских эмигрантов, как известно, не осуществился^[234].

Гораздо важнее была греческая колонизация, которая находится в тесной связи с политическими обстоятельствами того времени. По Кючук-Кайнарджийскому миру Крым, как известно, был признан независимым, а вскоре затем (в 1779) из него выселилось много христианских греческих и армянских семейств (греков 20 тысяч человек). На основании жалованной грамоты им была отведена для поселения земля в Азовской губернии по рекам Солоной, Калмиусу и по побережью Азовского моря^[235]. Жалованная грамота предоставляла им значительные льготы: исключительное право рыбной ловли, казенные дома, ссуду на хозяйственное обзаведение и свободу от военной службы. Часть их погибла еще на пути от болезней и лишений, а

оставшиеся основали город Мариуполь и двадцать селений в окрестностях его^[236]. Кроме этих крымских греков, подвергшихся значительному влиянию татар, в Одессе и по соседству с ней поселилось немало выходцев из Архипелага, удалившись оттуда во время известной Архипелагской экспедиции; это так называемый Греческий дивизион. Греки в Одессе пользовались значительными льготами и, можно сказать, положили основание одесской торговле. В 1797 году их там оказалось тысяча человек обоего пола^[237]. В Елисаветграде греки составили особое братство, пользовавшееся важными привилегиями и державшее в своих руках местную торговлю^[238]. В городах Таганроге, Керчи и Еникале поселились албанцы, которые также отличались зажиточностью^[239].

Вместе с греками стали переселяться в Новороссию армяне. В 1779 году они вышли из Кафы в числе 651 души и поселились в крепости святого Димитрия Ростовского, а затем в четырех верстах оттуда основали город Нахичевань. В 1780 году возле той же крепости поселилось 603 человека, вышедших из Крыма под предводительством епископа Азарича и архиепископа Симеона и 1892 человека, выселившихся из Карасубазара^[240]. Армянский город Нахичевань развивался гораздо быстрее Ростова. Он был основан, как мы видели, в 1780 году, а в начале восьмидесятых годов в нем было уже 1040 душ русских купцов, мещан и цеховых и 4121 душа армян, несколько фабрик, заводов и много каменных домов^[241]. Ростов начала XIX века показался одному путешественнику небольшим городом, в котором не было ничего замечательного: жители его занимались рыболовством и торговлей; наоборот армянский Нахичевань «знатнее и правильнее расположен и богаче Ростова. Армяне производят торговлю на Дону; мы там видели много магазинов с различными товарами, а особливо с шелковыми материями и медными изделиями»^[242]. Другая часть армян вышла из Кавказа и из-за Днестра и основала город Григориополь. Вышедшие из Измаила, Бендер и других городов армяне просили себе многих льгот – и Каховский считал возможным удовлетворить их просьбу^[243]. Сама императрица заботилась о судьбе этих армян; губернатору Каховскому она писала, чтобы «не только все перешедшие в пределы наши сохранены были, но и чтобы находящиеся за границей их единоземцы, видя их благоденствующих, к ним присоединились»^[244].

Видное место среди иностранных колонистов занимают молдаване. Начало их переселения относится еще к царствованию императрицы Елизаветы Петровны; они в большом количестве вошли в состав Новосербии, а за чертою ее образовали, вместе с русскими выходцами, Новослободское казачье военно-земледельческое поселение. О значительном присутствии молдавского элемента в населении Елисаветградской провинции свидетельствует и Гюльденштедт. Он же делает характеристику их в этнографическом отношении. Другая партия молдаван в конце XVIII и начале XIX века основала города и

селения по реке Днестру – Овидиополь, Новые Дубоссары, Тирасполь. Тогда же 26 человек молдавских бояр и чиновников получили в Тираспольском и Ананьевском уездах до 260 тысяч десятин земли и основали двадцать деревень и несколько хуторов^[245]. Каждый из них получил по несколько тысяч десятин (от 4 до 24 тысяч); так, бригадиру Катаржи было дано 24 тысячи десятин, на которых он устроил две деревни с 779 душами обоего пола, коллежскому советнику Гаюсу – 22 425 десятин, на которых он завел три деревни с 763 душами обоего пола, полковнику Кесоглу – 14 090 десятин, на которых он основал одну деревню с 90 душами. Некоторые, впрочем, пожалованных им земель не заселили (например, братья Грамматины). Злоупотребляя расположением русского правительства, один из молдавских бояр Стурдза высказал слишком неумеренные требования: выпрашивал для себя девять селений, где жило 11 тысяч душ мужского пола и было 46 тысяч десятин земли; искательство его нашло себе поддержку у известного секретаря князя Потемкина Попова, но против него выступил – и это делает ему большую честь – губернатор Каховский^[246]. Свои деревни молдавские чиновники заселяли по большей части русскими крестьянами. Но, помимо этого, они успели укрепить за собою тысячу человек свободных своих земляков, что заставило русское правительство издать особый ограничительный указ, или так называемое «положение об обязательных поселянах»; они признавались лично свободными; помещик мог распоряжаться только землей, на которой они жили, и которая была его собственностью; за эту землю они обязаны были, по молдавскому обычаю, уплачивать десятину от земледельческих продуктов и скотоводства, отрабатывать двенадцать дней в году барщины и оказывать помощь в некоторых других случаях (при уборке виноградников)^[247]. Спасло ли это «положение» молдавских выходцев от крепостной зависимости, сказать положительно не можем; правдоподобнее, впрочем, что нет; у молдаван-помещиков были и русские крестьяне, которые с течением времени сделались их крепостными; их состояние не могло не отражаться на состоянии крестьян-молдаван. С другой стороны, молдаване-крестьяне не могли не селиться на землях русских помещиков на таких же основаниях, как и русские крестьяне. Таким образом, одна часть молдаван вошла в состав свободного земледельческого класса (бывшие военные поселяне), другая – помещичьего землевладельческого, третья – несвободного крепостного. И те, и другие, и третьи скоро обрусели и обмалорусились, в особенности в тех случаях, если они жили смешанно с русским населением.

Еврейская колонизация также сделала заметные успехи в Новороссийском крае. Переселение сюда евреев-талмудистов из Западной России и Польши началось в 1769 году на основании формального разрешения, уничтожившего силу прежнего запрещения

1762 года. Из пунктов 1777 года видно^[248], на каких условиях принимали евреев, вышедших из Польши на жительство в некоторые места Новороссийской губернии. Они должны были сами построить себе жилища, школы, но имели право держать винокурни и броварни. Льгота от постоев и других повинностей им давалась всего на год (исключая казенных податей); казенные подати должны уплачивать или с капиталов (по копейке с рубля), или с души (по два рубля в год). Подобно иностранным колонистам, они могли привезти с собою товаров на триста рублей; пошлина за горячее вино им отсрочивалась на один год; им разрешалось нанимать себе русских работников, свободно исповедовать свою веру и т. п. Правительство рассчитывало на выход ремесленников или купцов и потому селило их в городах и местечках. И, несмотря на то, что льготы, предоставленные им этими пунктами, были невелики, расселение их в городах шло не без успеха: правительство оставляло им катальное устройство и предоставляло их, так сказать, самим себе. Совсем иначе обстояло дело с устройством пресловутых еврейских земледельческих колоний. Начало их относится только к 1807 году, когда первая партия еврейских переселенцев образовала в Херсонском уезде колонии: Бобровый кут, Сейдеминуху, Добрую и Израилевку. Движение евреев в Новороссию было вызвано положением о них 1804 года, по которому они в местах своей оседлости должны были переходить для промыслов и торговли из деревень в города. На устройство этих колоний правительство израсходовало громадные суммы (с 1807 по октябрь 1812 на них было истрачено 345 459 рублей 82 копейки; главный расход падал на постройку домов). Но результаты получались плачевные: земледелие у евреев развивалось очень плохо, а сами они стремились в города и желали заниматься тем, чем занимались у себя на родине: мелкою торговлею, ремеслами, маклерством и т. п. Интересен отзыв о еврейских земледельческих колониях современника-очевидца А. С. Пищевича: «под их (евреев-хлебопашцев) деревни отведено много земли. На первую зиму их много умерло. Обрабатывают они хлеб худо. Видеть, как они пахут, есть смеху достойно. Возле волов, в плуги запряженных, стоит жидов куча, всякий кричит, всякий понуждает. Волосья тихость с жидовскою опрометчивостью не сходна. Плуг тронется с места и кидается во все стороны поверх земли. Жиды, не ведая дать оному настоящего направления, чтобы придать ему тяжесть, садятся на плуг, опрокидываются. Оканчивается все это тем, что приходит несколько жидовок, имея каждая по чулку в руке, и какими-нибудь домашними кляузами займут всю честную «беседу» разговором. Волос в это время никому и в голову не придет выпречь, и так день пропадет. Из их селений выйдет со временем род местечек, в которых есть всякие мастеровые; могут они жить разными оборотами, отдавать свою землю в наймы, но хлебопашцами не будут никогда^[249]». Этот отзыв подтверждается и официальными данными,

закрывающимися в капитальном сочинении В. Н. Никитина^[250]. Автор его проследил во всех подробностях судьбу еврейских земледельческих колоний в Новороссии, и нам остается только указать на это исследование. При этом не мешает заметить, что автора его скорее можно назвать юдофилом, чем юдофобом: он всячески старается оправдать евреев от возводимых на них обвинений. И что же? Общее впечатление получается не в пользу колоний. Неудачною представляется самая мысль обратить во что бы то ни стало мелких торгашей и ремесленников в земледельцев; все это дело производит впечатление какого-то искусственного ненужного эксперимента, от которого страдали и испытуемые, и экспериментаторы. Положение евреев-колонистов было в высшей степени печальное. Приходили они на место «в самом беднейшем положении; редкий из них имел самое нужное одеяние, у большей же части оно состояло из одних лоскутьев, а при помощи кормовых по пять копеек в сутки – они чувствовали свое положение не много лучше». От непривычного климата и дурной воды среди них развивались поварные болезни, которые еще более изнуряли их и делали совершенно неспособными к непривычному для них земледельческому труду. «Жестокие морозы, – писал один из ревизоров, – сильнейшие ветры, вьюги и глубокие снега завалили в колониях избы по крыши. Промежутки колоний до того занесены снегом, что с крайним трудом сообщение между собою иметь могут. Все колонисты жалуются на бескормицу, скот околеваает, а люди холодают и голодают. Жиды в ужасном положении и единогласно, с пролитием слез, умоляют отвратить их от гибели в худых развалившихся избах, без крыш, без всякого пропитания и топлива, коего за безмерными снегами и достать негде, они изнемогают от холода и голода среди степи». Лифанов и Девельдеев нашли «все колонии в беднейшем состоянии, а большую часть евреев едиными лохмотьями покрытых, босыми или нагими»^[251]. Правда, не одни евреи были в этом виноваты, но что они оказались неспособными преодолеть разнообразные затруднения, с которыми приходилось считаться всем колонистам Новороссийского края, это, мне кажется, опровергнуто мудрено.

Наконец, следует упомянуть еще и о цыганах, которые вели кочевой образ жизни и дополняли собою пеструю картину народонаселения Новороссии.

К сожалению, мы не имеем точных данных о числе всех этих нерусских поселенцев в конце первой четверти XIX века сравнительно с общей цифрой народонаселения края. Во всяком случае можно положительно утверждать, что нерусских поселенцев было сильно гораздо меньше, чем русских. На первом плане, по числу колонистов, нужно поставить славян, немцев, евреев; всех жителей в 161 колонии в 1822-1823 годах было 52 262 души обоего пола; евреев в 1844 году было 46 312 человек, а в конце первой четверти XIX века гораздо

меньше; здесь идут греки, молдаване, армяне. Общее же число жителей двух губерний – Херсонской и Екатеринославской в это время значительно превышало миллион душ обоего пола. Таким образом, мы приходим к заключению, что Новороссийский край мог бы быть заселен и одним русским народом. Только колонизационный процесс затянулся бы на более продолжительное время. Русское племя (как великорусы, так и малорусы) доказало на деле целым рядом фактов свою способность к делу колонизации и при том в самых разнообразных по своим естественным условиям местностям. К сожалению, довольно трудно сделать сравнительную оценку колонизаторских способностей русских людей и иностранцев. Иностранные поселенцы, вообще говоря, были поставлены в более благоприятные условия жизни на новых местах, чем русские колонисты. Правительство всем им оказывало такую помощь и поддержку, о какой не могли и мечтать представители господствующей национальности. Мы видели, как громадные льготы получили меннониты и вообще немцы, как много разных привилегий дано было сербским и вообще славянским выходцам, при каких благоприятных условиях происходило поселение армян, молдаван и греков, сколько усилий и затрат было сделано для устройства еврейских земледельческих колоний; эти льготы в одинаковой степени относились как к городским, так и к сельским поселенцам и при том они не всегда стояли в соответствии с той пользой, которой могло ожидать правительство от известной группы переселенцев; чтобы убедиться в этом, стоит только вспомнить молдавских бояр; для них Новороссия оказывалась каким-то золотым дном; она давала им значительные богатства, а от них взамен не получала почти ничего. Вообще в XVIII веке обращали слишком мало внимания на ценность того продукта, который доставляла нам Западная Европа в виде своих колонистов; заботились только о скорейшем заселении этих пустынь, что вызывалось отчасти значительными земельными приобретениями того времени. И эта цель достигалась. В 1768 году общее число жителей в Новороссии равнялось 100 тысячам человек, в 1797 году превысило 850 тысяч, в 1822–1823 годах – 1,5 млн душ обоего пола, т. е. в первые 28 лет увеличилось в 8,5 раз, а в последующие 25 лет меньше, чем в два раза. К сожалению, эти цифры не дают нам возможности сделать выводы о процентном возрастании населения путем одной колонизации и естественного прироста жителей. Во-первых, потому что сюда вошли обыватели присоединенных областей (Запорожья, Крыма, Ногайской и Очаковской земель), а во-вторых, потому что пределы территории Новороссийского края постоянно изменялись под влиянием различных административных реформ (то сокращались, то расширялись). Как бы то ни было, если мы даже примем во внимание указанное выше обстоятельство (увеличение числа жителей от присоединения новых областей), то и тогда должны будем сказать, что заселение края прошло особенно быстро в XVIII веке.

Забываясь исключительно о количественном возрастании иностранных колонистов и не обращая почти никакого внимания на их подготовку и способности к делу колонизации, правительство естественно должно было испытывать разочарования и неудачи. Так вышло, как мы видели, со славянским переселенческим движением; так было отчасти и с другими иностранными выходцами екатерининского времени. Неудивительно поэтому, что правительство императора Александра I решилось оставить прежнюю систему (тем более, что в ней теперь не было уже никакой надобности) и принимать (а не вызывать) только таких иностранцев, в которых нуждался край, которые могли быть полезны ему в культурном отношении. Конечно, и здесь ожидания правительства не всегда исполнялись, но дело было все-таки поставлено на верный путь.

В следующей, заключительной и последней главе мы рассмотрим, из каких статей сложилась нынешняя культура Новороссийского края, что привнес в нее каждый из тех этнографических элементов, которые вошли в состав местного населения.

Глава V

Зачатки местной культуры

Исторические данные о материальной культуре. Землевладение. Садоводство. Огородничество. Скотоводство. Рыболовство. Добыча соли и каменного угля. Торговля. Движение умственной культуры. Роль русского населения и иностранцев. Роль правительства и характеристика его главнейших деятелей

Уже в предшествующем изложении, посвященном истории заселения края, мы касались и культурной деятельности колонистов. Теперь мы займемся этим вопросом несколько более подробно, чтобы составить себе понятие, как об общем движении культуры, так и о ролях в ней различных народностей, заселивших Новороссийский край. Из своего обзора мы вовсе исключаем характеристику культурного состояния турецко-татарского населения, потому, что оно представляет собой не колонистов, а туземцев^[252]. Приведем сначала целый ряд фактических данных, относящихся к разным видам материальной культуры, скажем несколько слов об умственном состоянии общества и тогда уже сделаем общие заключения.

Земледелие в Новороссийском крае в начале XIX века достигло громадных размеров, и край этот из дикой пустыни превратился в житницу России, какою он остается и доселе. Конечно, это совершилось не вдруг, а постепенно, не без борьбы и усилий. Кроме татар, нужно

было вести упорную борьбу и с местной природой, характер которой в общих чертах нам уже известен; в таком именно положении были запорожцы; представляя из себя отрасль земледельческого народа, они естественно не хотели бы чуждаться сельскохозяйственных занятий; но местные условия жизни должны были на время заглушить их стремление к мирным занятиям пахаря или, как иронически выражались они, «гречкосия». Впрочем, в середине XVIII века в самом Запорожье заметен уже поворот к новым формам и условиям жизни и быта; в запорожских паланках, находившихся в северной части владений войска возле рек Самары и Орели (в самарской, кодацкой, орельской и протовчанской) занимались уже земледелием: сеяли преимущественно просо, овес, гречиху, ячмень и горох, а также озимую рожь и пшеницу; рожь, пшеница и ячмень родились у них сам-десять, а просо сам-тридцать; держали запорожцы и небольшие бахчи и сеяли там, хотя в небольшом количестве, арбузы, дыни, редьку, капусту, свеклу, горох, пшеничку и лук^[253].

Более поздним поселенцам Новороссийского края приходилось уже вести борьбу только с одной природой; но эта борьба была нелегкая. Любопытные сведения о затруднениях, которые испытывали первые поселенцы от неблагоприятных естественных условий края, сообщает современник князя Потемкина священник Маркианов; важнейшие препятствия, заставлявшие иногда переселенцев возвращаться назад, были следующие: вредные испарения плавень, мошки и комары, овражки, или суслики; сюда нужно присоединить еще целый ряд других не менее важных неудобств: трудность вспахивать твердую степную целину, частые засухи и, как следствие их, неурожай, недостаточное количество или недоброкачественность воды, вызывавшая у людей и животных разные болезни, зимние вьюги, метели и холода, нередко истреблявшие растительность, а в особенности скот, недостаток топлива, заразные болезни, вроде знаменитой чумы 1812 года и т. п. Нужна была привычка к перенесению всех этих невзгод, чтобы они на первых же порах не убили энергии в поселенцах и не заставили их пожалеть о покинутой родине.

Конечно, большое значение имела здесь та поддержка, которую оказывало правительство новым поселенцам; быть может, и колонии меннонитов не достигли бы таких блистательных результатов в сфере своей сельскохозяйственной деятельности, если бы они не получили такой щедрой помощи от казны, какую они, как мы видели, получили. Земледельческое процветание колоний зависело от трех главнейших факторов: местных условий, материального достатка для приобретения орудий производства и других первоначальных расходов и, наконец, опытности, искусства, энергии и добросовестности самих колонистов. И при оценке достигнутых результатов необходимо принимать во внимание все эти обстоятельства. Меннониты, как мы видели,

находились в очень благоприятных условиях: сами имели средства, получили ссуду, вели хозяйство по рациональному способу, но и они изнемогали в борьбе с условиями местной природы (климата, почвы и т. п.). Колонии других немецких выходцев также потребовали энергической поддержки правительства и на первых порах развивались довольно плохо. Но сильнее и резче всего сказалось влияние местных неблагоприятных условий на еврейских колонистах: они явились, так сказать, совсем безоружными на борьбу с природой Новороссийского края; вчерашние торгаши и мелкие ремесленники должны были обратиться в земледельцев в плодородном, но диком, пустынном крае, подверженном летним засухам и зимним метелям, повальным болезням от недостатка и недоброкачества воды и нашествию вредных насекомых. Не мешает также вспомнить, какие испытания должны были вынести сербские выходцы. Наиболее приспособились к условиям местной жизни малороссийские поселенцы, в особенности те, которые имели близкое отношение к бывшим запорожцам. Неудивительно поэтому, что господствующим типом хозяйства являлся малороссийский, а затем уже следовали молдавский, татарский и рациональный. Характерными чертами малороссийского хозяйства были плуг, вол и воз, обширное скотоводство без загонов и слабое развитие огородничества; молдавское хозяйство стояло не выше малороссийского: у них очень хорошо только шло овцеводство и коневодство; но хозяйство болгар и отчасти великорусов-раскольников должно быть поставлено выше того и другого: здесь рядом с земледелием процветало садоводство, виноделие и огородничество; наконец, самую высшую степень занимает хозяйство меннонитов и немцев (в особенности первых); у них не вола, а лошади; скот улучшенных пород; земледельческие орудия заграничные; почва обрабатывается отлично, иногда даже удобряется^[254]. К сожалению, ни практика рационального хозяйства, существовавшего у немцев, ни теоретические советы разных администраторов, ни земледельческие школы, проектированные Потемкиным близ Николаева и в Екатеринославе (при университете), не могли заметно повлиять на господствующую систему сельского хозяйства и ввести в нее необходимые улучшения; университет в Екатеринославе, как известно, не осуществился, а меннониты представляли из себя замкнутую корпорацию, мало влиявшую на своих соседей; следовательно, надежды, возлагавшиеся на культурную миссию меннонитов, далеко не оправдались. Тем не менее, вообще говоря, уже в начале XIX века Новороссийский край сделался житницей России. В 1803 году в Екатеринославской губернии было посеяно 118 195 четвертей озимого и ярового хлеба, уродилось 1 565 856 четвертей, а осталось за посевом и продовольствием на продажу 446 468 четвертей; в 1804 году посеяно 413 047 четвертей, собрано 9 387 708 четвертей, осталось 1 079 017 четвертей. Нельзя не поразиться здесь сильными колебаниями урожая;

еще более сильные колебания были в Херсонской губернии. Там земледелие шло особенно успешно в местах, прилегающих к Подольской, Киевской и Екатеринославской губерниям, а в нижнем течении Буга, Ингула, Днепра, а особенно по берегам Черного моря до Днестра было очень много сухих и песчаных бесплодных пространств. Урожаи были в высшей степени изменчивы: иногда бывали значительные остатки, а иногда настоящий недород; так, в 1803 году посеяно было всякого хлеба 261 425 четвертей, уродилось 554 318, на продовольствие недоставало 265 031 четверти, в 1804 году посеяно 205 497, собрано 1 430 634 четверти, осталось за посевом и продовольствием 644 207 четвертей^[255].

Едва ли не важнейший недостаток Новороссийского края заключается в скудости лесов. Таким образом, явилась необходимость, с одной стороны принять меры против истребления существовавших еще лесов, с другой, позаботиться об искусственном насаждении новых; необходимо было также приложить старания к разведению садов. Инициатива в этом деле принадлежит запорожцам. «В архиве последних годов запорожского быта, – говорит А. А. Скальковский, – находим множество благоразумных распоряжений, а следственно стараний, коша о сохранении лесов, байраков, плавень и садов, разведении деревьев плодовых (родячего дерева) и огородов». И действительно, из приводимых им документов видно, что на истребление лесов, садов, служивших к общественной пользе, запорожцы смотрели как на тяжкое преступление: «не страшась истязания Божьего за искоренение оногo дерева, в пользу общую ежегодно дающего плод, безразсудно вырубил» говорится в ордере писарю и есаулу кодацкой паланки^[256]. Два нынешних екатеринославских сада (Потемкинский и городской) были первоначально разведены запорожцем Лазарем Глобою^[257]. Со времени прочного заселения края заботы о насаждении лесов и садов, естественно, еще более усилились.

Видную роль в этом деле играли Мельгунов (правитель Новосербии), Потемкин, Ришелье, французский ботаник Десмет и генерал Инзов. Первый развел сад в крепости святой Елисаветы и в других местностях Новой Сербии; об этих садах говорит академик Гюльденштедт; в елисаветградском саду, по его словам, были аллеи из вишневых деревьев, много винограду, волошские орехи и т. п.; в крюковском саду была тысяча вишневых деревьев, виноград, сливы, яблони, грушевые деревья и т. д.^[258] Потемкин устроил два сада в Херсоне, купил два сада в Екатеринославе у Глобы, причем в один из них перевел свою великолепную оранжерею, и, наконец, поручил французскому садовнику Я. Фабру устроить дачу на Буге при впадении в него реки Ингула. Впрочем, некоторые из этих садов, по смерти Потемкина, заглохли; такова была судьба одного из херсонских садов; екатеринославский его сад также был заброшен, а оранжерея продана

с публичного торга^[259]; многие садки и лески, заведенные в качестве декораций на «екатерининском пути», исчезли очень скоро после проезда императрицы. Печальна была судьба и николаевского сада, заведенного в потемкинское время. «В саду, разведенном за десять лет перед сим, – говорит путешественник Измайлов, – где расточены были все богатства природы, куда выписывали лучшие растения из чужих краев, где труды и искусство насадили, может быть, произведения четырех стран света, в сем саду не осталось ныне ни одного деревца: некоторые сожжены, другие порублены. Рука времени не так разрушительна, как рука человека»^[260]. Дюк де Ришелье много сделал не только для одесских, но и херсонских и екатеринославских садов. Десмет устроил ботанический сад в Одессе на голой степи. Генерал Инзов способствовал разведению садов в иностранных колониях. Виноградники и тутовые плантации были разведены в некоторых местностях Новороссийского края (мы не говорим, конечно, о Крыме), но дело это успешно не пошло; правительство употребляло различные меры к разведению тутовых деревьев, затрачивало средства, но результаты были незначительные. Кроме казенных садов, были еще частные; таковы, например, были знаменитые тираспольские сады, расположенные в плодороднейшей днестровской долине, и многие другие. Своими великолепными огородами славились раскольники (в Елисаветграде, Тирасполе, Дубоссарах и других местах Херсонской губернии)^[261]. Табаководство также представляло собой один из древних промыслов (им занимались еще запорожцы).

Скотоводство было древнее земледелия в Новороссии, ибо как нельзя лучше было приспособлено к условиям местной природы; оно составляло главное занятие туземных татар и запорожцев; стада крупного и мелкого рогатого скота и табуны лошадей составляли главное богатство Запорожья; лошади запорожские славились и за пределами Коша; в особенности процветало скотоводство в зимовниках; об этом свидетельствует и автор «Топографического описания». Скот лето и зиму был у них на подножном корму; пастухи же, или так называемые чабаны (иначе табунщики, скотари) имели у себя, подобно ногайцам, на случай холода и непогоды коши; так назывались палатки, обитые войлоком и стоящие на двух колесах; в коше была кабыця, т. е. очаг, где варилась пища для людей и собак их, где можно было обогреться и обсушиться^[262]. О размерах скотоводства может свидетельствовать следующий факт. Во время нападения татар в 1769 году у кошевого атамана был отогнан табун в 600 лошадей, у полковника Колпака – 1200 овец, 127 лошадей и 300 голов рогатого скота, у казака Ф. Рудя – 5010 овец и 6 волов, у казака Ф. Горюхи – 2 тысячи овец и 6 лошадей, у казака Абрама 200 лошадей и 50 волов, у писаря Глебы – 4 тысячи овец, 10 лошадей и 130 волов и т. п. Всего было захвачено татарами более 100 тысяч овец и 10 тысяч лошадей.^[263] С появлением новых русских и иностранных поселенцев, с

умиротворением края, размеры скотоводства значительно увеличились. В начале XIX века в Новороссии числилось более 2,5 млн голов скота. Но страшным тормозом для развития этого промысла являлись суровые зимы и чума. В страшную морозную зиму 1812 года погибло 1 250 352 головы скота, т. е. половина всего наличного числа (878 968 овец, 230 059 голов рогатого скота, 140 455 лошадей, 209 буйволов и 661 верблюд)^[264]. Мы поверим этому известию, если вспомним, что скот в Новороссийском крае держали круглый год на подножном корму: только зимой загоняли его в камыши, а весной выгоняли на степь^[265]. В XIX веке начались довольно успешно опыты разведения тонкорунных овец, по инициативе министра Кочубея; впервые начали заниматься этим промыслом в широких размерах иностранцы Рувье и Миллер, которым оказана была значительная помощь от казны. В 1823 году в Херсонской губернии было уже 199 280 мериносов, в Екатеринославской – 114 980, в Таврической – 112 тысяч; результатом этого было усиление торговли шерстью; в разведении мериносов и вообще улучшенных пород скота принимали видное участие меннониты^[266]. Что касается охоты и звероловства, то они особенно процветали у запорожцев, которые охотились за лисицами, волками, зайцами, дикими конями, сугаками, дикими козами и выдрами, с капканами, собаками и ружьями^[267]. Рыболовство было так же древне, как и звероловство. Реки Новороссийского края, как мы видели, изобиловали рыбою, и запорожцы ловили ее в громадном количестве. Ежегодно войско бросало лясы (жребий) на все свои рыбные ловли; обитатели четырех паланок (Калмиусской, Бугогардовой, Прогноинской и Ингульской) почти исключительно занимались рыбной ловлей^[268]; пойманную рыбу они солили или вялили (а соль добывали в кинбурнских озерах) и развозили по городам и деревням Малороссии и Польши^[269]. Рыбный промысел играл важную роль и в более позднюю пору жизни Новороссийского края и достиг, конечно, тогда еще большего развития, чем в эпоху самостоятельности Запорожья.

Из промыслов, относящихся к миру ископаемых, следует указать на добычу соли и каменного угля. Более всего изобиловал солью Крым, и, таким образом, с присоединением Крыма к России в нашем распоряжении очутился источник значительных богатств; в 1823 году, например, крымской соли было продано на 5 млн рублей ассигнациями. Запорожцы, как мы видели, добывали соль в прогнях. Сначала казаки Изюмского полка, а потом казна и частные лица эксплуатировали для той же цели Бахмутские соляные промыслы, но добыча соли здесь была не особенно велика и обходилась довольно дорого. Собирали соль и в Хаджибейском лимане. В конце XVIII века было найдено столь необходимое при безлесьи края минеральное топливо. Каменный уголь был открыт уже в 1790 году, и Потемкин велел доставить в Николаев 100 тысяч пудов для казенных кузниц и на продажу частным лицам^[270]; впоследствии уголь нашли во многих местностях нынешней

Екатеринославской губернии и Земли Войска Донского. Минеральные богатства Кривого Рога прозревал уже академик Зуев, проезжавший по этим местам в 1782 году.^[271] В 1790 году здесь добывали аспид (черный сланец. – *Примеч. ред.*), которого адмиралтейские мастеровые и турки, посланные князем Потемкиным, наломали за один раз и вывезли 130 возов, и разные краски, которых набрали 70 возов^[272]. Потемкин принимал уже меры к устройству здесь чугунолитейного завода^[273]. Такой завод был основан в 1795 году в Лугани^[274].

Так постепенно развивалась промышленность Новороссийского края, а в связи с нею расширялась и торговля. Первые зачатки ее мы видим в Запорожье. Кош вел и внутреннюю, и заграничную, и сухопутную, и морскую торговлю. В Сечь, находившуюся на реке Подпольной, приходило ежегодно по 5-10 турецких кораблей с «бакалеей и вином» (кроме крымских и очаковских). По словам Пейсоннеля, украинские и запорожские казаки спускались по Днепру к Очакову, где продавали баранье сало, кожи, табак, веревки, русские полотна, дрова, точильные камни, сушеную рыбу, рыбный клей, а вывозили отсюда вина, соль, сушеные фрукты, ладан, персидский ситец, сафьян и другие товары^[275]. Сухопутную заграничную торговлю запорожцы вели с Крымом и Польшей, а внутреннюю – с Малороссией, Слободской Украиной и Новосербией^[276]. Важным тормозом для торговли Запорожья с Малороссией являлись внутренние таможи (в Переволочной и Кременчуге), которые, впрочем, в 1755 году были уничтожены. В это время, по приблизительно (вероятно уменьшенному) расчету самих запорожцев, ежегодно из Малороссии в Сечь привозилось 10 тысяч четвертей ржи, 1000 четвертей пшеницы, 5 тысяч четвертей пшена, 500 бочек горилки, 200 бочек солоду, 1000 ведер пресного меду, 4 тысячи пудов ниток на рыболовные снасти, 20 тысяч аршин полотна, 20 тысяч аршин хрящу, 4 тысячи штук китайки на кафтаны, 4 тысячи аршин сукна, 2 тысячи аршин разных материй, не считая овец, шкур, порошу, свинцу, пуль; из Сечи же в Малую Россию отвозилось 1,5 тысячи возов рыбы, 2 тысячи возов соли, 4 тысячи возов мягкой рухляди волчьих и лисьих шкур, тысяча лошадей, голов рогатого скота и до тысячи пудов свиного сала^[277].

Но понятное дело, что размеры новороссийской торговли должны были значительно увеличиться с приобретением побережья Черного моря и постройкой новых городов. Не имея возможности долго останавливаться на этом сложном вопросе, мы приведем только несколько цифровых данных, которые лучше всяких рассуждений охарактеризуют нам степень развития торговой деятельности в Новороссии. В течение одного 1782 года из черноморских портов морем и сухим путем было привезено в Константинополь товаров на 337 398 рублей 12 копеек. Главными предметами привоза были железо, масло, пушной товар, паюсная икра, табак, веревки, кожи. Вывезено из Константинополя в Южную Россию на 190 561 рублей 22,75 копеек,

главными предметами вывоза были вина, изюм, бумажная пряжа, шелковые товары; следовательно, отпущено было товаров из России на 146 836 рублей 89,25 копеек более, чем получено^[278]. С присоединением к России Крыма (в 1783) черноморская торговля стала развиваться с поразительной быстротой. В Таганроге ценность привозных иностранных товаров с 1782 по 1805 год возросла с 69 000 до 2, 44 млн рублей, вывозимых с 225 000 до 2, 272 млн; главными предметами вывоза были продукты местной промышленности^[279]. В 1794 году в Очаков привезено было товаров на 244 340 рублей, вывезено на 209 321 рубль, из Херсона – на 148 433 рубля, из Николаева на 106 532 рубля, привезено сухим путем из-за границы на 989 504 рубля, вывезено на 1 054 663 рубля. Одного хлеба из портов очаковского, херсонского, николаевского и таганрогского отпущено было 244 099 четвертей и 211 548 пудов. В 1804 году из одной Одессы, которая заняла первенствующее положение, было вывезено более полумиллиона четвертей пшеницы ценою в 3 млн рублей. В 1805 году торговые обороты Одессы возросли до 5,5 млн руб., за нею следует Таганрог с оборотом также в 5,5 млн, а за ними, уже довольно низко, должны быть поставлены Керчь, Еникале, Херсон, Мариуполь и Николаев. Кульминационного пункта торговые обороты достигли в 1817 году; в Одессе они равнялись 60 млн, в Таганроге 17 млн; после этого они значительно сократились и в 1822 году в четырех важнейших портах (с Одессой включительно) равнялись 31 млн рублей. Главным предметом торговли служил хлеб, потом шерсть и вообще продукты местной промышленности^[280].

В некотором соответствии (хотя, быть может, далеко не полном) с материальной культурой развилось и просвещение в Новороссийском крае. Даже в Запорожье мы находим уже некоторое число «письменных», т. е. грамотных людей и школу. После падения Сечи, в разных селениях Екатеринославской губернии, заселенных малороссиянами, существовали школы, подходящие к обычному типу народных школ в Малороссии XVIII века.^[281] Потемкин, как известно, проектировал устройство университета с академией художеств в Екатеринославе и медико-хирургического училища в Симферополе. Эти проекты не осуществились и в царствование Екатерины II были открыты в Новороссии только народные училища. Гораздо успешнее пошло дело образования в царствование императора Александра I. В Екатеринославе, Херсоне, Таганроге, Симферополе были открыты гимназии, в Николаеве – штурманское флотское и артиллерийское училища, в Одессе – мужской институт, обращенный в 1817 году в Ришельевский лицей, женский институт, коммерческое училище; в других городах и селениях были заведены уездные и городские училища, в Екатеринославе – духовная семинария; значительные библиотеки находим в Одессе (при лицее), в Николаеве (с 1803, ведомства Черноморского флота), в Севастополе; типографии – в

Николаеве (с 1798), в Одессе (с 1814), собрания древностей в Керчи и Николаеве (хранилось при Черноморском гидрографическом депо и было передано в музей Одесского общества), первую газету в Одессе (*Messenger de la Russie meridionale*)^[282].

Давая общую оценку результатов культурной деятельности народностей, заселивших Новороссийский край, мы должны будем помнить, что деятельность эта начала свободно развиваться только со времени полного умиротворения края, т. е. с покорения Крыма; в пятидесятых, шестидесятых и семидесятых годах XVIII века над нею висела еще гроза татарских набегов, а в первой половине XVIII века и в особенности в XVI-XVII веках, в запорожский период истории степей, здесь почти вся энергия русского поселенца-казака должна была уходить на оборону края, а не на развитие местной культуры, но несмотря на крайне неблагоприятные условия военного быта, в Запорожье мы заметили зачатки земледельческой, промышленной, торговой и даже умственной деятельности, и эти зачатки, конечно, заслуживают полного внимания, несмотря на их скромные размеры. Таким образом, неправ был в своем отзыве о запорожцах А. Пишчевич, который говорил, что они никакой пользы государству не приносили; неправ был и Ришелье, который заявлял, что цивилизация у запорожцев не сделала никаких успехов и что они сами старались уничтожить ее у соседей своими набегам и разбойническими нападениями^[283]; неправ был и потомок молдавского выходца-боярина Стурдзы, который в заседании сельскохозяйственного общества говорил: «мы ничего не наследовали в этой юной стране от своих предков, кроме затоптанной кочевьями степной земли, и на ней все должны создать; готовя тень, и плод, и воду, приют для потомства»^[284]. Интересно, что все эти три лица не русские, а иностранцы. С завоеванием Крыма открывается новая эра в культурной жизни Новороссийского края; отселе уже приходится вести борьбу не с татаринном, а с девственной природой края; нужно было обратить пустыню в пахотное поле, развести леса и сады, завести в широких размерах скотоводство, проникнуть в недра земли и извлекать оттуда богатства, воспользоваться вновь приобретенным побережьем Черного и Азовского морей и организовать на твердых началах привозную и отпускную торговлю и, наконец, насадить здесь семена просвещенные и образованные. И все это было достигнуто соединенными усилиями народа и государства, русских людей и иностранных поселений. Немало было сделано иностранными выходцами, из которых многие стояли на более высокой степени культурного развития, чем русские поселенцы. Нельзя умолчать о том, что они сделали для развития земледелия, скотоводства и в особенности торговли. Эта последняя, можно сказать, всецело находилась в руках греков, армян, евреев; а торговля (в особенности заграничная) создала силу, богатство и значение новороссийских городов; следовательно, никоим образом

нельзя отрицать влияния иностранных переселенцев на быстрый рост городских торговых центров. Гораздо менее заметно их влияние на сельский быт, хотя бы даже в области того же земледелия и скотоводства. Сами они, бесспорно, были лучшими сельскими хозяевами, чьи окружающее их русское население, но, благодаря их замкнутости, корпоративному устройству, степень культурного влияния на остальную массу поселенцев не могла быть велика. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что уже в середине XIX века из 3,5 млн жителей Новороссии только 102 300 человек занимались земледелием по рациональному способу, а по малороссийскому – 2,3 млн человек. Таким образом, иностранные поселенцы сделали много и для заселения Новороссийского края, и для развития в нем культуры, но, как нам кажется, меньше, чем русское население. Это последнее было поставлено в несравненно менее выгодные условия, чем иноземцы: ему приходилось еще бороться с татарами; оно получало гораздо меньше всяких льгот, чем иностранные переселенцы. О нем мало заботились и нередко оставляли его на произвол судьбы в борьбе со всевозможными препятствиями. Оно, наконец, должно было становиться по большей части в зависимые социально-экономические отношения к сравнительно небольшой группе владельцев-помещиков, которым покровительствовало правительство; а в городах ему трудно было конкурировать с богатым, опытным и поставленным в привилегированное положение нерусским купечеством. Тем не менее, несмотря на все это, русский элемент, во-первых, представлял собой господствующую группу населения по своей численности, а во-вторых, играл очень важную роль в созидании местной культуры (как материальной, так и умственной). Мы уже могли убедиться в этом на одном весьма важном примере – преобладающим способом земледелия был не иностранный, а русский; то же самое нужно сказать относительно скотоводства, игравшего такую же видную роль в экономической жизни, как и земледелие, и другие сельские промыслы; да и в городском быту нельзя игнорировать русской стихии: мы видели, что раскольники принимали не менее видное участие в торговле Елисаветграда, чем греки; да и вообще русским (великорусским и малорусским) поселенцам не чужда была торговля второй руки и разные ремесла; в некоторых городах (например, Екатеринославе) иностранцев было очень мало. Говоря все это, мы нисколько не отрицаем громадного значения иностранных выходцев в жизни края. Мы думаем даже, что необычайно быстрое развитие местной культуры объясняется, между прочим, разнообразием этнографического состава населения Новороссийского края; одна народность развивала одну сторону культуры, другая – другую. Так, по словам неизвестного автора «Описания городов и уездов Азовской губернии»^[285], великорусские однодворцы и крестьяне обнаруживали особенную склонность к земледелию, малороссияне, занимаясь земледелием, особенно любили

скотоводство; армяне – промыслы и торговлю, греки – разные мастерства, садоводство и хлебопашество и, прибавим от себя, в городах торговлю. И опыт показал, что с этими свойствами и привычками представителей разных народностей необходимо было считаться.

Все заботы правительства о развитии немецких земледельческих колоний, в состав которых вошли бывшие ремесленники, не привели ни к чему; все старания властей обратить евреев-промышленников в хороших земледельцев пропали даром.

Здесь мы подошли к вопросу о роли государства в деле колонизации Новороссийского края. Она была очень велика, как это мы могли видеть из всего предшествующего изложения. Оно, прежде всего, постаралось обезопасить этот край, возникший на самых татарских кочевьях и подвергавшийся постоянным нападениям степняков. С этой целью оно, как мы видели, устраивало крепости и целые укрепленные линии, поселяло в них военные контингенты, заводило военный флот, созидало дорого стоившие порты и адмиралтейства, основывало с торговыми и промышленными целями города, присылало для их постройки рабочих людей, ставило во главе дела в качестве руководителей колонизации своих доверенных людей. А также вызывало иностранцев, затрачивало на их устройство громадные суммы, раздавало земли частным владельцам-помещикам и отводило их государственным крестьянам и, наконец, принимало целый ряд мер к насаждению и развитию в новом крае материальной и умственной культуры. И это понятно. Сами представители верховной власти в лице Екатерины II и Александра I смотрели на заселение Новороссии, как на дело громадной государственной важности, и не щадили средств для его благополучного окончания. Мало того: сами лично интересовались им и направляли нередко его ход в ту или иную сторону; это ясно видно из переписки Екатерины II с Потемкиным и императора Александра I с Ришелье. Лица, стоявшие во главе колонизации, были очень близки к трону, пользовались громадными полномочиями и облечены были полным доверием власти. Мало того, это не были простые исполнители, а люди инициативы, принявшие на деле в большинстве случаев свои собственные проекты. Таким, несомненно, деятелем был князь Потемкин, такими отчасти были Зубов и Ришелье. Деятельность князя Потемкина, как колонизатора Новороссии, пытались оценивать уже современники. Эта деятельность возбуждала слепое благоговение у одних, сильную критику у других (в особенности у иностранцев). Кто зависел от него (а таких было громадное большинство), тот у него заискивал, льстил ему. Образчиком подобной лести может служить письмо к нему его сотрудника Фалеева, написанное по поводу пожалования «Светлейшему великолепного имения у Святогорского монастыря (Харьковская губерния): «Думаю весь тот край, – писал Фалеев, – благополучным себя почтет, что

Святогорская дача пожалована вам. Тем паче, что все тамошние обыватели, между которыми и я, по милости вашей, в оном помещик, под тенью вашего покровительства и защиты блаженствовать будут. Сей край подлинно, который в забвении и незнании по сию пору был... теперь воскреснет и лестным учинится для всякого»^[286]. И Потемкин, как мы видели на деле доктора Самойловича, не любил критики. Но такой критике подвергали его деятельность иностранцы, не довольствовавшиеся осмотром одной показной стороны, которой так любил щеголять светлейший, а обращавшие внимание и на промахи, недостатки, слабые стороны его. Так поступали император Иосиф, де Линь и Сегюр. Император Иосиф II говорил Сегюру, что все те сооружения, которые он видел в Новороссийском крае, могли быть исполнены только в рабской стране, где ни во что не ставятся жизнь и труды человеческие, где в болотах строятся дороги, гавани, крепости и дворцы, где в пустынях разводятся леса без платы или за ничтожную плату полуголодным рабочим. Если мы обратимся к современным исследованиям, то в одних увидим, главным образом, панегирик, а в других и попытку равносторонней критической оценки. К числу первых мы причисляем статью Щебальского^[287] и редакции «Русской старины»^[288]; к числу вторых монографию профессора Брикнера. Профессор Брикнер о Потемкине говорил так: «Результаты всей этой деятельности не соответствовали надеждам и намерениям Потемкина. Желая превратить Южную Россию в богатый край, покрытый садами, изобилующий городами, селами, отличающийся производительностью, густым населением и прочее, князь не мог достигнуть этой цели.

Из огромного числа деловых писем и бумаг канцелярии Потемкина видно, как многосторонняя и неусыпная была его деятельность по управлению Южной Россией; но вместе с тем в ней очевидны лихорадочность, поспешность, самообольщение, хвастовство и стремление к чрезмерно высоким целям. Приглашение колонистов, закладка городов, разведение лесов, виноградников, шелководства, учреждение школ, фабрик, типографий, корабельных верфей – все это предпринималось чрезвычайно размахисто, в больших размерах. Причем Потемкин не щадил ни денег, ни труда, ни людей. Но, к сожалению, многое было начато и брошено; другое с самого начала оставалось на бумаге; осуществилась лишь самая ничтожная часть смелых проектов»^[289]. В этих словах верно изображены слабые стороны деятельности светлейшего князя Тавриды. Мы бы сюда присоединили еще одну черту, которая, впрочем, в одинаковой степени относится и к другим деятелям – Зубову и в особенности Ришелье; это – покровительство высшему слою, составлявшему привилегированное меньшинство, и принесение ему в жертву интересов большинства. Так создавалось на новой почве крепостное право, а между тем иностранные переселенцы, только потому, что они были иностранцами, получили и сохранили за собою множество привилегий. Мы несколько

не считаем вредными эти привилегии; наоборот, мы думаем, что они-то главным образом и создали материальное благосостояние иностранных колоний. Мы только думаем, что льготы должны были быть распределены более правильно и равномерно по степени полезности, приносимой той или другой народностью, тем или иным общественным слоем. Но это была болезнь екатерининского века, которая досталась в наследие и александровской эпохе. Знаменитый, просвещенный деятель времени императора Александра I, гражданин французской империи, дюк де Ришелье также энергически отстаивал интересы крупных землевладельцев и промышленников – и относился в высшей степени отрицательно к низшему классу общества (бывшим запорожцам), хотя и пользовался для целей колонизации, беспаспортными бродягами.

О заслугах светлейшего князя и других деятелей вам говорить не приходится: они, во-первых, всем известны, а во-вторых, выяснены до некоторой степени и в настоящем этюде. То, что мы сказали выше, о роли государства, относится к Потемкину, ибо во всем этом была его инициатива и деятельность. Его ошибки именно потому и многочисленны, что его деятельность была необыкновенно обширна, разнообразна и интенсивна. Платон Зубов, по сравнению с ним, по меньшей мере неудачник: у него были потемкинские недостатки, но не было потемкинских дарований. На строение города Вознесенска он испросил у императрицы круглую сумму до 3 млн рублей, и это только для того, чтобы построить «свой» город, который бы затмил Екатеринослав, Херсон, Николаев, основанные князем Потемкиным. Деятельность Ришелье говорила сама за себя: ему исключительно Одесса обязана быстрым экономическим ростом и благоустройством. Заслуживают также доброго слова второстепенные и третьестепенные деятели: Каховский, Синельников, Фале ев, Контениус, полковник Колпак и многие другие. Не все они оказали одинаковые услуги: одни сделали больше, другие меньше; не будем слишком строги к тем, которые думали сделать очень много, а в результате вышло мало. Немало было сделано удачного, полезного, жизненного, много также неудачного, необдуманного, иногда вредного; одни руководствовались идеей общественного блага, другие просто исполняли свой долг, третьи стремились к славе, четвертые не чужды были и корыстных побуждений.

Но результаты общих усилий были очень существенны: путем оружия и мирного наступательного колонизационного движения приобретены и заселены были новороссийские степи и в них насаждена значительная материальная и умственная культура.

**Список литературы, использованной
Д. И. Багалеем**

Андриевский А. А. Материалы для истории Южнорусского края в XVIII ст. (1715–1774), извлеченные из старых дел Киевского губернского архива. Одесса. 1886.

Аркас З. А. Начало учреждения Российского флота на Черном море и действия его, с 1778 по 1798 год. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 4.

Арсений (Иващенко). Сафроний Добрашевич, архимандрит Новой Сербии. // Киевская старина. 1884, октябрь. С. 276–304.

Афанасьев-Чужбинский А. С. Поездка в Южную Россию. СПб. 1861. Ч. 1–2.

Боплан Гийом ле Вассер де. Описание Украины от пределов Московии до границ Трансильвании. Пер. Н. Г. Устрялова. СПб. 1832.

Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Екатерины II. СПб. 1885. Ч. 1–5.

Брикнер А. Г. Потемкин. // Новь. 1887. Т. 13–17.

Брикнер А. Г. Путешествие императрицы Екатерины II в Крым. // Исторический вестник. 1885, сентябрь.

Владимиров М. М. Первое столетие Екатеринослава (материалы для исторического очерка). Екатеринослав. 1887.

Гавриил (Розанов). Переселение греков из Крыма в Азовскую губернию. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1844. Т. 1. С. 197–204.

Гавриил (Розанов). Очерк повествования о Новороссийском крае из оригинальных источников почерпнутый. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 3. 1853; т. 5. 1863.

Güldenstädt J. A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge / Auf Befehl der Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von R. S. Pallas. St. Petersburg: Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften. Bd. 1. 1787; Bd 2. 1791.

Дюгуров А. А. De la civilisation des tatars-nogais dans le midi de la Russie europeenne. Харьков. 1816.

Дримпельман З. В. Записки немецкого врача о России в конце прошлого века // Русский архив. 1881. Кн. 1. Вып. 1. С. 32–51.

Егоров А. И. Екатеринославское блукание. Екатеринослав. 1887.

Измайлов В. В. Путешествие в полуденную Россию (1800–1802). М. 1805.

Castelnau Gabriel de. Essai sur Ehistoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie. Paris. 1820. V. 1–2.

Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса. 1844–1883. Т. 1–13.

Киевская старина. Киев. 1882–1889.

Кирияков М. М. Историко-статистическое обозрение Херсонской губернии. // Материалы для статистики Российской империи. СПб. 1839.

Клаус А. А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СП, 1869.

Корж Н. Л. Устное повествование, бывшего запорожца, жителя Екатеринославской губернии и уезда, селения Михайловки Никиты Леонтьевича Коржа. Одесса. 1842.

Корольков К. Н. Столетний юбилей Екатеринослава. Екатеринослав. 1887.

Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобицах, бывших в Малой России по его смерти. Киев. 1878.

Летопись Самуила Величко. / Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. Киев. 1848–1864. Т. 1–4.

Львовская летопись. / Летописец русский от пришествия Рюрика до кончины царя Иоанна Васильевича. СПб. 1792. Ч. 1–5.

Ляликов Ф. И. Исторический и статистический взгляд на успехи умственного образования в Новороссийском крае. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1848. Т. 2. С. 330–356.

Лясота З. Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 году. Пер. Ф. Вруна. СПб. 1873.

Манжура И. И. Картинка введения екатерининских порядков в Западном крае. // Екатеринославский юбилейный листок. 1887. № 2.

Манштейн Х. Г. Записки генерала Манштейна о России. 1727–1744. СПб. 1875.

Материалы для оценки земель Херсонской губернии. Составлено Статистическим отделением при Херсонской губернской земской управе. Херсон. 1886. Т. 1–3.

Мейер А. К. Повественное, землемерное и естественное описание Очаковской земли. СПб. 1794.

Мурзакевич Н. Н. Афанасий Федорович Колпак. Новороссийский колонизатор. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 12. 1881. С. 462–464.

Мышецкий С. И. История о казаках запорожских. Одесса. 1851.

Надхин Г. П. Память о Запорожье и о последних днях Запорожской Сечи. М. 1877.

Никитин В. Н. Евреи-земледельцы. 1807–1887 гг. СПб. 1887.

Никоновская летопись. / Русская летопись по Никонову списку. СПб. 1767–1792.

Орлов А. А. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. Одесса. 1885.

Paysonnel Claude-Charles de. Traite sur le commerce de la mer Noir. Paris. 1787.

Письма о Крыме, Одессе и Азовском море. М. 1810.

Пишчевич А. С. Примечания на Новороссийский край. // Киевская старина, 1884, № 1 (январь).

Пишчевич С. С. Известие о походе Симеона Степановича Пишчевича. 1731–1785. М. 1884.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб. Собрание первое. 1830. 48 т. Собрание второе. 1830–1885. 55 т.

Руссов А. А. Несколько выводов из статистических трудов по Черниговской и Херсонской губерниям // Издание Херсонской губернской земской управы. 1888.

Руссов А. А. Русские тракты в конце XVII и начале XVIII веков и некоторые данные о Днепре из атласа конца XVII века. Киев. 1876.

Русская старина. 1875. Т. XII, XIII, XIV.

Самойлов А. Н. Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. Русский архив. 1867. № 4.

Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах, ей прилежащих, издаваемый В. А. Дашковым. М. Кн. 1., 1868. Кн. 2., 1873.

Сборник Императорского русского исторического общества (СИРИО). СПб. 1867–1889.

Скальковский А. А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса. 1848.

Скальковский А. А. История Новой Сечи или последнего коша Запорожского. Одесса. 1841 (2-е издание 1846, 3-е – 1885–1886). Т. 1–3.

Скальковский А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса. 1850–1853. Ч. 1–2.

Скальковский А. А. Русские диссиденты в Новороссии. // Киевская старина. 1887, апрель. С. 771–782.

Скальковский А. А. Сравнительный взгляд на Очаковскую область 1790 и 1840 гг. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1844. Т. 1.

Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края (1730–1823). Одесса. 1836, 1838. Т. 1–2.

Смольянинов К. М. История Одессы. Исторический очерк. Одесса. 1853.

Соколов А. П. Распоряжения и предположения князя Потемкина-Таврического об устройстве Черноморского флота и города Николаева. // Морской сборник. Т. 19. 1855, № 11.

Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской империи землям. 1774 год. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1878. Т. 7.

Tott François de. Mémoires du baron de Tott sur les les Turcs et les Tartares. Amsterdam, 1784.

Феодосий (Макаревский). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Екатеринослав. 1880. Т. 1-2.

Чирков А. Краткий исторический очерк города Херсона. // Памятная книжка Херсонской губернии, изданная Херсонским губернским статистическим комитетом на 1864 год. Херсон, 1864. Приложение. С. 1-17.

Шмидт А. О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Её Императорского Высочайшего штаба. Херсонская губерния. СПб. 1863.

Шмидт А. О. Краткий исторический взгляд на Херсонскую губернию. // Труды Херсонского губернского статистического комитета. Кн. 1. Ч. 1. 1863.

Щебальский П. К. Потемкин и заселение Новороссийского края. М. 1868.

Щербина Ф. А. Беглые и крепостные в Черномории. // Киевская старина. 1883, № 6.

Эварницкий Д. И. Число и порядок запорожских сечей с топографическим очерком Запорожья // Сочинения Д. И. Эварницкого. Киев, 1884.

Юрченко П. О. Историко-статистический очерк торговли города Херсона. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1881. Т. 13.

Ястребов В. Н. Ереки в Елисаветграде (отрывок из истории колонизации 1754-1777). // Киевская старина. 1884, апрель. С. 673-684.

Ястребов В. Н. Очаков. Зима по современному описанию. Киевская старина. 1884. № 8.

Приложения

Дримпельман Э. В

Записки немецкого врача о России в конце прошлого века^[290]

Доктор Эрнест Вильгельм Дримпельман, автор печатаемых Записок, родился в 1758 году в Мекленбургском городе Бютцове. По окончании курса в университете, Дримпельман, не имея возможности пристроиться на родине, отправился искать счастья в Копенгаген и получил место в Датском флоте. В качестве корабельного врача

Дримпельман совершил путешествие в Батавию. Возвратясь оттуда, он поехал в Бютцов, где встретился с одним из своих родственников, который уже девять лет служил дивизионным доктором в России. Рассказы сего последнего о выгодах службы в этой стране склонили молодого человека ехать в Петербург, куда он и прибыл в сентябре 1779 года. Северная столица произвела на приезжего большое впечатление. Некоторое время он посещал лекции наших профессоров для пополнения своих сведений по анатомии и хирургии. В 1780 году Дримпельман получил место в морском госпитале в Кронштадте. В 1781 году с эскадрою адмирала Круза он побывал в Англии и Норвегии. В Христианштадте Дримпельман был свидетелем торжества, которым русские моряки почтили день 28 июня. Артиллеристы заблаговременно приготовили все необходимое для большого фейерверка, который и был сожжен на море в полуверсте от города. Вечером в городе был бал и иллюминация. Праздник завершился ужином. В следующем году Дримпельман ходил в плавание в эскадре адмирала Чичагова в Италию. В 1783 году он переселяется на Юг, где проводит несколько лет в частых командировках и переездах из одного города в другой. Эта кочевая жизнь продолжается до 1790 года, когда, наконец, он перебирается в Ригу, где и остается до своей смерти, последовавшей 20 июля 1830 года. Добившись спокойного, обеспеченного положения, Дримпельман занялся учеными трудами и между прочим написал свои Записки, которые были напечатаны в Риге в 1813 г. под заглавием: *Beschreibung meiner Reisen und der merkwudigen Begebenheiten meines Lebens* (in 8° XV – f 212). Эту книжку автор посвятил своим родным, и потому многие страницы в ней имеют значение только личное и семейное. Опуская такие места, мы остановимся на тех, которые могут быть занимательны для русских читателей.

Алексей Круглый

В 1783 году по высочайшему повелению послано около тысячи солдат из Кронштадтского флота и несколько тысяч рекрут в Херсон для снабжения людьми недавно основанного Черноморского флота. Солдаты разделены на несколько партий. Одну из них сопровождал в качестве врача Дримпельман.

Чума в Херсоне

Мы приближались к месту нашего назначения– Херсону; но вести, которые получались отовсюду о состоянии здоровья тамошних жителей, не могли заставить нас радоваться окончанию путешествия. Еще в Чернигове говорили, что в Херсоне свирепствует какое-то злокачественное поветрие. В Кременчуге нам подтверждали это

известие и прибавляли, что, по достоверным сведениям, в Херсоне действительно распространилась чума и в короткое время похитила несколько сот человек. Можно себе представить, каково было тем, которые, достигнув цели своего странствования, должны были идти навстречу почти неизбежной гибели.

Команда наша, пробыв в дороге целых два месяца и пройдя, от Петербурга, 1800 верст, прибыла наконец в Херсон. Уже за несколько верст до самого города дым и пар, застилавшие на большое пространство небосклон, не предвещали ничего хорошего. Чем дальше мы подвигались, тем грознее становилось зрелище. Повсюду нагроможденные кучи всякого мусора, который надо было поддерживать в постоянном горении, чтобы посредством дыма и пара сколько-нибудь отнять у зараженной атмосферы злокачественную силу. Но все это нисколько не помогало: чума продолжала свирепствовать среди несчастного населения Херсона. Мои спутники – команда моряков и рекрут – вступили в город. Был сделан смотр, и солдат разместили по квартирам. Меня назначили в устроенный в двух верстах от Херсона и определенный для приема зараженных карантин, в котором уже погибло несколько врачей. Здесь увидел я страдание, отчаяние и уныние среди нескольких сот людей, положение которых настоятельно требовало сочувствия того, кто едва был в состоянии подать им помощь. Им нельзя было и помочь, так как болезнь уже слишком развилась. Мои молодцы-рекруты, хотя большинство их прибыло в Херсон здорово и невредимо, все почти перемерли. Прибытие их совпало как раз с тем временем, когда поспевают арбузы, дыни, огурцы и другие произведения полуденной России; они продаются на Херсонском базаре в бесчисленном множестве и по невероятно дешевой цене. Прелесть новизны и приятный вкус этих продуктов соблазняли новичков. У них началась диарея, которая в соединении с постигшею их чумою неминуемо должна была приводить к совершенному истощению.

Отведенное мне при карантине помещение, как и самое здание для приема больных, было такое же, что и у всех служащих, т. е. вырытая в горе землянка, крытая для защиты от ветра и непогоды камышом и землею. Деревянные рамы, затянутые масляною бумагою, служили окнами. В самом карантине ежедневный список умерших был не мал. Он умножился от прибавления тех, которые умирали в городе на своих квартирах. Сверх того нередко случалось, что заразившиеся и захворавшие люди умирали внезапно, и потому были определены арестанты, называемые по-русски каторжниками, которые каждый день ходили по улицам с тележкой, чтобы подбирать попадавшие трупы и погребать их вне города на отведенном для того месте. Чтобы через них не распространилась как-нибудь зараза, один из каторжников должен был носить впереди тележки белый флаг на

палке так, что при его появлении каждый вовремя мог сворачивать в сторону.

Целые два месяца этой службы при карантине я находился в добром здоровье, употребляя все известные мне предосторожности, чтобы и впредь иметь возможность подавать помощь бедствующим жителям Херсона. Наконец пришел и мой черед выдержать болезнь. У меня началась головная боль, потеря аппетита и слабость во всем теле. На второй день болезни я заметил опухоль подкрыльцовых и подвздошных желез. Что я заразился чумою – в этом не могло быть сомнения. Я немедленно велел открыть распухшие железы и старался поддерживать их в постоянном нагноении, и таким образом избежал близкой смерти. Все те, которые подобно мне захворали и подверглись принятой мною методе лечения, тоже были спасены. Об этом свидетельствуют находящиеся с того времени рубцы на моем теле.

Всякая заразительная болезнь, как видно по Херсонской чуме, имеет свое время, в продолжение которого она оказывает губительное влияние на жизнь человека. Она похищает значительное число людей и затем прекращается, иногда с изумительною быстротою. Чума свирепствовала в Херсоне целых два года. Не найдется, конечно, ни одной болезни ужаснее чумы, как узнал я по собственному опыту. Страшно смотреть, как люди валяются замертво на улицах. Иной, только что вышедший из дому бодрый и здоровый, вдруг падает в судорогах, которыми сопровождается чума, и испускает дыхание. В карантине я жил в вышеописанной землянке с одним доктором и хирургом. Накануне вечером все мы легли спать совершенно здоровые, а на другое утро хирурга нашли мертвым в постели: он умер неожиданно даже для нас.

Во время этой ужасной чумы оправдалось неоднократно сделанное замечание, что всякая заразительная болезнь прежде всего постигает того, кто ее боится и употребляет все, какие только можно выдумать, средства, чтобы избежать ее. Другой же, напротив, смело и твердо идет навстречу болезни и скорее может рассчитывать на спасение от грозящей опасности. Всего меньше, сколько мне известно, умерло каторжников; они, как я уже сказал выше, обязаны были убирать попадавшие на улицах трупы и умерших в карантине и закапывать их за городом в ямах с известью. Напротив, те жители города, которые тщательно охраняли свои дома и прекращали всякие сношения с другими, все-таки заражались чумою и по большей части умирали, и притом внезапно.

Наконец, когда бедствие оставшихся в Херсоне жителей достигло высшей степени от совершенного прекращения подвоза съестных припасов, Бог послал на помощь несчастным своего ангела-хранителя. Чума совсем прекратилась. Карантин был сломан и сожжен; все оставшиеся в живых люди, числом около четырех сот выпущены из него, как здоровые, и отправились по домам. Перед возвращением на

место жительства все обмывались уксусом, а все платье было предано огню, чтобы снова не вызвать только что прекратившейся болезни. Взамен того каждый получал от казны рубаху, овчинный тулуп, шапку, пару чулок и обувь. Служащие получили не только полное содержание, но сверх того и вознаграждение за понесенные во время чумы убытки, чтобы могли заново всем запастись.

Саранча

Только что начал Херсон оправляться от этого бедствия, или по крайней мере начал надеяться на лучшие времена, как новая беда – саранча, постигла несчастный город. Еще до 17 июня 1785 в окрестностях Херсона появились небольшие отряды этих странствующих насекомых. Но опытные запорожские казаки основательно заключали о большом количестве их, и это предсказание, основанное на неоднократных наблюдениях, исполнилось, к сожалению, довольно скоро самым точным образом. Июня 17-го, среди дня, в 11-м часу, при совершенно ясном небе, поднялись вдруг черные облака, медленно подвигавшиеся к Херсону. Эти кажущиеся облака были не что иное, как миллионы перелетной твари; несколько роев ее пронеслось над городом и на время затмило собою солнце. Но значительное количество опустилось на Греческий форштадт Херсона. Улицы и крыши домов покрылись этою гадиною, слоем в полфута толщиною. Как ни старались обыватели запирать окна и двери от непрошенных гостей, предосторожность эта мало помогала. Через трубу и Бог знает еще какими путями саранча проникала в дома, и вид ее возбуждал везде удивление и ужас. В час пополудни подул свежий ветер; саранча поднялась и продолжала свой полет в Очаковскую степь. Но несколько сот тысяч насекомых, лихась от тесноты крыльев и получив повреждения, осталось и опять, конечно, заразило бы воздух, если бы их вскоре не собрали и не побросали в Днепр.

Кораблекрушение в Черном море

В 1786 году меня назначили на военный 72-пушечный корабль «Святой Александр», который несколько месяцев тому назад был спущен в Херсоне, снабжен соответственным экипажем и должен был присоединиться в Севастополе к Черноморскому флоту. Приняв у Кинбурна на борт необходимую артиллерию, мы 26 августа отправились с попутным ветром в море; но едва вышли из лимана, как ветер переменился, и мы увидели себя в необходимости снова бросить якорь у острова Ады. 27 числа вечером, в 8 часов, ветер опять сделался попутным; весело снялись мы с якоря и на всех парусах пустились в

море. Но роковой час пробил. Памятный мне и всему экипажу ужасный день! Двадцать миль, пройденные нами в три часа, были первыми и последними, которые сделал «Святой Александр». В двенадцатом часу ночи ветер внезапно превратился в бурю, шедшую с моря, и погнал со всею силой корабль на берег. Руль и паруса отказывались служить, и стало очевидно, какая ужасная участь ожидала всех нас. Все, что только могли сделать искусство и человеческие силы, было сделано, чтобы по возможности спасти корабль и людей. Действительно, даже теперь еще, когда я вспоминаю о том ужасном положении, в котором мы находились, когда думаю об этом хладнокровно, меня прохватывает дрожь. Громадными волнами и силою свирепевшей бури наш корабль бросило на камни и разбило у Таврического берега, недалеко от Тарханхута. Было половина первого ночи. Покрытое облаками небо, придававшее еще более ужасный характер этой ночи, скрывало от наших глаз близлежащую землю. Ни звездочки не было видно; а на нее страдающий человек, угнетенный чувством бессилия, охотно смотрит, как на символ близкой помощи. По-видимому было неизбежно, что из всех 800 человек, составлявших экипаж судна, ни один не спасется от бесславной смерти в волнах. Рубка мачт, бросание за борт пушек, с целью облегчить судно и по возможности помешать ему погрузиться в воду, ужасное смятение среди людей, одно это уже могло навести страх на самого твердого человека. Каждый, думая, что и его ничтожный багаж может обременять корабль, бросал его за борт. Наконец, все было очищено. Корабль засел между двух камней, до половины наполненный водою, и вдобавок каждая значительная волна приподнимала его и снова ударяла о скалы. Ежеминутно ждали, что он совершенно развалится. Казалось, недостает еще только одного удара волны, чтобы все мы безвозвратно погибли. Самому командиру корабля, капитану Домажирову, ничего не оставалось более, как объявить экипажу, чтобы каждый приготовился молитвою к смерти, так как уже нет спасения от гибели. Тут произошла сцена, которая по своему потрясающему действию превзошла все до сих пор бывшее с нами. Весьма многие из матросов и морских солдат, которым навсегда приходилось остаться в Севастополе, были женаты. Между мужьями и женами раздавались крик и плач, которых не передаст никакое описание; ибо самый простой Русский питает нежное чувство к своей жене, и кому же неизвестно, как страстно они любят своих детей? Явился корабельный священник: все плача и молясь пали на колена; матери поднимали вверх своих малюток и молили, чтобы Бог сжалился хоть над их неповинностью, если уже сами они должны погибнуть. Жаркие мольбы громко воссылались к небу и заглушались ужасным шумом волн и бури. Уныние и отчаяние на всех лицах.

Благодетельное влияние оказывают лучи живительного солнца, падая на предмет, который нуждается в их действии. Так было и с нами. Хотя и медленно, но тем радостнее восходило для нас солнце

надежды и новой жизни. Едва забелелось утро того дня, который после столь ужасной ночи должен был решить нашу участь, как море стало успокаиваться. Любовь к жизни и надежда на дальнейшее сохранение ее возвратились в сердца измученных людей: вблизи оказалась земля, которую Провидение предназначило для спасения нашего от гибели. Тотчас же были спущены три корабельные шлюпки. Кто не умел плавать – прыгал в одну из них, и таким образом были спасены по крайней мере те, которые наиболее нуждались в помощи. Триста человек экипажа, не попавших на лодки, должны были попытаться переплыть от места нашей стоянки до берега, находившегося на расстоянии почти целой версты, и все благополучно вышли на сушу. Только несколькими больными, которые лежали в нижней части корабля и о которых забыли в минуту общей опасности, пришлось погибнуть от воды, врывавшейся с неудержимою силой.

Теперь самое важное для нас, столь счастливо спасшихся, было ближе узнать землю, которая нас приняла. И тут наше прежнее уныние обратилось в радость и довольство. Берег, на который мы вышли, был пуст; никакого следа, чтобы люди посещали его или тут жили. Сверх того у нас явилось две потребности, удовлетворения которых так настоятельно требует природа, не допуская никакого отлагательства: разумею потребность в пище и еще больше в свежей воде. Из разбитого корабля, обломки которого, к счастью, держались еще в продолжении нескольких дней, мы ничего не могли взять в день нашего спасения по причине весьма сильного волнения. На другой день, напротив, буря прекратилась совершенно, море успокоилось, и можно было безопасно попытаться послать лодки с людьми на разбитое судно, чтобы достать находящиеся там съестные припасы. Бочки с мясом, сухарями, которые, к сожалению, уже очень попортились от морской воды, с водкою и, что всего важнее, бочки со свежою водою были привезены на берег, и таким образом люди были на некоторое время спасены от голодной смерти. Озабочиваясь тем, что предстоит впереди, капитан Домажиров послал в самый день нашего избавления несколько человек в глубь страны, разузнать, нет ли какого-нибудь селения или, по крайней мере, человеческих следов; посланные возвратились вечером усталые, измученные, истомленные голодом и принесли неутешительное известие, что куда они ни ходили, все было пустынно и необитаемо, как и самый берег. На другой день снова были посланы на разведку офицер, два солдата и один татарин в качестве толмача. Из предосторожности им дали провианта на несколько дней. Пройдя несколько миль, они нашли лошадиный след, который привел их, наконец, к казачьей станции, какие существовали тогда в Тавриде. Здесь нашли они казака, обязанность которого состояла в том, чтобы отправлять почту и доставлять письма из Левкополя в Козлов. Казак проводил наших искателей в ближайшую

богатую татарскую деревню, откуда они потом прошли до места жительства каймакама.

К счастью, известие о крайнем положении потерпевших крушение было обращено к человеку благомыслящему и сострадательному: каймакам тотчас же распорядился послать на берег обоз в 13-14 фур со всякою провизиею и питьем. Только на шестой день с тех пор как мы томились в нашем случайном изгнании прибыл караван, в сопровождении самого каймакама и посланных нами людей. Весьма естественно, что мы уже опять начали было мучиться опасениями, не заблудились ли наши люди, или не погибли ли от недостатка в съестных припасах в пустыне, потому что мы считали пустынею эту страну. Представьте же себе, что было с людьми, которые, принужденные, разумеется, к тому необходимостью, ограничивали свое пропитание в продолжение нескольких дней сухарями, почти негодными в пищу, от проникшей в бочки и мешки морской воды, скудно отмеренною порцией свежей воды и небольшим стаканом хлебного вина; вдруг они видят, что к ним везут съестные припасы. Громкий крик в подобных случаях есть первое проявление ощущаемой радости, которая и выражалась на лицах и в словах всех наших людей, как скоро у места крушения остановились запряженные верблюдами арбы, т. е. двухколесные татарские телеги. Благодаря заботливости и усердному содействию достопочтенного каймакама, мы на 12-й день после кораблекрушения были снабжены необходимыми перевозочными средствами, которые состояли из упомянутых телег, запряженных верблюдами или быками. Мы могли теперь отправиться в Козлов (Евпаторию), в который и прибыли 16 сентября 1786 г., миновав на пути несколько татарских деревень с зажиточным населением. Начальствовавший в Козлове чиновник вскоре распорядился перевезти людей в Севастополь на нескольких стоявших в гавани судах. По долгу службы я сопровождал их и, по благополучном переезде, мы достигли 19 сентября до места нашего назначения.

Севастополь в 1786 году

Севастополь расположен в каменистой, вовсе не имеющей приятных или величественных видов местности западной Тавриды. Еще менее можно найти в нем замечательные памятники древнегреческой архитектуры, хотя торговля греков во все времена, с тех пор как они являются в истории, была весьма значительна в так называемом Херсонесе Таврическом. Только знаменитая морская гавань, которою Севастополь должен гордиться и в которой со времени владычества русских имеет свое пребывание военный Черноморский флот, замечательна своею обширностью и безопасностью. Гавань состоит из трех бухт и окружена высокими каменными горами, которые лишь на

вершинах своих скудно покрыты плодородною землею; слой ее при подошве и в промежуточных лощинах достигает толщины пяти футов и в изобилии производит разного рода кормовые травы. Город в то время не имел улиц; а дома, магазины и другие постройки, исключительно деревянные, были разбросаны между скал. Меня особенно интересовала здесь вырытая в скале пещера, находившаяся в конце гавани и лучше других, ей подобных, сохранившаяся. Камень, в котором ископана сия пещера, имел в основании сто десять футов, высота простиралась, наверно, более 80 футов. Масса его состояла из шифера, известняка и еще какой-то раковинной породы, в которой попадались окаменелые рыбы, жабы, лягушки и т. п. Такая масса легко уступает долоту и молоту; жилище, в котором я мог ясно различать некоторые комнаты, лестницы и ходы, было устроено в этой скале, наверно, еще в те времена, когда византийские императоры владели северным берегом Черного моря. Посреди грота находилась довольно обширная часовня, в которую проникал слабый свет чрез отверстие, сделанное под крышею. На потолке еще видны следы вырезанного креста, из чего можно заключить, что обитателями этой пещеры были греческие монахи, которые часто вели отшельническую жизнь. В позднейшие времена татары, как враги христианского символа, уничтожили крест, или губительное время истребило его, так что, когда я посетил эту пещеру, от креста оставались уже только ничтожные следы.

Из Севастополя Дримпельман отправился в Константинополь, затем жил несколько времени в Херсоне. Отсюда он совершил поездку в Ригу, где женился. На возвратном пути Дримпельман съехался в Нежине со свитою императрицы Екатерины, путешествовавшей в Тавриду, и сделался таким образом очевидцем пребывания Государыни в Херсоне.

Путешествие Екатерины II в Херсон

Город Нежин, ведущий значительную торговлю с Турциею, Силезиею и Лейпцигом, которая находится главным образом в руках русских и греков, был необыкновенно оживлен вследствие ожидавшегося проезда императрицы Екатерины II. За день до нас сюда прибыло много чиновников из императорской свиты. На следующий день ожидали самой Государыню, которая должна была из Нежина отправиться через Кременчуг, а оттуда по Днепру в Херсон, где, как известно, было условлено ее свидание с императором Иосифом II. Действительно, в назначенный день великая Императрица прибыла в Нежин, обедала здесь и в тот же день после обеда продолжала свое знаменательное путешествие. По недостатку в лошадях, весьма естественному при таких обстоятельствах на новороссийских станциях, мы не без основания должны были опасаться задержки, если бы нам не

удалось присоединиться к императорской свите. Мы были столь счастливы, что могли воспользоваться этою честью. Так как меня везде принимали за врача, состоящего при Государыне, то по предъявлении подорожной мне без дальнейших проволочек давали лошадей. Из всех путешествий, какие я совершал на своем веку, ни одного не было для меня приятнее и занимательнее; иначе, впрочем, и быть не могло при столь многочисленной свите, как тогдашняя императорская. На всех станциях, где останавливалась свита для завтрака, обеда или ужина, меня с женою и приятелем приглашали в общество, за что я обязан был более всего любезности состоявшего в свите Императрицы доктора Роскина, с которым я близко сошелся, уезжая из Нежина. На всем пути от Петербурга до Кременчуга, особенно в таких местах, которые были неудобны для приема Государыни, выстроены были простые, но просторные деревянные дома, великолепнейшим образом отделанные и меблированные; устройство их немало способствовало приятности этого путешествия. 11-го Мая 1787 года, утром в 11 часу, прибыла Императрица в Кременчуг. Говорят, что в это самое время вели на место казни какую-то важную преступницу (о противозаконных поступках которой я не мог узнать) для наказания кнутом. Императрица, которая на всем пути уже дала столько доказательств своего человеколюбивого нрава, была и здесь столь милостива, что освободила преступницу от присужденного ей кнута и смягчила наказание. Из Кременчуга Императрица поехала водою в Херсон, для чего заранее были сделаны все распоряжения; мы же продолжали наш путь, который до Херсона составлял более 300 верст, через так называемую Таврическую степь. Починка экипажа была причиною остановки на несколько дней; поэтому весьма понятно, что мы, приехав в Херсон, нашли уже там Государыню. За несколько дней перед тем прибыл также Иосиф II под именем графа фон Фалькенштейна и тотчас же представился Императрице. Пребывание обеих коронованных особ в Херсоне продолжалось около трех недель. Устроенные торжества и празднества начались тем, что были спущены два вновь выстроенные военные корабли. Чтобы жители Херсона и его окрестностей могли также принять участие в этом зрелище, через Днепр заранее были построены три плавучие моста с перилами для защиты от солнца и дождя, снабженные крышею, которая была покрыта зеленою клеенкой. Между обоими крайними мостами, на которых помещались военные и прочие зрители, находились подмостки, с которых должны были сойти корабли. Средний помост, назначенный для Императрицы, графа Фалькенштейна и высших знатных особ, особенно отличался великолепными и с большим вкусом прибранными украшениями. Для спуска было назначено 2-е Июня. Ясное безоблачное небо обещало беспрепятственное наслаждение многим тысячам, собравшимся смотреть на это торжественное зрелище. За день вперед, всем офицерам полков, стоявших в самом Херсоне и его окрестностях, и

офицерам флота было приказано собраться в назначенный для предстоящего торжества день к десяти часам утра в цитадели. К одиннадцати были сделаны все остальные распоряжения для достойного приема Царицы. От императорского дворца до верфи, находившейся почти в полуверсте, путь был уравнен и покрыт зеленым сукном на две сажени в ширину. С обеих сторон стояли офицеры, которые охраняли путь и разнообразные мундиры которых привлекали взоры зрителей. На месте спуска были выстроены высокие подмости с галерею, где помещались музыканты. В конце устроенного для Императрицы помоста стояло кресло под балдахином, из голубого бархата, богато украшенным кистями и бахромою. В час пополудни Государыня вышла из дворца в сопровождении графа Фалькенштейна и многих высоких особ своего и Венского дворов. Граф шел с правой руки, а с левой – Потемкин. Государыня явилась запросто, в сером суконном капоте, с черною атласною шапочкой на голове. Граф также одет был в простом фраке. Князь Потемкин, напротив, блистал в богато вышитом золотом мундире со всеми своими орденами. При приближении Государыни, с помоста дан сигнал к спуску кораблей пушечным выстрелом. С галереи раздалась музыка, а с валов цитадели – гром пушек. Тотчас после того увидели, как колосс военного корабля, сначала торжественно-тихо, а потом быстрее сдвинулся с возвышения, на котором стоял, и сошел в Днепр. Затем, вскоре за первым, последовал второй корабль, причем крики ура тысячной толпы, музыка и гром пушек делали зрелище величественным. Выразив полное свое удовольствие всем участвовавшим в построике и спуске кораблей, ее Величество изволила щедро наградить старших и младших строителей и много других лиц золотыми часами и табакерками и отправилась обратно во дворец. Тогда на плавучих мостах были накрыты обеденные столы, уставленные в изобилии кушаньями и напитками, за которые могли садиться офицеры и всякий являвшийся в приличной одежде, также и дамы. На открытом месте, между Греческим форштадтом и цитаделью, находились в большом количестве вино и водка для простого народа, который до ночи толпился и шумел вокруг постоянно наполняемых бочек. Вечером был сожжен прекрасный фейерверк, а при дворе был бал, на котором число присутствовавших особ обоего пола простиралось за тысячу.

Следующие дни, в продолжение которых Монархиня счастливила своим присутствием Херсон, были проведены частью в дружеской беседе, частью в поездках и прогулках пешком, в чем иногда принимал участие и граф Фалькенштейн. Самая замечательная из прогулок была та, которую Императрица в сопровождении графа и большой свиты совершила вниз по Днепру до Кинбурна и Очакова. По высочайшем возвращении в Херсон было отдано приказание приготовиться к отъезду в Петербург, и через три дня ее Величество отбыла из Херсона в вожденном здравии, напутствуемая благословениями верных

подданных. На другой день отправился и граф Фалькенштейн со своею свитою обратно в Вену. Многие высокие и знатные особы, которые посетили Херсон во время пребывания в нем Императрицы, также уехали через несколько дней.

Вторая Турецкая война

В исходе 1787 года была объявлена война с турками. Все войска, стоявшие в Херсоне и его окрестностях, получили приказ о скором выступлении, чтобы двинуться навстречу войскам султана, которые, по слухам, простирались от 60 до 70 тысяч человек и уже перешли через Дунай. Наша армия, тоже усиленная, могла тем легче отразить наступление турок на русские пределы, что Суворов (пожалованный впоследствии в князья) с горстью солдат так мужественно отразил первое нападение врага у Кинбурна, что сей последний не отваживался более переходить границы своей земли. Тогда же были окончены приготовления к столь знаменитой впоследствии и в 1788 году благополучно оконченной осаде Очаковской [крепости], и решено было обстреливать с моря и суши эту крепость, одинаково важную для обеих воюющих сторон. Возвышенное положение ее и необыкновенно толстые стены были главнейшими причинами того, что приступы к крепости, раньше несколько раз деланные со стороны моря, не удались. Стоявшие на Днепровском лимане бомбардирские суда, на одном из которых я находился, могли производить своею артиллерией лишь слабое действие. Штурм с твердой земли, для которого представился удобный случай только осенью 1788 года, должен был довершить то, чего еще не было сделано до сих пор. Штурм этот стоил, конечно, жизни нескольким тысячам наших храбрых солдат; но опыт последующих годов показал, как прочно чрез это приобретение защищены границы Российского государства и обеспечена торговля на Черном море.

В то время, как началась уже осада Очакова, я получил из Херсонской Адмиралтейс-коллегии приказ такого содержания: начальник расположенной в городе Мосцне (в тогдашней Польской Украине) команды, кригс-комиссар Плетенев, прислал в Адмиралтейство уведомление и просил, в виду множества больных, которые настоятельно требовали врачебной помощи, удовлетворить эту нужду. Адмиралтейс-коллегия решила послать туда меня. Я должен был поэтому немедленно явиться в канцелярию Адмиралтейс-коллегии за получением необходимых для этой поездки инструкций. Разумеется, ничего не могло быть приятнее для меня этого известия. Я поспешил к своему командиру сообщить ему о полученном приказе; но он уже был извещен об этом Адмиралтейс-коллегиею и потому уволил меня от занимаемой мною должности. Был уже поздний вечер, когда я получил

отпуск. Мне надо было еще кое-что привести в порядок, и поэтому я мог только на следующий день выехать из Кинбурна. Так как я взял почтовых лошадей, и в дороге не случилось никаких задержек, то я приехал в тот же день вечером в Херсон, где жена моя в беспокойстве и опасениях провела несколько недель моего отсутствия.

На другой день по приезде отправился я в канцелярию Адмиралтейс-коллегии, где получил предписание составить список медикаментов и взять их из аптеки. На третий день я уже был готов со своею аптекой. Мне выдали следуемые прогоны и для сопровождения дали двух солдат и одного русского фельдшера. От Херсона до Новомиргорода, небольшого городка тогдашней Киевской губернии (впоследствии Вознесенского наместничества, уничтоженного в 1796 году), приходилось ехать пресловутою степью в 400 верст, в которой, по крайней мере в те времена, на пространстве тридцати-сорока верст попадалось не более одной самой дрянной, ветхой лачуги, где, кроме водки, нельзя было найти никаких съестных припасов или других удобств. Каждый путешественник должен был запастись в достаточном количестве всем необходимым, чтобы не терпеть нужды. Во всей этой местности не встречается сел, потому что она безлесна и не имеет годной для питья воды.

Мы сделали почти половину пути от Херсона до Новомиргорода по негостеприимной степи; проливной дождь шел до самой ночи и принудил остановиться в одном шинке, ради ночлега или по крайней мере пристанища. Хозяин отвел нам грязную комнату, в которой не было ничего кроме скверного стола, изломанного стула, да скамейки. Не смотря на то, мы приказали взять нашу насквозь промокшую перину и другие необходимые вещи и перенести их в сухое место. Это видел хозяин и спросил нас, не думаем ли мы ночевать. Мы отвечали утвердительно. Тогда он стал говорить, с весьма таинственным видом, что не советовал бы нам оставаться у него на ночь, потому что в степи много разбойничьих шаек, которые, заметив где-нибудь проезжих, не упустят случая напасть и не только ограбить путешественников, но и убить. В подтверждение своих слов он привел несколько примеров, случившихся в соседних шинках. Я поблагодарил его за сообщенные сведения, но сказал, что не боюсь и что у меня достанет храбрости твердо противостоять с моими людьми всякому враждебному нападению. Хотя рассказы хозяина были, по моему мнению, просто выдумка, но я, однако, счел за нужное принять некоторые меры. Я дал приказание обоим моим солдатам зарядить ружья; повозку, в которой мы ехали, и повозку с аптекою поставить около дома под окнами и дежурить ночью. Извозчику и фельдшеру я велел лечь на соломе под повозками и дал каждому из них по заряженному пистолету. Сам я, жена и денщик поместились в доме. Но стража, которой я в случае приближения подозрительных людей приказал немедленно поднять тревогу, оставалась спокойна. Ночь прошла без малейшей тревоги.

Наступивший день светлым безоблачным небом сулил более нам благоприятное путешествие. Мы весело продолжали путь и на девятый день по отъезде из Херсона достигли Новомиргорода. Зеленый лес, множество садов с разного рода плодовыми деревьями и всюду бросающееся в глаза довольство поселян представляли весьма приятное зрелище. И в самом деле, после нескольких дней трудного путешествия через негостеприимную степь сторона около Новомиргорода с роскошным развитием флоры и фауны должна быть раем для путешественников. Мы не могли не позволить себе отдохнуть денек в столь приятном месте и не подкрепиться горячею пищею, без которой принуждены были обходиться в степи.

Мосцна

По приезде в Мосцну первым делом моим было засвидетельствовать почтение командиру расположенных там войск, крингс-комиссару Плетеневу, который в то же время был и моим начальником. Он немало был удивлен, увидав меня раньше, чем предполагал. Мне тотчас же была отведена квартира, и так как немного требовалось времени, чтобы привести в порядок мои дела, то я мог в самый день приезда осмотреть лежавших в разных домах тяжелобольных.

Мосцна была, как оказалось, порядочное село на р. Ингуле с церковью, около 320 крестьянских дворов и некоторым числом хороших глиняных и деревянных домов. Несколько дворянских польских фамилий, живших здесь и владевших землями, платили Польской короне ежегодную подать. Польский хорунжий, который кроме Мосцны имел под своею юрисдикцией еще несколько соседних деревень и поэтому титуловался „губернатором“, жил в конце села, в укреплении, похожем на крепость, которое состояло из вырытого и укрепленного палисадом земляного вала с деревянными, выкрашенными под цвет железа пушками, при которых там и сям стояли на часах деревянные солдаты в пестро раскрашенных мундирах. По Ингулу доставляются изготавливаемые в Мосцне довольно большие транспортные суда и шлюпки в Херсон. Но в особенности рубится здесь много деревьев, которые по своему превосходному качеству и крепости сплавляются в Херсон для строения военных кораблей. Для этого и находилась здесь русская команда, состоявшая большей частью из плотников и дровосеков и для которой меня командировали в Мосцну.

Четыре месяца я жил в этом селе. Мне удалось устроить лазарет для помещения всех больных и снабдить его всем необходимым. Я думал теперь, что можно рассчитывать на более спокойную жизнь, чем та, которую позволяли мне прежние служебные обстоятельства. Я обзавелся хозяйством, чего мне не удавалось еще сделать со времени женитьбы, купил мебель, разные необходимые домашние вещи и

прочее, что не всегда можно иметь в достаточном количестве. Но казалось, что судьба не давала мне иного покоя, кроме того, который рано или поздно найдет каждый – покоя в могиле. Судьбе угодно стало, чтобы я как можно скорее бросил ту обстановку, в которой до сих пор жил. Дело в том, что едва я начал мечтать о том, что скоро у меня будет и дорогой источник семейной радости, неомрачаемость которой сделает мое безвестное существование более приятным, как я был пробужден от сладких грез приказом, неожиданно-негаданно полученным моим начальником из Херсонской Адмиралтейс-коллегии. Приказ гласил кратко, без объяснения причин, что я увольняюсь от занимаемой теперь должности и обязан ехать в Николаев на Буге, где имею явиться к бригадиру Фалееву. Если бы другие письма, полученные моим командиром, не сообщили мне некоторых сведений, я так бы и не ведал, что со мною хотят делать. Из писем же оказалось, что я должен был служить своею помощью раненым при взятии Очакова, Бендер и Ясс и захворавшим от других причин солдатам, которых для лечения привозили в Николаев и которым недоставало медицинской помощи. А моя верная жена незадолго перед сим обрадовала меня рождением дочери и находилась еще в постели. Ребенку всего было только 14 дней. Надо было поручить его кормилице, но из женщин в Мосцне, которые оказывались наиболее пригодными для этого дела, ни одна не соглашалась ехать с нами. Я должен был сверх того опасаться, что жена, здоровье которой было не из лучших, быть может, на всю жизнь останется болезненною и хилою от сырых, тяжелых весенних испарений и от путешествия по степи, где нечего было и думать о каком бы то ни было освежении. Но к чему служили все эти размышления на разные лады? Какую пользу принесли бы жалобы на судьбу? Служба требовала строгого исполнения обязанностей. Необходимо было ехать. Наше небольшое хозяйство, состоявшее из двух дойных коров, пары свиней, нескольких кур и гусей, было продано за полцены. Сделанные запасы съестного, мебель и домашняя утварь отданы почти даром. Все было распродано в три дня. Лошадей запрягли в повозки, и мы тронулись в путь. Наше общество состояло из меньшего числа лиц, чем при поездке в Мосцну, так как оба солдата и фельдшер остались там. Путь наш лежал чрез Св. Елисавету, которая известна также под именем Елисаветграда и в то время была главным городом Екатеринославской губернии. Здесь мне надо было справиться в канцелярии князя Потемкина, какой путь я должен избрать как ближайший в только что возникавший город Николаев. Мне посчастливилось получить удовлетворительные сведения об этом. Теперь самым трудным для меня делом было найти кормилицу для моей дочери. И в этом деле результаты превзошли мое ожидание. После разных поисков и разведываний нашлась одна женщина, здоровая, не имеющая ребенка, которая с удовольствием вызвалась ехать с нами и которая имела поэтому преимущество пред многими

соискательницами. Нас было семь человек; мы разместились на двух повозках, запряженных пятью лошадьми.

Николаев в 1788 году

20-е мая 1788 года было тем вожделенным днем, когда мы проехали степь и стали приближаться к месту нашего назначения – Николаеву. Но как сильно я был удивлен, когда извозчик, которого я подрядил из Елисаветграда, вдруг остановился и хотя я не видел ничего кроме отдельных хижин из тростника и часовых, объявил мне, что тут и есть Николаев. Мне показалось это тем невероятнее, что еще два года тому назад я слышал, что основывается на Буге новый город, который будет носить имя Николаева. Что же могло быть естественнее, как предполагать и ожидать здесь домов и жителей. В приказе кriegс-комиссару Плетеневу значилось, что по прибытии в Николаев я должен явиться к бригадиру Фалееву. Ближайшее осведомление у часовых показало, что слова извозчика были справедливы и что я действительно нахожусь в самом Николаеве. Более обстоятельная справка о том, где я могу найти больных солдат и где отыскать дом бригадира, показала мне, наконец, что должен ехать еще пять верст, чтобы найти тех людей, которые были виновниками моего странствования. Я тотчас же отправился в путь. Проехав почти полдороги, я увидел место, где находились помещения для больных и жил бригадир. Это место называлось «Богоявление» и состояло из 16 крытых тростником деревянных жилищ, устроенных наподобие госпиталей, и из множества палаток и татарских войлочных юрт. Сверх того несколько жилищ были выкопаны в земле, едва выдавались из нее, но имели также своих обитателей. На основании писем к прежнему моему начальнику кriegс-комиссару Плетеневу, я мог предполагать, что здесь находится уж много врачей; от них я охотно узнал бы о состоянии и положении больных, лечением которых я должен был заняться. Встретившийся мне какой-то немец, которого я просил указать жилище кого-нибудь из врачей, не мог ни в чем мне быть полезен, кроме того, что указал жилище аптекаря, которое, по его словам, находилось недалеко, на одном возвышении. Я отправился туда, но, говорю не шутя, я стоял уже на крыше искомого дома, не подозревая, что под моими ногами могли жить люди, до тех пор пока выходивший из отверстия дым и дверь, которую я приметил на склоне холма, не показали мне, куда надо идти. Я подошел к замеченной двери. Она открылась, и оттуда вышел небольшой, сгорбленный человек.

Это и был аптекарь. Мы удивились, увидав друг друга, и точно старались признать один другого. Это действительно так и было: едва мы назвали себя по именам, как оказалось, что мы были уже знакомы десять лет тому назад в Кронштадте. Он ввел меня в свое жилище,

которое кроме темной прихожей состояло еще из двух отделений, из которых одно было отведено для его семейства, а другое под аптеку. Внутренность жилища соответствовала его внешности. Стены обмазаны желтою глиною, потолок сделан из плетеного тростника, засыпанного землею, крошечные окна с дрянными стеклами пропускали слабый свет во внутреннее пространство. Подобным же образом устроены и все остальные жилища. Печальны были следствия житья в такой землянке, особенно для семейства аптекаря: едва я вошел в комнату, как увидел, что жена его и пятилетняя дочь находятся в последней степени чахотки. Вскоре они слегли. Расспросам не было конца. Аптекарь рассказал мне, что вскоре после нашей разлуки он получил от начальства приказ открыть общественную аптеку в Иркутске и что из уважения к оказанному доверию ему нельзя было долее откладывать поездку, как ни было затруднительно с женою и малютками предпринять столь далекое и само по себе нелегкое путешествие. Он намеревался было обстоятельно рассказать мне о разных своих лишениях на пути в Иркутск, о том, как он все-таки счастливо прожил там три года и по какому случаю попал сюда в Богоявление; но я заметил ему, что моя жена с ребенком и экипажем дожидаются на улице, и я должен, не теряя времени, явиться к бригадиру Фалееву и просить его о квартире для себя.

«У вас также жена и дочь?» – спросил аптекарь. – В таком случае я жалею, что судьба привела вас в это злополучное место. Приведите вашу любезную супругу в нашу хижину; пусть она побудет у нас, покуда вы устроите свои дела и снова можете быть у нас».

Привезя жену в дом гостеприимного аптекаря, я отправился к бригадиру Фалееву, дом которого мне пришлось искать недолго, потому что он отличался от прочих стенами, выкрашенными красною краскою, и черепичною крышею. В бригадире я нашел дородного мужчину, одетого в зеленый камчатный халат, в голубой атласной, обшитой черною каймою, шапочке, на верхушке которой блестела серебряная, весом в несколько лотов, кисть. Бригадир вооружен был длинною трубкою и занимался чаепитием, сидя на софе. Я счел долгом рекомендоваться ему, чтобы показать, как точно исполнил его приказ и поручить себя благосклонности господина бригадира.

До сих пор все шло хорошо; но когда я решился просить о квартире, на случай, если я долго останусь в Богоявлении, о квартире, без которой я, имея семейство, не мог существовать, он с некоторым затруднением отвечал мне, предлагая чашку чаю: «Да, да! квартиру, любезный друг! Вот именно этим-то и не могу я служить вам. Две войлочный палатки, которые лежат еще в магазине, к вашим услугам, и вы ими можете обойтись, покуда я буду в состоянии отвести вам лучшее помещение».

На прощание господин бригадир дал мне совет относительно больных явиться к штаб-доктору Самойлову, который сообщит мне обстоятельные сведения о предстоящих занятиях.

Мое пребывание в Божоявлении продолжалось недолго. Число больных, которое я представлял столь значительным, вовсе не было таково и вполне могло удовлетвориться одиннадцатью врачами и хирургами. Я получил приказ отправиться в Николаев и там оставаться. По распоряжению Херсонской Адмиралтейс-коллегии несколько сот человек плотников, архитекторов и их помощников было командировано туда для постройки несколько уже лет тому назад проектированного нового города. Я и должен был находиться при этом, на случай могущих быть несчастий. Доселе ни одно человеческое существо не могло жить в этом месте, где в несколько месяцев возник город, который уже в первые годы своего существования обещал счастливое процветание и где теперь селятся люди всех стран. Вокруг все было пусто. Единственные живые существа, которых здесь можно было встретить, были змеи. Хотя укушение их и не опасно, однако они были неприятны и страшны для людей тем, что проникали в жилища, плохо построенные из тростника и досок. В нашу тростниковую хижину, в которой нам пришлось провести первую ночь по приезде в Николаев, напозло множество этих гадин. Хотя мы из предосторожности устроили постель на четырех высоких кольях, это нисколько не помогло: змеи поднимались вверх и, почуяв людей, с отвратительным шипением переползали через нас на другую сторону кровати и уходили. Постоянное отыскивание и истребление их в короткое время привело к тому, что во всем Николаеве нельзя уже было встретить их вовсе, или разве какую-нибудь одну змею. Постройка нового города шла вперед с изумительною быстротою: в тот год, когда я жил здесь, выстроено было более полутора ста домов. Лес и другие строительные материалы доставлялись в изобилии на казенный счет по Бугу и продавались весьма дешево как чиновникам, так и другим лицам, желавшим здесь поселиться. Только каждый строившийся обязан был строго сообразоваться с планом, по которому город должен был постепенно возникать. Число жителей, собравшихся из разных частей государства, доходило в 1789 г., когда я покинул Николаев, до двух с половиною тысяч.

Очаков

Во время пребывания в Николаеве я посетил незадолго пред тем прославившуюся крепость Очаков, которая отстояла всего на день пути от места моего жительства. Я видел следы ужасной трагедии, которую пережил Очаков вследствие жестокой осады и взятия приступом. Дома в городе были разрушены и лежали в грудах; только немногие из них

могли служить убежищем для русского гарнизона. Множество трупов убитых турок, полусъеденных крысами, лежало под обломками домов. Колоссальные валы, окружавшие город, были со всех сторон разбиты и рассыпаны выстрелами русской артиллерии. Вне города видны были также следы опустошения, которые в таком множестве представлялись глазам внутри злополучного Очакова. Вблизи и вдали от города валялись сотни лошадиных и человеческих скелетов, мясо которых послужило пищею волкам и хищным птицам. По многим черепам, покрытым еще волосами, можно было ясно видеть, что они принадлежали осаждавшим.

Описывая это, я имею перед своими глазами памятник жестокой осады, памятник, подаренный мне одним полковым хирургом из русских, участвовавшим во взятии Очакова. Это случилось таким образом. Русские овладели уже городом, и все, что не хотело сдаться добровольно, находило смерть под штыком победителей. Несмотря на то, ярость и отчаяние турок были так неукротимы, что мужчины и женщины, хотя сопротивление ни к чему не вело, стреляли в русских из окон и из-за углов. Одна турчанка, которой скоро предстояли роды, вероятно для того, чтобы спасти себя и своего ребенка, довольно смело выстрелила из пистолета в русского солдата, вошедшего в ее жилище. Но пуля не попала, и женщина была убита на месте. Во время борьбы со смертью она родила живое и вполне выношенное дитя. Упомянутый полковой хирург, которого случай привел в тот дом как раз во время этой сцены, взял из сострадания малютку на свое попечение. Но, несмотря на все заботы, младенец умер на третий день. Из него сделали скелет, тот самый, который мне подарил впоследствии хирург и который я сберег до сего дня в память о нем и о своем пребывании в Очакове.

Скальковский А

Население Новороссийского края и Бессарабии в 1851 году

В двух небольших статейках, под заглавием: *Пространство и народонаселение Новороссийского края* (Новороссийский календарь на 1848 г.) и *О смертности и долговечности в Новороссийском крае* (Журнал Министерства внутренних дел, ч. XXIX, кн. 1), пытались мы изобразить настоящее положение заселения этой страны.

Край наш, за сто лет назад основанный в виде отдаленной военной колонии матери нашей, Руси великой, теперь уже представляет две особые губернии: Херсонскую и Екатеринославскую, устроенные вполне молдавские и татарские села и обширные ногайские земли, еще и

теперь довольно пустынные, но уже образованные в уезды: Аккерманский, Катульский и Бендерский в Бессарабии, Бердянский, Мелитопольский и Нижне-Днепровский в Таврической губернии. Представленные нами, в 1848–1849 годах, статистические таблицы и выводы об этом крае казались нам тогда еще весьма гадательными, но дальнейший опыт доказал противное. Сравнивая их с отчетами 9-й, или последней народной переписи, а также с таблицами епархиального управления в новороссийских губерниях и Бессарабии, мы нашли, что и прежние наши цифры были правдоподобны и предлагаемые теперь весьма близки к истине. Теперь с достоверностью сказать можем, какое число жителей обитает на двадцать одном миллионе десятин земли, составляющих площадь Новой России, и в какой, приблизительно, пропорции число это может увеличиваться при благоприятных или естественных обстоятельствах этого края. Просим благосклонного читателя обратить внимание на простые наши выкладки.

В 1845 году насчитали мы:

1 661 700 мужского и 1 465 200 женского пола душ,
всего 3 126 900 обоего пола душ^[291].

В 1848 году:

1 750 800 мужского пола и 1 612 100 женского пола
душ, всего 3 392 900 душ обоего пола.

В 1851 году, т. е. в настоящую почти минуту:

1 867 573 мужского пола и 1 729 323 женского пола душ, всего 3 596 890 обоего пола душ,
а именно:

	Мужского пола	Женского пола	Обоего пола
В губернии Херсонской...	468 820	454 950	923 770
— —	455 880	440 110	903 990
Екатеринославской...	356 650	310 300	666 950
Таврической...	473 680	428 670	902 350
Бессарабии с Измаильским градоначальством	52 330	44 110	96 440
градоначальстве Одесском	52 400	37 890	90 290
Таганрогском	7823	5283	13 106
Керчь-Эникальском			
Итого	1 867 573	1 729 323	3 596 896

Все эти цифры взяты из ведомостей, благосклонно доставленных нам господами губернаторами и градоначальниками; они бы доказывали, что, несмотря на самые тяжкие потери с 1847 по 1849 год,

от холеры и цынготы понесенные^[292], Новая Россия, приобретшая уже в первое трехлетие (с 1846 по 1848 год) до 266 000 душ обоего пола, увеличила свое население в последние три года почти 204 000 душ обоего пола. Но вот таблицы рождений и смертностей, по ведомостям губернских начальств:

Родилось:

	Мужского пола	Женского пола	Обоего пола
В 1848 году	81 869	65 011	146 880
— 1849 —	67 802	64 225	132 037
— 1850 —	80 995	72 749	154 363
— 1851 —	81 843	73 351	155 194
Итого	312 509	275 330	587 845
Умерло:			
В 1848 году	93 611	80 268	137 879
— 1849 —	110 675	107 714	218 389 ¹
— 1850 —	63 627	63 830	137 457
— 1850 —	61 598	56 983	118 581
Итого	229 511	208 795	648 506

¹ Это показание о смертности 1849 года весьма неточно, ибо в епархиальных ведомостях показано одних православных 226 487 душ обоего пола, не считая других исповеданий. Татар одних умерло тогда до 8000 душ обоего пола.

Из этой таблицы видно, что не только не было излишка рождений пред смертностью, в три упомянутые года, но еще в массе был недочет, а именно: число смертностей превышало число рождений огромною цифрою 60 661. Каким же образом оказалась прибыль, слишком полмиллиона, жителей в Новороссийском крае? все ли упомянутые цифры были неверны, или же последние вернее прежних? Чтобы узнать хотя отчасти истинную цифру населения, рассмотрим теперь результаты двух других источников: епархиальные ведомости и таблицы народной переписи.

По епархиальным спискам, православное народонаселение Новороссийского края простиралось, в течение упомянутых выше лет (на основании исповедных списков), до следующих цифр:

В епархии Херсонской и Таврической (с Одесским градоначальством)...

В 1848 г.	1849 г.	1850 г.	1851 г.
1 041 600	997 000	981 600	997 300
— епархии Екатеринославской и Таганрогской...			
895 000	833 400	780 600	786 300
— епархии Кишиневской (т. е. всей Бессарабии)...			
713 300	712 100	714 200	716 200
Всего			
2 649 900	2 542 500	2 476 400	2 499 800

Вот другое доказательство, что прибыли населения и в главной его массе, т. е. православном народе, вовсе не оказалось. В дополнение этого документа, приведем еще и таблицы о рождении и смертности этого исповедания, доставленные нам из консисторий. Вообще говоря, это, быть может, самые точные статистические данные из всех официальных.

В них показано, что в трех наших епархиях родилось:

В епархии Херсонской и Таврической (с Одесским градоначальством)...			
1848 г.	1849 г.	1850 г.	1851 г.
61 918	48 799	59 053	54 839
— епархии Екатеринославской и Таганрогской...			
53 870	33 882	47 068	36 685
— епархии Кишиневской (Бессарабии)...			
34 288	31 611	32 826	33 439
Всего			
150 076	114 299	138 947	124 963
а в четыре года 528 218 душ обоего пола.			

По сравнению с цифрою православного населения отношение к ним родившихся будет:

в 1848 как 1 к 17
 1849 — 1 к 22
 1850 — 1 к 18
 1851 — 1 к 20.

В том же периоде умерло:

1848 г.	1849 г.	1850 г.	1851 г.
В епархии Херсонской...			
68 658	81 709	36 999	37 025
— — Екатеринославской...			
63 032	116 157	29 080	29 331
— — Кишиневской...			
36 251	28 621	31 860	27 774
Всего			
167 941	226 487	107 939	94 130
а в четыре года 596 497			

Следственно, и здесь цифра смертности превышает цифру рождений 68 273 душ обоего пола. Она менее предыдущей, если допустить даже четверть излишка смертностей в других исповеданиях христианских и нехристианских, т. е. хотя 15 000 душ обоего пола. Но и она удостоверяет, что не только не имеется у нас прибыли, но еще недочет в населении. Итак, перейдем к третьему и самому главному источнику счисления настоящего заселения края, именно к ведомостям Казенных палат, основанным на 9-й народной переписи новороссийских жителей. По ним высчитано в 1851 году:

душ обоего пола	
1) В Херсонской губернии с Одесским градоначальством...	893 480
2) В Екатеринославской с Таганрогским градоначальством и Азовским казачьим войском...	897 800
3) В Таврической губернии с Керченским градоначальством и Балаклавским батальоном...	669 950
4) В Бессарабии с Измаильским градоначальством и Дунайским казачьим войском...	910 050
Итого	3 368 280

По сравнению с приведенною выше цифрою православного исповедания, на другие христианские и нехристианские исповедания пришлось бы до 750 000 душ обоего пола. Но, по всей вероятности, должно считать этих последних 150 000 менее, а напротив, такое же число прибавить к православному народу. Но и этот итог, 3 368 280 душ обоего пола, еще не полон; к нему должно причислить, не считая подвижного народонаселения, еще: 1) иностранцев, которых, судя по

числу билетов «на жительство», выданных в главнейших только городах (Одессе, Бердянске и Таганроге), находится более 11 000 человек, а с семействами и вдвое; 2) иногородных мещан и купцов, в местную перепись не входящих, которых число в одной Одессе доходит иногда до 10 000 душ обоего пола; наконец: 3) войска сухопутные и морские, т. е. 5-й пехотный и 1-й кавалерийский резервный корпусы, жандармские, инженерные и рабочие отряды, арестантские роты, таможенную, карантинную и внутреннюю стражу, флот со всеми его командами и пр., т. е. более 100 000 человек. От этих категорий увеличится, естественно, население здешнего края до 3 500 000 душ обоего пола, т. е. почти до цифры, показанной губернскими начальствами.

Таким образом, сравнив все три показания, а именно:

1) 3 596 000 душ обоего пола, показанные губернским начальством,
 2) 3 368 280 – выведенные нами из таблиц народной переписи, и
 3) 3 059 000 (т. е. 2 499 800 православного и до 560 000 других исповеданий) – из ведомостей епархиальных, средняя между ними, 3 340 000, или, положим, 3 400 000 душ обоего пола, будет настоящею цифрою заселения Новороссийского края, – из чего и следует, что, без всякого сомнения, в 1848 и 1849 годах было гораздо более жителей, нежели показано в губернских ведомостях; что в 1848 году именно было такое же, как и теперь, и даже большее население, ибо от сравнения четырехлетних рождений с смертностью решительно ничего не осталось и был даже убыток; особых же переселений не происходило. Итак, нельзя без особой благодарности подумать, что совершение 9-й народной переписи, кроме многих других, принесло эту важную услугу и для нашей науки. В будущем, если новых бедствий, подобных 1848 и 1849 годам, не последует, цифры 1850 или 1851 года окажутся нормальными, ежегодная прибыль коренного населения здешнего края будет простирается от 30 000 до 50 000 душ обоего пола.

Перейдем теперь к показаниям епархиальной власти о смертности православного народа в Новой России и возьмем за точку сравнения последний, т. е. 1851 год, как близкий к естественному положению здешнего края. Вот подробная таблица «скорбных» случаев по всякой епархии отдельно:

В 1851 году умерло обоего пола людей, в возрасте:

В епархиях	Херсон.	Екатериносл.	Кишинев	Во всем крае
Моложе 5 лет	16 560	11 341	12 047	39 948
От 5 до 10	2578	1925	1929	5432

В епархиях	Херсон.	Екатериносл.	Кишинев	Во всем крае
— 10 — 15	1116	932	1008	2056
— 15 — 20	1276	1086	993	3355
— 20 — 25	1502	1339	981	3822
— 25 — 30	1574	1489	1130	4193
— 30 — 35	1375	1316	1068	3759
— 35 — 40	1452	1524	1100	4076
— 40 — 45	1322	1282	1098	3602
— 45 — 50	1398	1382	1097	3877
— 50 — 55	1233	1095	975	3293
— 55 — 60	1322	1237	1068	3627
— 60 — 65	1194	974	845	3113
— 65 — 70	1094	918	819	2741
— 70 — 75	840	620	582	2042
— 75 — 80	613	388	446	1447
— 80 — 85	344	214	258	816
— 85 — 90	237	128	162	527
— 90 — 95	115	86	87	288
— 95 — 100	76	36	61	173
— 100 — 105	5	10	4	19
— 105 — 110	5	1	3	9
— 110 — 115	3	1	—	4
— 115 — 120	1	3	3	7
— 120 — 125	1	—	—	1
— 125 — 130	1	1	—	2
Итого:	37 025	29 531	27 774	94 130

Постараемся извлечь несколько выводов из этой подробной и весьма достоверной таблицы о смертности и долговечности самой главной массы населения. Мы вполне уверены, что и другие исповедания следуют в этом случае таким же законам вероятности.

1) Первое заключение для нас весьма утешительно: сравнивая цифру смертности 94 130 душ обоего пола с цифрою всего православного исповедания, т. е. с 2 499 800 душ обоего пола, найдем, что из 26 человек умирает 1. В 1848 году был 1 из 16 $\frac{1}{2}$, в 1850 году из 24, а из 1849 даже 1 из 11. По епархиям отдельно найдем то же улучшение в общественном здоровье: в Бессарабии пропорция смертности к цифре народонаселения как 1 к 25, в Херсонской как 1 к 26; в Екатеринославской же 1 к 34, тогда как в 1848 году было там как 1 к 11, а в 1849 дошло до 1 к 6 $\frac{1}{2}$, т. е. что почти седьмая часть населения губернии погибла от холеры и цынготы. Мы вполне уверены, что даже упомянутая пропорция 1 к 26 еще не есть нормальная, ибо в 1844 и 1845 годах она была 1 к 39, а полагая ее немного преувеличенную, по причине неверности народоисчисления, мы надеемся, что пропорция 1 к 36 есть самая достоверная.

2) Сравнение смертности по полам не приводит ни к каким особым результатам, а потому на нее не будем обращать внимания читателей.

3) Подобно сказанному нами в 1848 году, и теперь, ежегодно, смертность детей, а в особенности младенцев, не достигших пятилетнего возраста, столь велика, что доходит до половины почти всей массы умерших в крае людей. Из епархиальных ведомостей видно, что в 1851 году умерло:

В Херсонской и Таврической 16 560 обоого пола
— Екатеринославской... 11 391 — —
— Кишиневской... 12 047 — —
39 998

В три последние года было их еще более, именно:

В 1848 году 55 706 душ обоого пола.
— 1849 — 75 213 — — —
— 1850 — 44 313 — — —

А потому и должны мы от души благодарить всеблагое Провидение за это явное улучшение.

4) Затем наибольшая смертность в 1851 году оказывалась в возрасте от 5 до 10 лет; она уменьшается постепенно и опять усиливается в возрастах между 25, 30 до 40 и 45 лет. Весьма также замечательно число умерших, перешедших за осьмидесятилетний возраст: их было 1856 лиц, т. е. более чем 1/50 часть всего количества умерших, чем доказывается возможность достижения в здешнем крае весьма глубокой старости.

5) Число лиц, волею Божию, далеко перешедших за обычный размер человеческой жизни, было весьма значительно. Из числа умерших в 1849, 1850 и 1851 годах было достигших столетия (считая только от 90 до 100 лет) 2154 человек обоого пола, а именно:

В 1849 году 996 душ обоого пола.
— 1850 — 443 — —
— 1854 — 715 — —

6) Наконец, перешедших за этот даже роковой предел и живших, по показанию епархиального начальства, от 100 до 130 лет, было 118 человек.

	1849	1850	1851	Всего
В епархии Херсонской...				
— — Екатеринославской.	27	14	16	67 душ обоего пола
— Кишиневской...	8	6	16	30 —
Итого	14	7	10	21 —
	49	27	42	118 душ обоего пола

Как ни трудно поверить подобной долговечности, мы решаемся допустить ее, ибо ежегодно целыми десятками она записывается в посмертных метриках. Одни предания в семействе и воспоминание важных государственных событий, живо оставшихся в памяти старцев, могли убедить духовенство при допросе о возрасте усопших.

Взгляд на наш край, изучение его быта и средств доказывают всю возможность такой долговечности. К охранению своего общественного и частного здоровья жители новороссийских губерний и Бессарабии имеют все естественные элементы, щедрою рукою наделенные этому краю всеблагим Провидением: здоровый климат, обильную пищу и дешевую одежду. Страна эта, подверженная столь сильным ветрам и засухам, с тем вместе не знает болезней, происходящих от сырости болот и вредных испарений почвы. Даже дунайские, ростовские (по Дону) или херсонские камыши вредны только в период их цветения, и человеку, знающему местность, легко избежать их влияния умеренною жизнью и принятием некоторых предосторожностей. Жестокие горячки и кровавые поносы, которые поражают Измаил, Ростов, Херсон, Алешки, Никополь или селения, на берегу мелких речек расположенные, и это почти ежегодно, происходят большею частью (не говоря о климате) от употребления в пищу, по Дунаю, карпов и других сладких рыб, а на Днепре – раков, которыми народ пресыщается, работая в воде или камышах, без перемены платья, без сухой постели, даже без покрыва ночью. В других же местах, в городах или на открытых степях, русский человек отлично переносит и тропический зной здешнего лета, и снег, ураганы и неслыханные метели степей, если только ведет себя скромно, не употребляет сырой пищи, недопеченного хлеба и излишнего количества горячих напитков. Смертность же младенцев, как и в других частях Империи, происходит от дурного надзора и кормления их в первые месяцы их жизни. В 1849 и 1850 годах много их умерло от кори и скарлатины, прежде вовсе здесь неопасной болезни, а теперь принявшей весьма злокачественный характер и одинаково поражающей как бедных людей, так и высшее сословие общества.

Примечания

1

Багалій Д. Заселення Південної України і перші початки її культурного розвитку. Харків, 1920.

2

«Хронологическое обозрение истории Новороссийского края (1730–1823)», в 2 томах, Одесса, 1836,1838; «История Новой Сечи», 3 издания (1842, 1846, 1885); Опыт статистического описания Новороссийского края, в 2 частях, 1850–1853.

3

«Очерк повествования о Новороссийском крае, из оригинальных источников почерпнутый» (в третьем томе Записок Одесского общества истории и древностей) и Продолжение очерка о Новороссийском крае (в 5-м томе Записок Одесского общества истории и древностей); эти же статьи перепечатаны в «Сочинениях» преосвященного, изданных в Москве в 1854 г.

4

Шмидт А. А. Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния. СПб. 1863. С. 3–78.

5

Сюда еще нужно причислить М. М. Кирьякова «Историко-статистическое обозрение Херсонской губернии» в «Материалах для статистики Российской империи». СПб. 1839. С. 163–189.

6

Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, 3 vol. p. 1820; в первой и второй частях излагается систематическая история новороссийских степей, начиная со скифов и оканчивая крымскими татарами, запорожцами и русскими; в конце второй части, кроме того, мы находим описание природы Новороссийского края и его колоний; в третьей части помещены исторические и статистические сведения об Одессе и отчет о путешествии в Крым.

7

Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния. СПб., 1863. Ч. 1. С. 96.

8

В Записках Одесского общества истории и древностей (Т. 3. С. 571–580) помещено замечательное «Описание реки Днепра от местечка Переволочного до Черного моря, 1697 года, содержащее в себе любопытные сведения о реках, речках, ветках и островах реки Днепра».

9

Путевые записки Э. Лясоты. Перевод и примечания Ф. К. Вруна. С. 27.

10

Описание Украины. С. 22.

11

Поездка в Южную Россию. Ч. 1. Очерки Днепра. С. 100–101, 103, 104.

12

Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния. Ч. 1. С. 168–169.

13

Поездка в Южную Россию. Ч. 1. Очерки Днепра. С. 154.

14

Путевые записки. С. 26–30, 52–53.

15

Описание Украины. С. 17–19, 22–29.

16

В том описании земель, доставшихся России по мирному трактату с Турцией 1774 года, мы находим довольно подробное описание реки Буга; там говорится, что Буг расширяется от впадения в него реки Мертвовода (у Вознесенска), а верст 15 ниже Мертвовода начинается плавня, зарастающая камышами, и тянется на расстоянии 27 верст до Сухого Еланца, только у Голой Пристани, верст на шесть выше Еланца, правый берег чист и не покрыт камышом; на юг от Сухого Еланца на

расстоянии двух верст опять идет плавня, с обоих берегов болотистая и заросшая камышом; далее к югу Буг значительно расширяется (от 250 до 600 сажень) и течет так на протяжении шести верст, причем левый берег его все-таки покрыт камышом, песчаными кучугурами и лугами; после этого делает вдруг поворот на восток и, разлившись на 600 сажень, течет так до самого устья, имея глубину от 28 до 40 футов (Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 180–181).

17

Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния. С. 188, 190. См. также описание реки Буга – *Мейер А. К.* Повественное, землемерное и естественное описание Очаковской земли. СПб. 1794. С. 110–112.

18

Описание Украины. С. 31.

19

Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния. С. 198.

20

Подробнейшее перечисление днепровских притоков см. в сочинении князя С. И. Мышецкого «История о казаках запорожских» (с. 59–73); гораздо менее удовлетворительны сведения атласа реки Днепра конца прошлого века, см. *Русов А. А.* Русские тракты. С. 128–129.

21

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 181, 183-184.

22

Мейер А. К. Повественное, землемерное и естественное описание Очаковской земли. СПб. 1794. С. 100-103. Оно включает в себе подробные сведения о физико-географических свойствах очаковской области: «нижняя или приморская часть на красной, ржавчатой и железными частицами наполненной земле производит только тощие, солковатые и все вообще как бы дымчатые растения. Верхняя же или кодымская часть плодородностью и изящностью своей земли превзойти может всякую другую страну».

23

Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1. С. 200-201.

24

Описание Украины. С. 16.

25

Там же. С. 18.

26

Там же. С. 23.

27

Там же. С. 25.

28

История о казаках запорожских. С. 78.

29

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 185.

30

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 186–187; Чернявский в своем «Описании Сечи» перечисляет леса, принадлежавшие запорожцам; см. «История о казаках запорожских». С. 83–84.

31

Сравнительный взгляд на Очаковскую область. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. С. 260–261.

32

Описание Украины. С. 89–93.

33

Путевые записки. С. 54

34

История о казаках запорожских. С. 77.

35

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 187.

36

Историко-статистическое, обозрение Херсонской губернии. // Материалы для статистики Российской империи. СПб. 1839. С. 181; о сугаках и диких козах свидетельствует и А. К. Мейер. С. 192.

37

История о казаках запорожских. С. 77–78.

38

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 187.

39

Описание Украины. С. 32–33.

40

Там же. С. 15, 16, 18.

41

История о казаках запорожских. С. 77.

42

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 187.

43

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 11. С. 192–193.

44

Описание Украины. С. 96–98.

45

Memoires du baron de Tott sur les turcs et les tartares 1781 a. Sec. partie. P. 153–154.

46

По описанию современника, очаковская зима отличалась чрезвычайной продолжительностью и суровостью; 13 октября выпал уже большой снег, а 7 ноября началась настоящая зима с заметами и метелями, причем замерзло множество деревьев в садах и лесах; перед 12 июня ударил еще такой мороз, что местами замерзли огородные овощи (*Ястребов В. Н.* Очаков. Зима по современному описанию. Киевская старина. 1884, август. С. 732).

47

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 183.

48

Описание Украины. С. 85–87.

49

Описание Украины. С. 84; см. также *Афанасьев-Чужбинский А. С.* Поездка в Южную Россию. Очерки Днепра.

50

Любопытные подробности о чуме в Херсонской губернии находятся в заметках А. С. Пищевича; особенно интересно его описание Крюковского карантина города Кременчуга. // Киевская старина. 1885, май. С. 155–163.

51

О происхождении запорожского казачества см. статью П-ки (Киевская старина. 1884, август, с. 580–613; сентябрь. С. 27–52); основная мысль, одинаковость факторов, вызвавших к жизни украинское и запорожское казачество, уяснена автором обстоятельно, и притом на основании точных фактических данных, и потому может быть принята как доказанная; слабее оттенена разница между тем и другим в составе, занятиях, внутренней организации; автор с полным основанием приписывает громадное значение соседству с татарами с одной стороны, польскому государственному общественному строю с другой; в запорожском казачестве он видит своеобразную полукочевую, полuosедлую колонизацию.

52

Эварницкий Д. И. Число и порядок запорожских сечей. С. 4-15; все эти местности можно легко найти на атласе реки Днепр конца XVIII века. (см. *Русов А. А.* Русские тракты).

53

Там же. С. 15-19.

54

См. подробности в Никоновской летописи, часть VII и в Летописи, изданной Н. А. Львовым, часть V.

55

Летопись Самовидца. Изд. 1878. С. 339-290; собственно, этот отрывок помещен в «Кратком описании Малороссии».

56

История о казаках запорожских. С. 79.

57

Корж Н. Я. Устное повествование. С. 36; см. также *Эварницкий Д. И.* Сборник материалов для истории запорожских казаков. С. 147-148.

58

История о казаках запорожских. С. 80-81.

59

Там же. С. 81.

60

История Новой Сечи. 3-е изд. Т. 1. С. 36–37.

61

Там же. С. 33–37.

62

Материалы для историко-статистического описания
Екатеринославской епархии. Выпуск 2. С. 215.

63

История о казаках запорожских. С. 81–82.

64

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С 182–188.

65

Материалы для историко-статистического описания
Екатеринославской епархии. Т. 1. С. 522–523, 697.

66

Материалы для историко-статистического описания
Екатеринославской епархии. Т. 1. С. 191, 221.

67

Устное повествование. С. 84-94.

68

Reisen durch Russland. Bd 2. С. 110-111.

69

История Новой Сечи. Т. 1. С. 33-37.

70

Сборник антропологических и этнографических статей о России и
странах ей прилежащих, изданный В. И. Дашковым. Кн. 1. Приложение
1.

71

История о казаках запорожских. С. 81-82.

72

Андреевский А. А. Материалы для истории Южнорусского края. Одесса, 1886. С. 117.

73

Описания их см. у Н. Л. Коржа.

74

Память о Запорожье. С. 68-69.

75

Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 1. С. 84-86; см. также Полное собрание законов Российской империи. Т. XIX, № 13460 (указ от 10 мая 1770); описание этой линии у Гюльденштедта. *Reisen durch Russland*. Bd. 2. С. 101-106.

76

Таганрог (прежде Троицкая крепость) построен был, собственно говоря, еще при Петре Великом, но находился долго в запустении и возобновлен только в 1769 году. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 3. С. 295-296.

77

О нем мы скажем несколько слов при обозрении славянской колонизации.

78

Историко-статистическое обозрение Херсонской губернии. // Материалы для статистики Российской империи. СПб. 1839. С. 42.

79

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Херсонская губерния. Ч. 1. С. 59-60.

80

Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIII, № 17018 (Указ Каховскому от 26 января 1792); Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. С. 770.

81

Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 1. С. 217-218.

82

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 27. С. 155.

83

Там же. С. 155, 156, 166.

84

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 13. С. 156.

85

Там же. С. 158.

86

Там же. С. 159.

87

Там же. С. 165-179.

88

Русский архив. 1867. С. 1213-1215.

89

Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 1. С. 146, 190-191.

90

Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Екатерины II. Ч. 3. С. 416; Ч. 4. С. 616.

91

Чирков А. Краткий исторический очерк города Херсона. // Памятная книжка Херсонской губернии на 1864 год. Приложение. С. 1-17; упадок

Херсона автор объясняет, на наш взгляд совершенно основательно, – конкуренцией Николаева.

92

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 11. С. 324–377.

93

Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 1. С. 135.

94

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 11. С. 342.

95

Там же. С. 344.

96

См. выдержки из различных отзывов о Херсоне во время пребывания там императрицы в статье А. Г. Брикнера «Путешествие императрицы Екатерины II в Крым» (Исторический вестник. 1885, сентябрь. С. 478–487).

97

Измайлов В. В. Путешествие в полуденную Россию. Ч. 2. С. 186–188.

98

Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море. 1810. С. 42.

99

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 12. С. 477–481.

100

Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 1. С. 233.

101

Егоров А. И. Екатеринославское блукание. Екатеринослав. 1887; *Владимиров М. М.* Первое столетие Екатеринослава (материалы для исторического очерка). Екатеринослав. 1887; *Корольков К. Н.* Столетний юбилей Екатеринослава. Екатеринослав. 1887.

102

Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Екатеринослав. 1880. С. 306–318; Владимир М. М. Указ. соч. С. 11–20.

103

Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. С. 25–40.

104

Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII, № 15910 (указ от 22 января 1784).

105

Русский архив. 1865. С. 394–395.

106

Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII, № 16057 (указ от 4 сентября 1784).

107

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 4. С. 375.

108

Там же. С. 376, 377.

109

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. С. 332, 774.

110

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. С. 444–445;
всех фабрик в Екатеринославе предполагалось двенадцать.

111

Русский архив. 1865. С. 66–68.

112

Там же. С. 869

113

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. С. 458–459.

114

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 3. С. 289.

115

Первое столетие Екатеринослава. С. 212–213.

116

Там же. С. 103–105, 145–150.

117

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. С. 672. А. Скальковский высказал мнение, что Николаев получил начало 28 марта 1789 года, и ссылается на архив Черноморского гидрографического депо, откуда он перепечатал и во втором томе «Записок Одесского общества истории и древностей»; окончательно разрешит этот вопрос тот, кто наведет справку в этом архиве.

118

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. С. 769.

119

Аркас З. А. Начало учреждения Российского флота на Черном море и действия его, с 1778 по 1798 год. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 4. С. 285.

120

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 13. С. 182–183, 184–186, 187; см. также *А. П. Соколов*. Распоряжения и предположения князя Потемкина-Таврического об устройстве Черноморского флота и города Николаева. // Морской сборник. Т. 19. 1855. № 11. С. 151–167.

121

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. С. 673–674.

122

Там же. С. 673.

123

Вероятно, дело происходило не в 1788 году, а несколько позже.

124

Дримпельман З. В. Записки немецкого врача о России в конце прошлого века // Русский архив. 1881. Кн. 1. С. 48–49.

125

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. С. 747.

126

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. С. 772.

127

Путешествие в полуденную Россию. Ч. 2. С. 99–100..

128

Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море. С. 39–40.

129

Зябловский Е. Ф. Землеописание Российской империи для всех состояний. Ч. 5. С. 347–348.

130

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. С. 747.

131

См. сравнительную таблицу различных судов, построенных в той и другой верфи до 1824 года. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. С. 749–750.

132

Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 1. С. 235.

133

Впрочем, мысль о постройке города на месте турецкого Хаджибея возникла у императрицы еще в 1782 году; см. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. С. 261.

134

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. LIV. Р. 32. (Notice sur 11 annees de la vie du due de Richelieu a Odessa pour server a l'histoire de sa vie).

135

Смольянинов К. М. История Одессы. С. 167–168.

136

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. LIV. Р. 370.

137

Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie. Т. III. Р. 17–112; приложенные нами фактические данные об Одессе позаимствованы из сочинений К. М. Смольянинова и А. А. Скальковского.

138

Описание городов и уездов Азовской губернии. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 3. С. 293; основываясь на некоторых хронологических указаниях самого документа, издатели относят его к 1779 году; но спрашивается, как можно говорить о 1779 годе, когда в тексте же мы находим упоминание о 1780 годе? Судя по тому, что здесь описывается первый Екатеринослав, нужно отнести его к началу восьмидесятых годов XVIII века.

139

Там же. С. 297; Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. С. 835–838.

140

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 3. С. 295–296.

141

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. LIV. Р. 276–281; на сто коммерческих судов здесь погибало 5, 6, т. е. в 9 раз более, чем на Средиземном море; также отрицательно, как и Ришелье, отзываясь о Таганроге Гюльденштедт.

142

Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море. С. 230, 232, 258, 262; впрочем, в 1805 году торговые обороты Таганрога превышали 5 млн рублей. См. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 2. С. 95.

143

Paysonnel, C.-Ch. de. Traite sur le commerce de la mer Noir. Т. 1. Р. 302.

144

Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 2. С. 95.

145

Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 1. С. 246–247.

146

Там же. Ч. 2. С. 40–41; о льготах, предоставленных жителям Одессы, см. *Орлов А. А. Исторический очерк Одессы.* Одесса. 1885.

147

Исторический очерк Одессы. С. 14.

148

Там же. С. 52.

149

Там же. Приложение. С. 123-127.

150

Там же. Приложение. С. 104-122.

151

Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 1. С. 124.

152

Материалы для историко-статистического описания
Екатеринославской епархии. Ч. 1. С. 8-9.

153

Материалы для историко-статистического описания
Екатеринославской епархии. Ч. 1. С. 496.

154

См. о нем заметку Н. Н. Мурзакевича в «Записках Одесского общества истории и древностей». Т. 12. С. 462–464.

155

Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Ч. 1. С. 358.

156

Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Ч. 2. С. 50–51; точно так же были основаны Шолахова, Чаплинка и другие.

157

Пишчевич А. С. Примечания на Новороссийский край. Киевская старина. 1884. № 1 (январь). С. 118.

158

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 10. С. 239.

159

Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Ч. 2. С. 295.

160

Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 2. С. 240.

161

Несколько выводов из статистических трудов по Черноморской и Херсонской губерниям. Издание Херсонской губернской земской управы. С. 15.

162

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 9. С. 279.

163

Материалы для истории южнорусского края. Одесса. С. 50–77.

164

Материалы для оценки земель Херсонской губернии. Т. 2. С. 128–129.

165

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 12. С. 349, 358–359.

166

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 9. С. 272.

167

Там же. С. 273-274.

168

Там же. С. 265.

169

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. С. 775.

170

De la civilization des tatars-nogais dans le midi le la Russie europeenne.
1816. P. 120.

171

Материалы для историко-статистического описания
Екатеринославской епархии. Ч. 1. С. 486.

172

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 12. С. 349-
350.

173

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 8. С. 212.

174

Владимиров М. М. Первое столетие Екатеринослава. С. 9.

175

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 9. С. 270.

176

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 11. С. 284. Грамота, предоставлявшая старообрядцам свободу вероисповедания при поселении в Новороссии, напечатана в «Хронологическом обозрении» А. А. Скальковского. Ч. 1. С. 280–281.

177

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 11. С. 288; ссылка на «Русский архив», 1869. С. 1611.

178

Новороссийскому губернатору Миклашевскому велено было переселить слободско-украинских и новороссийских духоборцев в одно место на реку Молочную и дать им по 15 десятин земли на всякую душу, пятилетнюю льготу от всяких податей и заимообразно по 100 рублей подъемных на семью, с обязательством уплатить их через тридцать лет, начав уплату через десять; см. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVII, № 20123 (указ от 25 января 1802).

179

De la civilisation des tatars-nogais dans le midi le la Russie europeenne. 1816. P. 120.

180

В архивном деле «О выпущенных по всемилостивейшему повелению духоборцах на прежние жилища 1801 года» заключаются любопытные подробности о возвращении духоборцев из ссылки; они могут послужить предметом особой статьи.

181

См. *Скальковский А. А.* Русские диссиденты в Новороссии. // Киевская старина. 1887, апрель. С. 771-782; его же. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1. С. 212-215.

182

Первое столетие Екатеринослава. С. 207-210.

183

Исторический очерк Одессы. С. 15-16; о беглых в Черномории см. статью Ф. А. Щербины в «Киевской старине». 1883, июнь. С. 233-248.

184

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. С. 770; любопытное дело об этом убийстве хранится на архиве Полтавского губернского правления.

185

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 301.

186

De la civilisation des tatars-nogais. P. 95-96; книжка эта посвящена, собственно говоря, наблюдениям над внутренним бытом ногайцев; автор ее был командирован на юг в качестве ревизора местных учебных заведений. и, заинтересовавшись ногайцами, составил краткий очерк их цивилизации, т. е. гражданского состояния в связи с мероприятиями русского правительства; в конце книги он посвящает несколько страниц соседям ногайцев – молоканам, духоборцам, помещичьим крестьянам, малороссиянам. В Харьковском университете Дюгуров читал всеобщую историю (см. Рославский-Петровский А. П. Об ученой деятельности Харьковского университета в первое десятилетие его существования. // Журнал Министерства народного просвещения. 1853. Ч. LXXXVI, отделение V. С. 22).

187

De la civilisation des tatars-nogais. P. 96-98.

188

См. об этом любопытную инструкцию и ценное предисловие к ней в «Киевской старине». 1882, август. С. 322-330; А. С. Пищевич, сын известного сербского выходца Сим. Ст. Пищевича, относится весьма сочувственно к этой раздаче запорожских земель крупным владельцам, потому что этим «содеялась пространная область полезною государству»: иначе, конечно, и не мог взглянуть на это дело сербский поселенец Новороссии, так как сербы находились в постоянной смертельной вражде с запорожцами из-за земель; но он сам приводит такие факты, которые противоречат его взгляду. «Сечь, переименованная селом Покровским, – говорит он, – подарена бывшему тогда генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому при 200 тысячах десятинах земли. Впоследствии времени сии 200 тысяч десятин земли заселены тремя тысячами душ и наследниками князя Вяземского проданы жиду Штиглицу, заделавшемуся коллежским асессором, нажившему необъятную сумму денег от содержания им по откупу соляных озер в Тавриде. Таким образом, Штиглиц сделался первым в сем краю помещиком. Такова Россия для бродяг: кто бы смел подумать в прежние времена сказать запорожцам, что их милая Сечь будет со

временем принадлежать жиду!»; см. *Пишчевич А. С.* Примечания на Новороссийский край. Киевская старина. 1884, январь. С. 121.

189

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. С. 763–764.

190

Киевская старина. 1885, апрель. С. 783–790.

191

Вот характерный народный рассказ о таких слободах, записанный И. И. Манжурою: «як увелы «положение» Сынегуб и поселився у Заплавци (слобода Новомосковского уезда) и почав до себе хрестьян накликаты. Тоди саме пишла така казенщина и город (Екатеринослав) строилы, выгонялы и шляхы копаты заставлялы, то було вин и мане: идит до мене, поможете мени що по хозяйству управыты, а я вас на казенщину не дам. Отто и йшлы людей. Год шист рассказуют добре було. Привезе було чоловик ёму виз очерету, та дров воза тры, а в литку с хлибом поможе управытись – та и уся работа. А то уже як выйшло шисть год – вин их подпысав пид себе на вики; та так дило и зашерхло аж до воли» (Картинка введения екатерининских порядков в Западном крае. Екатеринославский юбилейный листок, 1887, № 2).

192

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 9. С. 319–331.

193

Материалы для оценки земель Херсонской губернии. Т. 3. С. 123–125.

194

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 12. С. 360–361.

195

Там же. С. 363–364.

196

Киевская старина. 1885, март. С. 534–534.

197

Материалы для оценки земель Херсонской губернии. Т. 1. С. 48–49.

198

Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Ч. 1. С. 560.

199

Реестр о розданных, но незаселенных Екатеринославского уезда землях. Екатеринославский юбилейный листок. 1887, № 3.

200

Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVIII, указ от 31 декабря 1804.

201

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 12. С. 383.

202

Киевская старина. 1885, март. С. 537.

203

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 12. С. 337.

204

Материалы для географии и статистики России. Екатеринославская губерния. С. 9.

205

Землевладение Российской империи. Т. 5. С. 304, 339.

206

Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 2. С. 27.

207

Там же. Ч. 1. С. 231.

208

Сведения о нем в трудах преосвященных Гавриила и Феодосия.

209

Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 1. С. 15–45; его же Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1. С. 223–225.

210

Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 1. С. 23.

211

Известие о походе Симеона Степановича Пищевича. М. 1884. С. 91; предупреждаю читателя, что в дальнейших выписках я не буду наблюдать правописания подлинного текста Пищевича.

212

Известие о походе Симеона Степановича Пищевича. С. 416–417.

213

Там же. С. 449–450.

214

Известие о походе Симеона Степановича Пищевича. С. 185–190.

215

Там же. С. 191.

216

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 8. С. 268.

217

См. об этом статью архимандрита Арсения Сафроний Добрашевич, архимандрит Новой Сербии. Киевская старина. 1884, октябрь. С. 276–304.

218

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 3. С. 88.

219

Reisen durch Russland. Bd. 2. S. 177.

220

Там же. С. 120, 124–177.

221

Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI, № 11720.

222

Там же. Т. XVI, № 11880.

223

Там же. Т. XVI, № 11879.

224

Там же. Т. XVI, № 11881.

225

Там же. Т. XXVII, № 20259.

226

Там же. Т. XXVII, № 21163.

227

Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVIII, № 21177.

228

Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848. С. 34-35.

229

Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1. С. 227-228.

230

Там же. Ч. 1. С. 247-250.

231

Довольно обстоятельные известия о немецкой колонизации в России можно найти в известном сочинении А. А. Клауса «Наши колонии» (1869); впрочем, автор, главным образом, интересуется их настоящим положением, а о прошлом говорит мало. У А. А. Скальковского мы находим список всех иностранных колоний с обозначением времени и места их основания (Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Т. 1. С. 327-330).

232

Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI, № 19372, указ 6 апреля 1800.

233

Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Т. 1. С. 264.

234

См. план организации этих колоний в Сборнике Императорского Русского исторического общества. Т. LIV. С. 102–205.

235

Подробности об отводе им земли см. в Записках Одесского общества истории и древностей. Т. 4. С. 359–362.

236

См. статью епископа Гавриила «Переселение греков из Крыма в Азовскую губернию» (Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. С. 197–204).

237

Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1. С. 281–283.

238

О греческом братстве и его устройстве см. любопытную статью В. Н. Ястребова «Греки в Елисаветграде» (Киевская старина, 1884, апрель. С. 673–684).

239

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 8. С. 209–210; Т. 10. С. 274–276.

240

См. Сборник событий в Новороссийском крае (Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 305).

241

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 3. С. 297.

242

Письма о Крыме. С. 218, 220.

243

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 12. С. 403–405.

244

Там же. Т. 12. С. 660.

245

Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1. С. 255; Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Т. 2. Прил. 2.

246

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 12. С. 379–380.

247

Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVIII, № 21458, указ от 20 сентября 1804.

248

Эварницкий Д. И. Сборник материалов для истории запорожских казаков. СПб. 1888. С. 222–225.

249

Пишчевич А. С. Примечания на Новороссийский край. Киевская старина, 1884. № 1. С. 129–130.

250

Никитин В. Н. Евреи-земледельцы. 1807–1887 годы. СПб. 1887.

251

Евреи-земледельцы. С. 25, 75, 85.

252

Турецко-татарское население города Кинбурна и других мест, уступленных России, имело своеобразную культуру: занималось скотоводством, земледелием, огородничеством, садоводством, собирало соль и возило ее на продажу в Очаков, устраивало

водопроводы; из фруктовых деревьев оно разводило миндаль, яблоки, груши, вишни, шепталу, абрикосы, орехи, шелковицу, розы, айву, виноград (см. «Топографическое описание». Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7.).

253

История Новой Сечи. Т. 1. С. 179–180; Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 185.

254

Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 2. С. 14, 18–19, 21, 23.

255

Землеописание Российской империи. Ч. 5. С. 305, 339–340. Вероятно, частые неурожаи привели А. С. Пищевича к странной мысли о необходимости приостановить колонизацию Новороссийского края в начале XIX века, потому что в нем, по климатическим условиям, не может процветать земледелие, а только одно скотоводство; но это последнее требует простора; «большое же число людей на сей степи только будет тяготить народ, а пользы никакой не принесет» (Киевская старина. 1884. № 1. С. 123, 129).

256

История Новой Сечи. Т. 1. С. 190–191.

257

Устное повествование. С. 67.

258

Reisen durch Russland, Bd. 2. S. 178, 190.

259

Екатеринославский юбилейный листок. № 21. С. 204–206.

260

Путешествие в полуденную Россию. Ч. 2. С. 107–108. Нужно, впрочем, заметить, что книга Измайлова изобилует риторикой и бедна фактами; вероятно, и здесь он несколько преувеличивает.

261

Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 2. С 103–119, 122–124, 164–160, 193–198, 305–306.

262

Устное повествование. С. 33.

263

История Новой Сечи. Т. 1. С. 184.

264

Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 2. С. 340.

265

Землеописание Российской империи. Ч. 5. С. 341.

266

Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 2. С. 353–364.

267

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 186.

268

Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 2. С. 405.

269

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 186.

270

Морской сборник. 1855, ноябрь. С. 167.

271

Путешественные записки. С. 269.

272

Морской сборник. 1855, ноябрь. С. 167.

273

Екатеринославский юбилейный листок. № 6. С. 51; к сожалению, мы не могли достать брошюры инженера Штриппельмана и не нашли в «Морском сборнике» статьи инженера Семечкина, на которую ссылается автор заметки Шрейдер.

274

Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 2. С. 508–515.

275

Traite sur le commerce de la mer Noir. T. I.P. 297–298.

276

Подробности см. История Новой Сечи. Т. 1. С. 212–244.

277

Материалы для истории Южнорусского края. С 310–312.

278

Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах ей прилежащих, изданных В. И. Дашковым. Т. 1. Прим. 2.

279

Землеописание Российской империи. Ч. 5. С. 324-325.

280

Все эти цифры мы заимствовали из первого и второго томов «Хронологического обозрения» А. А. Скальковского.

281

См. об этом в «Истории Новой Сечи» А. А. Скальковского и в «Материалах...» преосвященного Феодосия.

282

Ляликов Ф. И. Исторический и статистический взгляд на успехи умственного образования в Новороссийском крае. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1848. Т. 2. С. 330-356.

283

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. LIV. С. 307.

284

Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 2. С. 98-99.

285

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 3. С. 305.

286

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 9. С. 252.

287

Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах ей прилежащих, изданных В. И. Дашковым. Т. 1. С. 130–143.

288

Русская старина. 1875. Т. XII, XIII, XIV.

289

Новь. 1887. № 4. С 207.

290

Круглов А. Русский архив, 1881. Кн. 1. Вып. 1. С 32–51.

291

В Опыте статистического описания Новороссийского края показано 3 127 034. Но мы везде отбрасывали сотни, десятки и единицы, оттого и вышло меньше.

В Одессе, в ведомостях, показано иностранцев 9451, т. е. такое число, какое выдано билетов «на жительство» (billet de sejour). Но должно заметить, что многие иностранцы приезжают с женами и целыми семействами; следственно, их бывает иногда более 15 000 душ обоего пола в один год.